

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Марат БАЙЗАКОВ

ПОЛЕТ В БЕЗДНУ

Рассказ

Проснувшись, солнце осторожно высовывает конопатую голову из-под водяного одеяла. Сонными глазами оно вглядывается в берег: «Кто там проснулся раньше меня и визжит, как поросёнок?» Это чайки. Ещё в темноте они закружили над утёсом. Кричат друг на друга, суетятся, дерутся из-за всякой падали, за ночь выброшенной морем на берег.

«Шшшсс! Шшшсс!» – успокаивают их волны. – Солнце разбудите, тышшсс!» Но поздно. Алый шар уже лениво потягивается, длинным пунцовым языком лижет край океана, медленно встаёт, отдавая рябью на воде.

проза

Алексей ГВАРДИН

Неотвратимость, похожая на смерть.....

...покинуть минотаврову средю
из частных новоделов и наделов
и городскую пересечь черту
без восклицательных, кавычек и пробелов.
И лечь в траву в очнувшемся саду,
не думая о способах и средствах,
дышать весной под яблоней в цвету,
разглядывая облако из детства.

ПОЭЗИЯ

Исажон СУЛТОН

ДИВНЫЙ САД

Рассказ

Ворота сада были распахнуты настежь. Внутри же оно – величественное дерево, – крона которого теряется в облаках. С ветвей по-прежнему срываются и падают листья.

Интересно, чье имя на этот раз написано на падающем с дерева листе?

Мы с привратником долго в упор смотрели друг другу в глаза.

Наконец, он, все так же опираясь на посох, усталым голосом изрек:

– Заходи уж, довольно...

переводы

проза

Лидия ДУДАРЕВА

ШКОЛОТА

Роман

В это утро ранней осени директор школы с утра находился под обстрелом в очень высоком кабинете. Дело в том, что очередная комиссия из самых высших сфер образования по какому-то доносу решила, наконец, разобраться в особенностях обучения во вверенном ему учреждении. Хозяин кабинета, первый человек в городе, занял нейтральную позицию, и на его поддержку Рахиму Ахмедовичу рассчитывать не приходилось.

Возглавлял комиссию очень известный и набирающий административный вес художник-академик.

ПОЭЗИЯ

Людмила БАКИРОВА

Не уходи от себя далеко

Иди же к себе по траве, по росе, по песку,
Взгляни – розовеет лесная опушка.
Там круглое солнце у леса лежит на боку,
Да где-то кукует, кукует, кукует кукушка.

И дерева ветка стучит и стучит по плечу,
Печаль отгоняя, и боль, и усталость.
Кукушка, кукушка, я знать не хочу,
Сколько мне жить в этом мире осталось.

литературоведение.
литературная критика

Татьяна ПЕРЦЕВА

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

...переводчик не должен лениться. Дело в том, что существует такая практика: если не знаешь, как перевести слово, берешь его первое значение в словаре. Нынешние переводчики так и поступают, не обращая внимания на то, что фрагмент пазла не подходит, совсем как те умельцы, которые вбивали датчики ракеты вверх ногами. Нужно чаще смотреть в словарь и читать все значения слова.

...Когда переводишь книгу, которая уже была переведена, следует посматривать в чужой перевод именно для того, чтобы сделать свой непохожим, а то и иск могут предъявить за плагиат!

СОДЕРЖАНИЕ

На волне культурного сотрудничества

- Интервью заместителя главного редактора журнала «Звезда Востока» Клавдии Панченко с послом республики Бангладеш в республике Узбекистан Мосудом Маннаном.64
- Александр АРИСТОВ.** Молодежная эстафета (форум национальных культур).140

ПРОЗА

- Марат БАЙЗАКОВ.** Полет в бездну. Рассказ.5
- Лидия ДУДАРЕВА.** Школота. Роман.28
- Сергей ШМАКОВ.** Страсти Алеши. Рассказ.58

ПОЭЗИЯ

- Людмила БАКИРОВА.** Не уходи от себя далеко.10
- Алексей ГВАРДИН.** Неотвратимость, похожая на смерть...25

НОВЫЕ ИМЕНА

- Катерина ПЕЧЕНКИНА.** Трипод. Рассказ.71

ПЕРЕВОДЫ

- Исажон СУЛТОН.** Дивный сад. Рассказ. Перевод с узбекского Зульфиры Хасановой.15
- Зикирилла НЕЪМАТ.** Беден без памяти мир... Перевод с узбекского Николая Ильина.68
- Икром ОТАМУРОД.** Место, не попавшее на карту. Поэма. Перевод с узбекского Ойгул Суюндиковой.83
- Нарзулло БАТЫРОВ.** Вторая жизнь. Повесть. Перевод с узбекского Гавхар Норматовой.94

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Борис ГОЛЕНДЕР.** Алексей Бенуа.91
- Владимир ФЕТИСОВ.** Дети Бату.121

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Александра КАЗИМИРЧУК.** Солнце и тени.127
- Владимир КАРАСЕВ.** RENDEZ-VOUS с красотой. Эссе...134
- Азатгул ТАШМАТОВА.** Современная жизнь национальной традиции.150

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Татьяна ПЕРЦЕВА.** Заметки переводчика.132
- Александра ДАВШАН.** «Родина детства, храни тебя Бог от метелей...»143
- Аскарый МАДРАИМОВ.** Тюркский мир в «Мемуарах» Ахмада Заки Валидова.148

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Инны Васильевой

В подборку стихотворений Саги Сагидаш в № 6 2017 г. было ошибочно включено стихотворение И. Анненского «Среди миров, в мерцании светил...». Редакция приносит свои извинения.

Звезда Востока

2018 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 11.04.2018 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 800 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
«MASHHUR-PRESS NASHRIYOTI».
г. Ташкент, ул. Ислама Каримова, д. 16

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ПОЛЕТ В БЕЗДНУ

Рассказ

Марат БАЙЗАКОВ

Проснувшись, солнце осторожно высовывает конопатую голову из-под водяного одеяла. Сонными глазами оно вглядывается в берег: «Кто там проснулся раньше меня и визжит, как поросёнок?» Это чайки. Ещё в темноте они закружили над утёсом. Кричат друг на друга, суетятся, дерутся из-за всякой падали, за ночь выброшенной морем на берег.

«Шшшсс! Шшшшсс! – успокаивают их волны. – Солнце разбудите, тышшсс!» Но поздно. Алый шар уже лениво потягивается, длинным пунцовым языком лижет край океана, медленно встаёт, отдавая рябью на воде.

Здесь, на стыке стихий, царствуют чайки. Их многотысячные гнёзда беспорядочно разбросаны по всему берегу, гроздьями свисают с прибрежных скал и утёсов, прячутся под чёрными засохшими кустами. Буроватого цвета молодые особи проворно скачут по земле и кудахтают, как куры на насесте. Шумят они от голода, потому что прожорливы, как мешок. Зато летают чайки изяшно, скользят по небу, а не мечутся, как воробьи. Вот только примолкли б немного!

Среди этого балагана нелегко заметить её – чайку, застывшую на краю утёса, устремившую свой взор вдаль, к горизонту. Обычный самец с густым оперением и белым подпушником. У старых чаек оперение со временем белеет, очищается, седеет, как волосы у людей. Крылья дугообразные, короткие, аккуратно сложены по бокам, а кончики чёрные, будто перчатки. Слегка изогнутый клюв блестит на утреннем солнце, словно выкован из стали.

Внизу по-человечески суетятся его сородичи, вопят, стонут, хохочут. Стая парит кругами, подбирает пищу на взморье, а тот, что на утёсе, их не видит. Безмолвный, неподвижный. Лишь бриз тревожит кончик его круглого хвоста.

Чайки ходят по берегу, роются в песке, без надобности не взлетают, парят низко, это значит одно – вскоре быть шторму. А пока солнце улыбается, следит за всеми, как мать за своей детворой. Песчинки сверкают, умываются в пенах волн. Морской ёж надулся кактусом, а лунная улитка приняла угрожающий вид. Вот выполз элегантный краб. На нём будто форменная одежда с галунами. Не выспавшись, он хмуро водит усами и вновь впадает в спячку. Лентяй. Лишь одинокая чайка, будто каменный истукан который час стоит,

Марат БАЙЗАКОВ. Родился в 1979 г. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Неоднократно публиковался в журнале «Звезда Востока».

вглядываясь в даль, и думает о чём-то своем. Не гаркнет, не шевельнётся.

В море вышло рыболовное судно. «Белые вороны моря» тут же завопили, заохали и бросились к нему, на лету поклёвывая друг друга. А самец на утёсе и головой не дёрнул, не моргнул, не посмотрел, куда ринулась стая. Стоит себе всё утро, как памятник, быть может, и ночь так простоял. Кто его знает?

И вдруг чайка вытянула голову, устремив клюв к солнцу, подавшись вперёд, крылья развернулись и, оттолкнувшись когтями от камня, она взлетела. Под ней кружили её голодные сородичи. Тоска и отчаяние слышались в их голосах. Она их не слышала. Зов моря манил её. Казалось, она более не была чайкой. Её не волновали ни стая, ни добыча, ни гнезда. Она даже летела не как чайка, которая только и умеет, что кружить, она летела по прямой, прочерченной кем-то линии вперёд, в глубь бесконечного моря.

Снизу за ней наблюдали чайки. Они смотрели ввысь и им казалось, что это орёл парит над ними. Птица летела высоко, стремительно и в самую даль пугающего моря, куда ни одна чайка не осмелилась бы залететь, будь она хоть неделю голодной.

Летела чайка долго, не сворачивая и не издавая ни звука. Берег давно растворился в море или в небе – непонятно – все было голубым и бесконечным. Крики чаек стихли и над морем повисла пронзительная тишина. Водная гладь сияла и слепила глаза.

Птица заметила, что внизу по воде за ней следует что-то тёмное, резвое, ни на дюйм не отстаёт. Рыба? Дельфин? Птица чаще замахала крыльями, немногим ускорив полёт. Преследователь ускорился в ответ. Чайка стала уставать. Она желала окунуться в море, поймать зазевавшуюся рыбку и хоть немного расслабить крылья и стала снижаться. Темное пятно приближалось. Только у самой поверхности воды, догадавшись, что это вовсе не рыба, а бегущая по волнам ее собственная тень, чайка не страшась нырнула в море. Несколько мелких цветных рыбёшек оказались в её клюве вместе с морской водой. Чайка разом заглотнула их и вновь взлетела ввысь. Тень послушно скользила за ней.

Чайка летела то ускоряясь, будто опаздывала куда-то, то замедляясь от усталости и жажды. Солнце давно пошло на убыль и уже таяло в море, как масло на горячей сковороде. Небо заволакивало свинцовой мглой. Просыпался ветер, играл и гнал откуда-то тучи. Тучи были жирные, насупленные, злые. Обессиленная и изнурённая, чайка несколько раз падала в воду, барахталась в волнах, встревоженных надвигающейся бурей, тщетно пыталась отдохнуть, сомкнуть глаза, забыться. Волны кружили птицу в водовороте, тянули на дно, уносили обратно туда, откуда она летела. Тогда чайка из последних сил вырывалась из морских объятий и поднималась в небо. Начавшийся дождь колотил её по голове, крыльям, хвосту. Птица задыхалась, летела с раскрытым клювом. Ветер дразнил её, толкая то справа, то слева, путая ритмичное движение её крыльев. На мгновение чайка застыла и повисла в воздухе – ветер держал её своими бархатными руками и не пускал вперёд, будто дальше была его территория. Птица отчаянно махала крыльями, но, выбившись из сил, стремительно полетела вниз. Словно сбитый в небе самолёт, накренившись на правое крыло, она парила в свободном падении. Вдруг меж прыгающих и резвящихся, словно языки пламени, волн мелькнула лодка. Одинокое призрачное судно дрейфовало в бушующем море.

Чайка заметила лодку. Людей на ней не было видно. Не было и времени на раздумья. Она вот-вот обессиленно рухнет в море, погрузится в безмолвие.

Беспорядочно махая крыльями и уже не чувствуя их, она направила своё падение туда, в лодку, как в спасательный круг, в гнездо, в рай.

– Птица?! – раздался крик со дна лодки.

В лодке оказался человек. Он лежал на самом дне, где из мелких пробоин медленно сочилась вода.

– Чайка! Чайка! Урааа! – заорал он, неуклюже вскакивая на ноги. Лодку расшатало, человек не удержался и рухнул в образовавшуюся на дне лужу. – Где? Где земля? Где земля? – орал он неистово.

Он осторожно привстал, несколько раз повернулся, разглядывая горизонт. Долго всматривался в ту сторону, откуда предположительно прилетела птица. Он прищуривал глаза, приложив ладони ко лбу, бессвязно орал сперва «ау», потом зачем-то «эээ», а затем, прокричав истощное «ааа», упал коленями в лужу и заплакал в разодранные кулаки. Ответа не было, как не было и земли. Птица неподвижно лежала на корме.

– Эй, – окликнул её человек, успокоившись. – Эй, ты жива там?

Чайка не шевелилась. Её правое крыло веером закрывало голову, будто на неё всё ещё дул ветер. Человек осторожно приблизился к ней. Потрогал пальцами. Птица не подавала признаков жизни.

«Сдохла», – подумал человек. Он взял чайку на руки. Приложил её к уху. Маленькое птичье сердечко колотилось, будто утренний дождь стучал по палубе спящего корабля. Тка-тка-тка-тка!

«Жива, чертовка, а глаза закрыты, боится!»

– Откуда ты такая взялась, а, эй? – произнёс он, решив, что чайка была самкой.

Он поглаживал её крылья, окоченевшие от ветра и дождя. На обожжённом солнцем лице человека появилась улыбка. От улыбки потрескались губы.

– Небось пить хочется? Сейчас...

На дне лодки он нашарил почти пустую бутылку.

– Вот, глянь, водичка, пресная, тёпленькая, аккурат твоя порция осталась.

Откупорив бутылку, он налил немного себе в ладонь и поднёс её к клюву птицы. Та разом заглотнула всё с ладони и вновь опрокинула голову в мозолистую, испещрённую линиями ладонь человека.

– Что ж ты тут потеряла, глупая ты птаха? – человек потряс головой, зацокал: – На берегу не сиделось?

Он ещё раз оглядел горизонт – а вдруг земля? Нет, земли не было, была лишь стена из моря и неба, размазанная грузными тучами. И непонятно, где заканчивалось одно и начиналось другое.

– Хоть клювом бы указала в сторону суши! Далеко земля-то?

Он потряс чайку, как трясут пьяного, чтоб хоть что-нибудь выведать.

Некоторое время он сидел молча, вглядываясь и прислушиваясь к птице. Птица открыла глаза и удивлённо разглядывала будто покрытую инеем голову незнакомца, его обвисшие щёки, недельную шетину, сетку морщин на лице, постаревшие глаза, но всё ещё молодой взгляд. Она отлично помнила, что эти двуногие существа часто разоряли их гнёзда, уносили яйца, но этого человека чайка почему-то не боялась вовсе.

Тем временем приближался шторм, бушуя, гремя, будто тяжелыми сапогами он топал по небу. Посейдон заносил острые, как трезубец, молнии над обречёнными душами в лодке. Молнии отражались в глазах человека и птицы. Лодку раскачивало всё сильнее и сильнее, закручивало в водовороте, швыряло в стороны. Море кружило их в танго, а ветер выл им мелодию.

– Слушай, – заговорил наконец человек, пытаясь удержать равновесие, – я был рад с тобой познакомиться, но, думаю, нам лучше расстаться. Видишь вон ту пузатую тучу? – он указал куда-то в небо. – Ташится как беременная, а стоит ей только треснуть и опорожниться, как нас с тобой тут же под воду и засосёт. У тебя ведь крылья, а у меня даже вёсел нет. Так что ж ты тут расцелась? Лети, спасайся, пока можешь!

Он легонько подкинул птицу вверх. Напрасно. Птица крепко держалась когтями за скрюченные пальцы человека, не выпуская их, лишь дёрнула крыльями и тут же вновь их сложила.

– Лети же, чёрт тебя подери! – заорал человек во всё горло. – Лети, говорю, курица! Тебе что, жить надоело? Потом ведь поздно будет!

Он изо всех сил швырнул чайку в небо, в тучу, прямо в остриё сверкающего трезубца. Вспышка озарила испуганные глаза птицы. Чайка вспорхнула, сделала круг над лодкой и вновь камнем бухнулась в неё. Лужа на дне тем временем росла и ширилась. Она легко проглотила птицу. Человек тут же вытащил её и прижал к исхудалому телу.

– Ты уж не сердчай на меня, – каждое слово он выговаривал громко и чётко, будто чайка могла понять его, – но всё же странная ты птица, глупая.

Дождь с размаху хлестал их, волны пытались опрокинуть в море, а молния пронзить стрелами. Одной рукой человек держался за лодку, другой прижимал чайку к груди.

– Вот если бы у меня были крылья... – он орал, стараясь перекричать бурю, обливаясь то ли дождём, то ли морской водой, а быть может, и слезами, – я бы полетел отсюда к чёртовой матери.

Лодку опять закружило. На этот раз так внезапно и резво, что вода на дне тут же закружила в обратную сторону, будто её невидимой ложкой кто-то мешал. Вода захватила и закрутила пустую бутылку, глухо ударяя её о борт суденышка.

– А знаешь, чего мне не хватало всю жизнь? – рычал человек то ли птице, то ли буре.

Волна в человеческий рост, вдруг выскочив откуда-то из-под судна, набросилась на него, будто пытаясь заставить замолчать человека, заткнуть, помешать ему раскрыть какую-то важную тайну.

– Свободы! – проорал он всё же, еле удерживаясь в лодке и кашляя, поперхнувшись водой. В этом слове сосредоточилась его горечь, ярость, отчаяние. – Свободы, вот чего мне всё время не хватало. Да такой свободы, чтобы, как вот тебе, в небе леталось, понимаешь меня? Вот это море, мать его, и было моим небом! Здесь мне леталось, и здесь я был свободен, по-настоящему свободен, понимаешь? А теперь, видно, от этой свободы и сгину.

Скрипя досками, лодка кренилась на бок. Человек пересел на другую сторону.

– А тебе-то, курица, чего не хватало, а? Ну, чего тебе не хватало? Всё небо было твоё, пари – не хочу. Что ж тебя в море-то занесло, дура пернатая? По-мрём мы тут с тобой, ты это понимаешь? И никто о нас не вспомнит! Никто!

Птица молчала, но смотрела собеседнику прямо в глаза, смотрела понимающе, сочувственно. Глядя так же, она сорвалась тогда с утёса. Тогда? А когда это было? Сегодня утром? Вчера? Год назад? В прошлой жизни?

Человек, будто вспомнив что-то важное, вдруг встрепенулся, оставил птицу и полез в конец лодки. Там от прогнившего и пропитанного водой борта, он начал ногтями отдиравать древесину. Ногти ломались, кровоточили. Боли он не ощущал,

продолжал рвать, будто в нём, в этом обломке, и было сокрыто его спасение, их спасение. Наконец ему удалось добыть небольшой кусок, размером с ложку. Всё это время птица сидела на другом конце лодки и внимательно наблюдала за странными движениями человека. Тот снял рубашку, потом майку и разорвал её на куски. Острым концом отломанной шепки он проколол себе палец. Потекла чёрная кровь. На оторванной материи он начал выводить буквы. Писал он своё имя, после каждой буквы поглядывая вверх, на тучи. Те всё сгущались, хмурились, пугали молниями. Дождь смывал кровь с пальца и размывал буквы. Пряча кровавый палец, как зажжённую спичку от ветра, он спешил закончить начатое. Буквы выходили острые, ломаные, пугающие. Кровь стекала, как мёд, сворачивалась. Её было мало, не хватало на фамилию. Он отчаянно выжимал её, кусал палец, высасывал. Фамилия, как назло, была длинная, редкая, трудновыговариваемая, а теперь и трудновыводимая. Чёрт бы её побрал! Наконец он закончил. Кровавое имя на материи моментально потускнело, превратилось в тёмное пятно. Нет, нужна ещё дата. Закрыв глаза, он стал отсчитывать время со дня крушения корабля.

«Какое же сегодня число? Семнадцатое? Двадцатое?»

– Что за день сегодня? – крикнул он в сторону птицы, вспомнив, что он не один в лодке. – Молчишь? А я тебе скажу какой сегодня день, сегодня не наш день, вот какой сегодня день! Поняла?

Человек засмеялся, как скалятся волки, попавшие в окружение пьяных охотников – отчаянно, злобно, с яростью – и вновь стал ковырять рану. Та успела затянуться. Морская вода обжигала её своей солью. Острый конец шепки входил глубоко, упирался в кость.

– Пусть будет двадцать первое, – решил человек. Кровавое чернило обильно потекло. Он дописал дату, скатал послание в трубку и стал закладывать его в бутылку. Тщательно закупорив, он поднял её к глазам. Сквозь стекло увидел клюв и две черные точки. Опустив бутылку, он начал её раскупоривать. Долго ею тряс, пока не показался кончик материи.

– Звать-то тебя как? – спросил он чайку.

Не дождавшись ответа, он вывел возле своего имени: «...и чайка Чертовка».

– Никого не забыл? – он устало улыбнулся чайке. Тщательно закупорил бутылку и швырнул её в воду. Море, булькнув в ответ, заглотнуло послание на целую вечность. Человек ещё немного поглядел на то место, куда кануло его имя, их имена, и, как на плахе, опустил голову. Завидев это, дождь приступился стучать по ней пуше прежнего.

– Я бы на твоём месте рванул воон в ту дыру, видишь? – обратился он к птице, дрожащим пальцем указывая на самое светлое место в небе. На кончике пальца образовалась красная капля и капнула в море. – Тучи там ещё толком не успели смешаться, обняться, стесняются, видимо, и луна, кажись, последний раз оттуда выглядывала. Если повезёт и не сразит молния, можно прорваться прямо к звёздам. Там, за этими тучами, тишина и покой. А... впрочем... как и на дне моря.

Последнюю фразу он произнёс почти шёпотом, на выдохе.

Тьма наступила мгновенно, будто кто-то уходя выключил солнце, луну, звёзды. Прижав птицу к груди, человек лёг на дно лодки. Вода на дне плескалась, окутывала человека как одеяло, целовала его обветренные щеки, глаза, лоб, укладывала спать.

«Ну, вот и всё», – успел он сказать.

Его сердце стучало и рвалось к сердцу птицы. Неспokoйные родственные души лежали на дне лодки и молча наблюдали, как над ними скапливается охапка туч и сверкают молнии, словно кто-то пытается поджечь эту охапку.

Людмила БАКИРОВА

Не уходи от себя далеко

* * *

Как если бы шла я по белому снежному полю, как если бы шла не одна,
Шёл рядом попутчик такой, каким для себя быть могла я сама,
Мы шли, говорили, смотрели друг другу в глаза, и в них мы не видели дна.
Нырjali и вновь выплывали,
А рядом и дальше, и дальше – везде и повсюду стояла зима,
И дерево в белом на ветках, в комочках из снега казалось цветущим,
Цветущим и белым, таким, как бывает весной,
Мы рядом стояли, мы долго молчали, как если бы каждый,
Как если бы вместе, один для другого,
Мы были такой белизной.

* * *

Решаешь одну проблему и попадаешь в другую, как в омут,
Крутит, вертит,
Нырjaешь, не чувствуешь дна,
Ветер уносит прочь семена,
А оставляет в ладонях простую солому.
Нет, лучше сидеть, наверное, дома,
Включить телевизор – но там то разборки, то распри, то бойни.
Повсюду большие и малые войны.
Грусть подступает,
Находит усталость,
Холод какой-то стоит за спиной,
Вот и друзья, их почти не осталось,
Кто-то куда-то уехал, а кто-то ушёл в мир иной.
Сосед что-то дрелью сверлит и сверлит за стеной, сверлит и сверлит...

Людмила БАКИРОВА. Член Союза писателей Узбекистана. Родилась в Кировской области РФ. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Публиковалась в сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», «Звезда Востока», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор».

* * *

Сохрани это слово в своей голове,
 То слово, к которому могут потом прицепиться
 Красное солнце, след на траве, жёлтая, с красными перьями птица.
 Вот здесь и бросай, и бросай семена,
 Здесь будут расти стихи,
 Сквозь них пусть течёт тишина, тишина, овраги, холмы, лопухи,
 А после под ними – да-да – под стихами, смотреть, как, срывая с цветов лепестки,
 Он – ветер – играет, играет ветвями, слова повторяя из длинной строки.

* * *

Так всё меняется,
 Так незаметно,
 Так день выпускаешь внезапно из рук,
 Вчера ещё сочные листья на ветках, а нынче лишь голого дерева сук,
 Плетень над пустынной зябкою грудкой, тропа через скошенный луг
 Намокнут – дождей на земле отпечатки,
 В седой паутине паук
 Висит неподвижно, как брошка из воска, в древесных сплетеньях куста,
 По водам из облака серого остров плывёт к середине пруда,
 Он – пруд – отражает и берег обрыва, и покосившийся стог,
 Песчаную косу, лежащую криво, и рубчатый гравий, и мелкий песок,
 Дошатую лодку на горке вверх днищем со старым забытым стожём,
 Где ты, обошедший костров пепелища, прошедший по полю колючим жнивём,
 В себе ощущаешь, в себе открываешь, в себе принимаешь не сразу, не вдруг,
 Такую же осень, где птиц перелётные стаи давно улетели на юг.

* * *

Спелые ягоды сладкой малины – горстку за горсткой – срываю с куста,
 нет больше ягод...
 За ним – за кустом – покрывалом
 палые листья, опилки, скорлупки орехов и шкурки плода
 между крыльцом в две ступеньки и глиняным старым дувалом.
 В будке дошатой на громкой бренчащей цепи волкодав
 глазом косит и рычит, за людскою следя во дворе суетою,
 шланг из-под шкафа в кладовке дошатой веранды достав,
 брат поливает весь двор исподкранной, с арыка холодной водою.
 Зной целый день.
 На айване под грушей корявой в тени курпача.
 Клара снимает с решетки тяжёлую крупную гроздь винограда.
 Там, где коровы пасутся и бродят за мелким арыком по травам, мыча,
 к вечеру мальчик-узбек собирает их в сытое жвачное стадо.
 А ночью на небо выходит такая большая луна,
 Что тропка от лунного света до отчего – в России – видна.

* * *

Тогда, когда надумаешь всерьёз
Запечатлеть букет из красных свежих роз,
Слегка склонённых над хрустальной вазой,
Тогда возьми и напиши их сразу
Цветок к цветку,
Где надо бы учесть,
Пока в них чистота и свежесть есть,
Вдыхая свежий в комнате озон,
Он – ах, он в ах-ах просит междометий
С грозой лиловой, создающей фон
Для этих нежных бархатных соцветий,
Ну что ж, художник!
Кисти, карандаш,
Мольберт и краски, чтоб запечатлеть их,
Затем окно, потом в окне пейзаж,
Какого не понять тысячелетья.

А ты скажи мне в зимние морозы:
«Как хороши, как свежи были розы...»

* * *

Возвращайся к себе.
Не уходи от себя далеко.
Стой на краю.
Посмотри, как петляет дорога обратно.
Туман погружает людей и дворы в молоко,
Дома и деревья в тумане – размытые пятна.

Иди же к себе по траве, по росе, по песку,
Взгляни – розовеет лесная опушка.
Там круглое солнце у леса лежит на боку,
Да где-то кукует, кукует, кукует кукушка.

И дерева ветка стучит и стучит по плечу,
Печаль отгоняя, и боль, и усталость.
Кукушка, кукушка, я знать не хочу,
Сколько мне жить в этом мире осталось.

* * *

Начало – причал для каких-нибудь слов или фраз,
Где строки от ветра внезапного гнутся,
Луч солнца последний в деревьях увяз,
Споткнулся о вечер, там тихо погас,
Где хочется мне так обратно вернуться,
Взглянуть на тебя хоть один только раз,
К ладони твоей хоть на миг прикоснуться.

Памяти отца

Качает ветер камыши, охапки сена рвет из стога,
чуть-чуть покрапают дожди, и станет в крапинках дорога.
К земле прижмутся лопухи, осеребрённые от влаги,
туман сползет в кусты ольхи, оставив прядь одну в овраге.
Дрожит подсолнух у крыльца, кусты под солнцем сушат сети,
и странно как-то – нет отца нигде, нигде на этом свете.

Белеет церковь на горе,
косцы тропой бредут в покосы...
На наковальне во дворе
там отбивает мама косы.

* * *

Всё перемелешь, созреешь, потянет к строке,
Сквозь длинную паузу с ручкой в руке,
Отсюда возьмёшь, непременно оттуда,
Там, где в тебе зажигается груда
Из веток живых и сухой бересты,
Там ты по наитью наводишь мосты
К нему одному
На свету и во тьме,
Из осени двигаясь к белой зиме,
То кочка в пути, то бугор, то забор,
Дымится, чадя, затухает костёр,

А где-то в трескучем, сквозном декабре,
Найти бы хоть искру в потухшем костре.

* * *

Как-то гадалка мне нагадала на картах однажды,
О том, что вернёшься,
Но ты говоришь мне, что дважды не входят в одну и ту же реку,
А я не могу,
Я бегу за тобой, бегу,
А я бегу и кричу на бегу: «Не молчи!
Вот тебе – я,
Вот от дома ключи,
Вот мои двери распахнуты настежь,
Я твоя дама, крестовая дама по масти,
А ты мой черви, мой червонный король.
Не сыпь мне на рану горячую соль!
Остановись же!» –
Кричу и кричу тебе вслед,
А ты исчезаешь, ты таешь, нигде тебя нет,
Ну нигде тебя нет!
А на ладони мне падает, падает, падает снег,
Снег, снег, снег и замерзаю...

* * *

Всё
Держишь себя на ниточках-нервах,
Корчишь из себя древнегреческого героя.
И вдруг исчезает дыхание первое,
И вдруг подступает дыханье второе.
Тогда понимаешь – свобода внутри тебя есть или нет,
Тогда хочешь верить, на чём же держится весь этот свет:
на вере, надежде, любви,
И вроде бы надо сказать – се-ля-ви,
Да, но как же рожать и растить нам детей,
Ведь в мире так много опасных и страшных людей,
Точнее зверей.

А что ты мне скажешь в ответ?

* * *

А где-то внезапно, случайно, врасплох,
А где-то он путь твой не так, а иначе,
С обидой на выдох к себе и на вдох,
А где-то в ночи после двух или трёх
Вдруг птица ночная заплачет
И форточка хлопнет.
Проснёшься, спросонок
Ты мир этот будешь в себе отражать.
В тебе ещё прячется где-то ребёнок,
Не надо его обижать.

* * *

Так по какой себя судить мне мерке,
Что уяснить бы надо на примерке,
Добро и зло поставив на весы?
Дни пролетают, тикают часы...
Хотя грешки находишь при проверке,
Избавь, мой Бог, от чёрной полосы!

* * *

Подсолнухи, вспомни, желтеют над серым дошатым забором
и вместе с забором ложатся под утренним солнцем повтором
на пыль придорожную.
Дует с реки.
И мама грибные печет пироги.
Но всё, всё уходит.
На улице в слякоть
совсем невозможно стоять одному:
хотя бы в жилетку кому-то поплакать,
нет, лучше навзрыд лишь себе самому.
Так пусто и холодно в отчете дому.

ДИВНЫЙ САД

Рассказ

Исажон СУЛТОН

Рассказ Исаждона Султона «Дивный сад» в 2017 г. участвовал в литературном конкурсе стран СНГ «Художественное слово» и вышел в финал.

Знойный день был наполнен мелодией жужжания пчел, слетевшихся на клеверное поле за нашим домом. В конце поля протекал арык с прозрачной водой. Мы с другом, прихватив из дома свежее испеченную лепешку, собирались сплавлять ее по воде, подобно плоту. Глиняный дувал, ограждавший наш приусадебный участок, обвалился, и через образовавшийся большой проем была видна улица, утонувшая в пыли. По краю дороги, опираясь на посох, брел седобородый старик в белой полотняной рубашке-яхтаке, медленно приближаясь к нам.

Если не ошибаюсь, мне тогда было лет восемь или девять. А может, семь... словом, не помню. А вот старика я запомнил на всю жизнь! Звали его Холмухаммад-ота, он, как правило, сидел возле оштукатуренного дома в начале улицы и грелся на солнце. Увлеченные игрой, мы не заметили его приближения. Подойдя, он какое-то время наблюдал за нами, а потом вдруг прослезился.

– Почему плачете, дедушка? – спросил я.

У деда тряслась борода:

– Было время, когда и я сплавлял по воде испеченную мамой лепешку, а потом съедал ее, теперь вот вспомнил, глядя на вас, и плачу, сынок. Моя жизнь тоже, как лепешка, была да сплыла...

«Он, наверное, есть хочет», – решил я тогда, и точно помню, что протянул ему свой разбухший в воде ломоть лепешки. Старик взял хлеб и, не сдерживаясь, разрыдался.

Мы застыли в растерянности.

Старик, плача, с ломтем лепешки в руке медленно поковылял дальше.

Желая еще раз глянуть ему вслед, я перепрыгнул через арык и, забыв обо всем на свете, застыл с широко раскрытыми глазами. Вы спросите, что я увидел? Себя, стоящего возле дивного сада с золотыми воротами, украшенными хрустальными ручками. Возле ворот, держась за хрустальное кольцо, смеялся и зазывал меня в сад мальчишка-ровесник.

Исажон СУЛТОН. Родился в 1967 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Писатель, переводчик. Автор рассказов, повестей: «Молитва» («Муножот»), «Родник, освещенный луной» («Ойдинбулок»), романов: «Вечный скиталец» («Бокий дарбадар»), «Азад» и др.

Сделав два шага, я заглянул в сад. Не беру на себя смелость рассказать, что я там увидел, ибо это значило бы упростить все до земных понятий. Деревья, хотя и были похожи на привычные для нас, на самом деле были совершенно другими. А тамошние птицы и воды!.. Это был дивный сад! Поражающий своей красотой! Не найти слов, способных передать его великолепие!

Сад был просто волшебным, и я невольно сделал еще шаг.

Еще один шаг – и я оказался бы внутри. И тогда мне не составило бы большого труда наловить золотых стрекоз, грациозно порхающих в саду, или побеседовать вон с той златокрылой птицей Семург...

Возле ворот росло могучее дерево. Его ветви скрывались за облаками. Время от времени с них опадали листья. Вот прямо мне под ноги слетел пожелтевший лист. Нагнувшись, я увидел на нем надпись. С тыльной стороны, где проступали его желтоватые прожилки, было написано: «Холмухаммад, сын Зиё».

– Ой! – воскликнул я удивленно. Мальчик у ворот улыбнулся и покачал головой. Только было собрался я кое о чем спросить его, как услышал позади далекий взволнованный мамин голос, окликающий меня, и я будто очнулся от сна. Когда открыл глаза, увидел, что лежу на коленях у матери, побледневшей от страха. Рядом хныкал мой друг. Мама, рыдая, прижимала меня к груди:

– Ой, сыночек, что с тобой случилось? Ты до смерти напугал меня, дорогой!

– Видели? Вы тоже видели? – еле ворочая языком, встревоженно спрашивал я. – Вы видели сад?

– Какой сад? – спросила мама, изменившись в лице. – Что за сад, сыночек?

Я рассказал все, что видел. Мама промолчала, но ближе к вечеру к нам в дом пришел седобородый старик и стал читать надо мной молитвы.

Удивительно, стоило мне завести разговор о дивном саде и дереве-великане, не только мои родители, но и люди постарше боязливо восклицали: «Боже, сохрани!», некоторые плакали. И мама испуганно спрашивала: «Тебя никто не звал в тот сад? Когда ты увидел сад, ты заходил в него?»

Позже я узнал, что тогда, перепрыгнув через арык, я застыл как вкопанный, не реагируя на оклики друга и его желание растормошить меня. Страшно напуганный, он привел мою маму. Но я как стоял, так и продолжал стоять... Следом за мамой пришел отец, они подняли меня на руки и перенесли на террасу. И только некоторое время спустя я пришел в себя...

* * *

Прошли годы, я возмужал. Слава Аллаху, стал отцом. Слушая, как лопочет наш сыночек, видя его первые шаги, я был на седьмом небе от счастья. Мне казалось, что на свете нет отца счастливее меня. Но еще больше обожала ребенка моя мать. Когда он щебечет, словно ласточка, мама на глазах молодеет.

Позади дома все те же клеверное поле и арык, только поле стало меньше, а арык почти зарос.

Была в разгаре весна, черешневые деревья были усыпаны темно-бордовыми ягодами. Сын, еще не научившись говорить, уже успел стать любителем черешни. Западнее кишлака раскинулся большой черешневый сад. Усадив сына на плечи, я отправился туда и, нагнув ветку, наполнил тубетейку сына ягодами. На ветке повыше ягоды оказались более спелыми. Помню, что я дотянулся-таки до нее...

И сквозь ветви дерева вновь я увидел таинственный сад. Тот самый! Золотые ворота, ручки из жемчуга... Черноусый и чернобородый молодой человек

у ворот смотрел на меня и улыбался. Он узнал меня, и я его узнал!

Знаками он приглашал войти в сад.

Ворота были распахнуты настежь! Вновь передо мной предстали во всем великолепии виденные когда-то картины. Прямо перед глазами на стеблях появлялись бутоны и тут же распускались дивные цветы, и невозможно было понять, настоящие они или из золота. Дерево-великан возле ворот по-прежнему простиралось ветвями до небес, с легким шорохом с него один за другим срывались листья. Внутренний голос прошептал: «Может, это и есть дерево Тубо?» Вдалеке что-то сверкало и переливалось, радуя глаз. Переливы были так прекрасны и нежны, что, однажды увидев это, человек не мог отвести от них глаз.

Я проследил взглядом за слетевшим с дерева к моим ногам листом... и увидел, что на его тыльной стороне написано имя моего родителя!

В это мгновение донесся пронзительный плач сына.

Я пришел в себя, в отчаянии оглянулся и увидел, что сын медленными шажками дошел до небольшого арыка, свалился в его ледяную воду и расплакался. Я взял его на руки и крепко прижал к себе.

А когда оглянулся, видение уже исчезло. Сын, вытянув руку в сторону исчезнувшего сада, пытался что-то мне сказать.

(«Неужто и ты унаследовал эти видения, сыночек?»)

Потом мне вспомнилось то дерево возле ворот и сорвавшийся с его ветки лист. Я помчался домой. Сердце билось часто-часто в дурном предчувствии. За углом я свернул на нашу улицу, и ноги подкосились. Возле наших ворот собрались мужчины со всего кишлака.

Отец... отдавший все силы и молодость нам, бросавшийся из огня да в полымя ради того, чтобы мы росли здоровыми и счастливыми... отец ушел из жизни!

После этого я стал бояться сада.

Он являлся в моих снах, этот таинственный сад! Привратник молчал, любезно глядя на меня. «Что еще нужно тебе? – кричал я ему во сне. – Что ты от меня хочешь? Оставь меня в покое, я не хочу заходить в твой сад!» Я метался в бреду, но, просыпаясь, помнил все, что привиделось мне, картина стояла перед глазами, навсегда оставалась в памяти.

Жизнь шла своим чередом, постепенно страх видений исчез.

* * *

Когда сад привиделся в третий раз, я был уже седовласым, седобородым пожилым человеком. Нынешний вид сада свидетельствовал о некоей странной закономерности, глубину которой я так и не постиг.

Ведь жизнь... жизнь уходит...

В хмурое ненастье ноют кости. Начали слезиться глаза. Все чаще я сижу на топчане возле своего дома и греюсь на солнце. Все мое существо радуется солнечным дням золотой осени. Подобно осенней реке, душа прозрачна и спокойна.

Поднимаясь в очередной раз на свой топчан, я невольно взглянул поверх невысокого забора на приусадебный участок соседа. В этот год сосед засеял его клевером.

А в конце клеверного поля возникла знакомая картина.

Теперь и у привратника волосы были тронуты сединой. В саду царил ранняя осень. Мне еще не доводилось видеть такой красоты. С дерева-великана возле ворот с печальным шелестом, плавно кружа в воздухе, опускались на землю золотые листья. Опавших листьев было великое множество. Вся земля была усыпана листвой.

А разве на каждом листе не было написано имени?

На этот раз на листе, слетевшем под ноги, я прочел имя близкого друга. Мы были ровесники, вместе росли, играли. Мы и женились в одно время, во многом наши судьбы были схожи.

* * *

И наконец четвертое видение этого сада счастья...

Клеверное поле. Чуть поодаль два мальчугана сплавляют по воде лепешку. Я смотрю на ребятшек, а перед глазами чередой проходят детство, отец... мать... свежее испеченные лепешки... Из глаз все текут и текут слезы. Какие горячие – с пылу с жару – были те лепешки! Они были под стать жару сердца моей матушки... О, каким я был... Какими же мы были, друзья!

Стою, смотрю и не могу сдвинуться с места. Один из мальчуганов заметил меня. Вид плачущего старика, видимо, встревожил его, он не мог оторвать от меня широко раскрытых глаз.

– Почему вы плачете, дедушка?

– Ах, сыночек, ах! Как же мне не плакать, как не высказать то, что переполняет мое сердце! Ведь было время, когда я так же, как и вы сейчас, сплавлял по воде испеченные мамой лепешки... Эх, да и сам я, как этот хлеб в рыке, был да сплыл!

В моем сознании живы детство, облик деда Холмухаммада, плачущего, глядя на нас... на языке те же слова... а в душе страх от этого необратимого движения жизни.

Взяв лопоту лепешки, протянутый мне мальчишкой, я так и не смог прийти в себя: безостановочно лились слезы, в голове мелькали самые светлые мгновения жизни и несбывшиеся мечты.

И вот тогда...

И вот тогда... я вновь увидел тот сад.

Привратник, как и я, постарел и устало опирался на посох. Ворота сада были распахнуты настежь. Внутри же оно – величественное дерево, – крона которого теряется в облаках. С ветвей по-прежнему срываются и падают листья.

Интересно, чье имя на этот раз написано на падающем с дерева листе?

Мы с привратником долго в упор смотрели друг другу в глаза.

Наконец, он, все так же опираясь на посох, усталым голосом изрек:

– Заходи уж, довольно...

Я оглянулся назад и ничего не увидел... Пелена слез окутала глаза. Сделал шаг, почувствовал, что держу в ладони что-то теплое.

Взглянул – это лопоту лепешки, которым только что на клеверном поле угостил меня чуткий мальчуган, хлеб намок, но все еще хранил своё тепло...

Перевод Зульфиры Хасановой.

Зульфира ХАСАНОВА

Переводчик, прозаик. Родилась в 1951 г. Окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве. Публиковала прозу и переводы в периодических изданиях Узбекистана.

ДИВНЫЙ САД УЗБЕКСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Однажды, блуждая по литературным сайтам в поисках пищи для ума и сердца, увидела фантастическое зрелище: в лабиринте тусующихся графоманов и дилетантов, среди беспорядочного словесного хлама поднимался и расцветал... дивный плодовый сад. Сайт с обязывающим названием «Художественное слово», наполненный текстами с нулевой пунктуацией, хромой грамматикой и забитой на смерть стилистикой, не выдерживал критики. И, словно фантом, возник перед глазами кусочек территории, отвоеванный среди мусорной свалки одним автором...

Вот так я встретила с рассказом «Дивный сад» узбекского писателя Исажона Султона, известного своими прозаическими произведениями не только в Узбекистане, но и в России, Молдове, Турции, США. Рассказ, который держался особняком, с молчаливым достоинством, тем не менее притягивал к себе внимание.

«Дивный сад»... Сам заголовок, как вспышка молнии, будоражил воображение, вызывал приступы ностальгии, слезы отчаяния по самому дорогому и безвременно канувшему. Перед глазами стоял созданный автором небесный сад – роскошный, таинственный и загадочный. Сказочный клочок земли, даже не земли уже, а туманного пространства где-то там... высоко, куда ведут золотые ворота с ручками из жемчуга и куда выдают «билет» только тем, чьи имена уже начертаны на желтых листьях, опадающих с дерева...

В небольшом по объему тексте, как в маленькой шкатулке с драгоценностями, уместилась модель мира – рождение, жизнь и смерть человека, а затем – его потомков, и так до бесконечности... По отточенности сюжета и тщательной отделке текста – это миниатюра художника, имеющего острый глаз и уверенную руку.

Удивительно, что из множества синонимов слова «красивый» автор выбрал именно «дивный», значение которого воспринимается не просто как «великолепный», «прекрасный», но и «магический», «волшебный». Я уверена, что в слове «дивный» сходятся два мира – реальный и фантастический, и только истинный мастер слова способен увидеть это.

И чем больше я погружалась в «Дивный сад» Исажона Султона, тем явственнее видела свой Дивный сад! Сначала он предстал перед моими глазами туманным, размытым видением, потом оформился в четкую, выразительную картинку, которую и постараюсь сейчас описать.

Листья

Их так много, они шелестят на ветру, перешептываются. На каждом из них читается имя – код в элитный литературный мир, индивидуальный номер.

Вспоминаются образы Михаила Гребенюка и Григория Резниковского. Один – седовласый, с профессорской бородкой, очень темпераментный. Каждый раз, когда он по-отечески обнимал меня, я чувствовала его мужскую силу. Он любил жизнь, творчество и... женщин, даже когда вступил в самый преклонный возраст. Второй – намного младше, с лермонтовской внешностью и стилем письма, несколько угрюмый, нелюдимый. Но оба они так часто были вместе! В сухих текстах Союза писателей Узбекистана их отделяла всего лишь запятая («Михаил Гребенюк, Григорий Резниковский»), а в жизни не было и ее: творили в одном и том же здании – в ташкентской редакции журнала «Звезда Востока» – и выступали перед одними и теми же слушателями. Что их объединяло? Только сейчас понимаю – листья с их именами росли на одном дереве! Очень скоро первый начал увядать, а потом и вовсе пожелтел и упал, второй, еще зеленый, долго кружил над садом, пока не упал в черную пропасть...

Лист с именем Инессы Филькенштейн подкинул мне медиум-философ и, как сейчас бы сказали, литературный агент Мирзаколон, прочитавший во много раз больше книг, чем все мы, его друзья, вместе взятые. Очень скоро лист с его именем тоже упадет на землю. Но мы еще не знаем об этом! И наслаждаемся ночью, сотканной из поисков идеала, размышлений о творчестве и страстного декламирования пронзительных стихов... ночью, пропитанной тонким ароматом коньяка и сигарет! Ее невозможно стереть из памяти, даже если пройдет тысяча лет!

Инесса (именно Инесса, потому что Инной мы называли другую диву из этого сада!) держит мою ладонь, пытаюсь предсказать ослепительное будущее и самую счастливую судьбу.

Напиши в прозрачном платье
Непонятную, немую,
Распростертую на глади
Линию руки такую,
Чтоб ее прикосновенье
Из глубин души неспанной
Вызывало не сомненье,
А смятение желанной.

Кажется, эти строчки напишет она позже. А пока... На столе лежит книга стихов, вторая по счету, с необычным заголовком – «Дао к себе», с «развернутой поэтической концепцией новой альтруистической философии» под названием «Обратный солипсизм». А вот и аннотация: «Книжка для широкого круга узкомыслящих». Непривычная для глаза иллюстрация на передней, а не, как это принято у других авторов, задней обложке: раскрепощенная Инесса сидит на стуле, обхватив длинными ногами его спинку.

Предсказания сбылись: я на самом деле оказалась на фантастическом перекрестке, вошла в невидимую, но открытую дверь и, лишившись многого, приобрела главное.

Предисловие к этой книге написал не кто иной, как сам Александр Файнберг, и его имя начертано на зеленом древесном листе особенно крупными буквами. Он один из немногих, кто родился, рос и мужал в Дивном саду, заслужив не одним днем звания мэтра литераторов и... Народного поэта Узбекистана. Однако...

Время неумолимо летит вперед, и полный жизни лист начинает терять силы и тоже... падает на землю. Мы, тысячи коллег, друзей и поклонников, рыдая, провожаем его в последний путь. Конечно же туда, в небесный ярус Дивного сада, куда ведут золотые ворота с жемчужными ручками...

«Не вражда, что от века слепая,
не обида в душе у меня,
а все та же звезда голубая
над дорогой до лучшего дня...» –

эхом раздаются строчки его стихов над безмолвным пространством Дивного сада.

Книга Инессы «Дао к себе» вышла в свет в издательстве «Фан», («Наука»), где редактировал тексты мой друг Камил Халмухамедов. Человек-вулкан, в котором бурлила неумяная энергия, он умудрялся сделать за день миллион движений, так что никто из начинающих молодых редакторов за ним не успевал. В Дивном саду часто проводились различные мероприятия, и Камил-ака

оказывался в роли организатора, а то и тамады. Я задавала себе вопрос: когда же Камил успеваешь еще и писать? Но так и не смогла на него ответить. В один из пасмурных дней оторвался с ветки листок с его именем...

Ярко выделялся лист с именем Владимира Баграмова. Он был классическим мачо – высоким, крепким, осанистым, с красивыми чертами лица, которое трудно представить без благородной бороды, в стильной одежде... И был он не артистом по жизни, а профессиональным актером! Не только выступал в Государственном Академическом Русском театре драмы имени Горького, но и ставил спектакли. И... писал! Много! И всё! От стихов до крупной прозы. Его роман «Прощание с птицами» успел выйти в свет, а другой – «Страна убитых птиц» – так и остался на моей старой флешке. Мы строили планы по изданию этой книги, когда... сорвался с дерева его пожелтевший лист...

В каждом саду есть птицы. Так вот, в Дивном саду, о котором я сейчас рассказываю, живут птицы Владимира Баграмова...

Яркой звездочкой не только в «Звезде Востока», но и на небосклоне всего Дивного сада горела Зоя Туманова. Когда листик с ее именем тихо опустился на землю, Марк Азов, участник Второй мировой войны, известный драматург, писатель и поэт, написал в «Иерусалимском журнале»: «Зоя Туманова, поэт, прозаик и переводчик, поцелованная солнцем Срединной Азии, благословленная самой Ахматовой, покинула наш недостойный мир. Скажи Ему там, Зоюшка: мы, как стояли в 41-м и 43-м над краем пропасти, так и стоим. А слово летит, и дай Бог, чтобы долетело, если у пропасти есть другой край».

Ветер обрывал обветшалые листья. И, падая вниз, они не засыпали в беспорядке землю, а аккуратно ложились на тяжелую мраморную плиту с суровой надписью «Мемориал». И никто не мог противостоять непреложному закону жизни.

Словно сумасшедший, вихрь перемен начал срывать не только пожухлые, но и молодые, брызжущие сочной зеленью, листья. Он с неистовой силой разбрасывал их по разным странам и континентам, словно пытаясь покрыть ими весь земной шар. Россия! Германия! Израиль! Канада! Америка! Япония! И на каждом листике стоял индивидуальный код: Дина Рубина! Хамдам Закиров! Григорий Коэлет! Макс Лурье! Хамид Исмаилов! Вадим Муратханов! Санджар Янышев! У меня не поднимается рука написать эти имена через обычный знак препинания – запятую.

Ветви

Ветви деревьев простираются на все части света. Одни – на восток, к истокам, к традициям предков, другие – на запад, чтобы приобрести новые качества. Пламенные и страстные – на юг, холодные и сдержанные – на север... Какие-то из них тянутся к детям, какие-то – к зрелым мужам или к дамам... Но все они раскинулись от одного необъятного ствола дерева и потому так редко конфликтуют между собой... Иногда кажется, что древесные руки обнимают кого-то, видимо, тех, в ком узнали родную по интересам и убеждениям душу.

Переводчики объединяются в уверенную ветвь Дивного сада и выдают читателям шедевры мировой классики, современную прозу и поэзию народов постсоветского пространства. Авторы из Москвы и Санкт-Петербурга, из Риги и Таллинна ведут диалог с узбекскими читателями, не смущаясь обширным диапазоном голосов. На глазах мужает ветвь авторов приключенческого и фантастического жанров. Именно на ней расцветают диковинные благоуханные цветы.

И все же самой удивительной по глубине воздействия на ценителей

лирики становится ветвь ферганской поэтической школы. Она не подражает русской поэзии, нет! Скорее, даже немного отстраняется от нее, напоминая своей холодностью средиземноморскую поэзию. Если же говорить о форме, то это и не проза в чистом виде, и не поэзия в ее традиционном восприятии, а верлибр – как их золотая середина. Шамшад Абдуллаев, Хамдам Закиров, Хамид Исмаилов, Сабит Мадалиев, Энвер Изетов, Григорий Коэлет, Макс Лурье, Даниил Кислов – эти авторы нового литературного направления буквально перевернут с ног на голову степенную жизнь Дивного сада!

Одна из первых книг Хамида Исмаилова так и называется – «Сад». Не может быть совпадением, что этот поэтический образ витает в воображении совершенно разных по духу людей. Нет! Их объединяет духовное родство!

А вот стихотворение Шамшада Абдуллаева, включенное в книгу стихов «Промежуток». Здесь тоже есть листья!

Ветер отталкивал листья.
Смуглый мальчик летел
по извилистой облачной улице,
запрокинув бритую голову,
и дехканин-старик
сидел под глинобитным забором на шербатым камне
и дышал изысканно-долго в полосатую флейту.
Все это беспокоило тайну,
как неожиданное своеволие.
Суть – когда замечаешь суть,
когда в белесой глубине осени
кричит, смеется ворона,
и вязкий голос двужильных собак
неудержимо чует ее.
Больше – ни слова.

Однако вдумайтесь в эту фразу: «Ветер отталкивал листья...». Обычно он их просто гонит или подхватывает, вихрем кружит над землей... Уверена, что глагол «отталкивать» здесь употреблен не в значении «вызывать неприязнь», а «отодвигать», «отбрасывать». От чего же? Или от кого? Если принять во внимание, что стихотворение посвящено Уоллесу Стивенсу, а значит, для автора главное – воображение, так называемая «высшая условность», то почему бы и не представить, что этот ветер отталкивает листья от деревьев, растущих в том самом саду, пытаюсь не просто отбросить их подальше, а поднять на ступень выше? Может быть, в первую очередь тот лист, на котором написано имя Шамшада Абдуллаева... «Больше – ни слова...»

Строки из стихотворения Хамдама Закирова о дорогах, открывающихся перед человеком, о праве выбора пронзительно зовут двигаться вперед, искать новые горизонты, а не копать в пожухлой листве Дивного сада:

Мы будем идти, моя радость, уверенно и
неуверенно, пока не начнётся опять
день, жизнь, которую никто и ничто
не думает тратить впустую, терять чуть не на каждом шагу
(как ты – фляжку с вином, а я – записную книжку), короче,

как мы её тратим и в этом, к примеру, походе, скрываясь от глаз и ушей, рыская, словно дикие звери, вынюхивая в жухлой листве, под корнями, в дуплах и брошенных норах счастье, одиночество, землю, готовую принять нас такими, какие мы есть: врагами себе, пустой породой.

Дивный сад зеленеет, цветет и плодоносит.

Некоторые отсеченные ветви деревьев оживают по весне, питаясь соками корней. Набирает мощь ташкентская поэтическая школа. Только ей одной при- суш такой узнаваемый теплый, созвучный с настроением многих читателей, стиль «внутреннего Ташкента» – с маленькой ностальгической ноткой... Но главной становится другая отличительная черта: не отрыв от русской поэзии, как это случилось с «ферганской школой», а опора на нее, точнее – на классическую силлаботонику Золотого и Серебряного веков. Санджар Янышев, Сухбат Афлатуни, Вадим Муратханов... ошущают себя частью русской литературы.

Кстати, о деревьях! В стихотворении «Три цвета» Санджар Янышев поднимается выше дерева. И если представить, что это дерево растет в Дивном саду, о котором идет речь, то этот автор дает нам понять, что он зеленым древесным листом поднимается над садом, кружится под порывами свободного ветра и... улетает в мировое пространство:

А вот и нет, вещей пень, мы не дерево –
 скорее купол, троичный, как мускул:
 сначала КРАСНЫЙ – что мозг свирелевый –
 участок наш – не широкий, не узкий,
 а так себе: без разбора и правила
 жуя, усваивая то, что к телу
 прикосновенно – от рта до гравия, –
 он в том числе обращен te Deum;
 затем прохладное нечто и полое,
 как привкус кальция – БЕЛАЯ мышца:
 всё, что внутри, – наши сны и волосы –
 растет вовне утвердиться в вышнем –
 не божестве еще, нет, но вот с этого,
 и правда, вверх, распрямляясь, как выдох,
 как уточнение, хитин и плаценту
 спалив без пепла, – летит на выход.
 Там острие, там все прошлое – побоку;
 одна родная душа – и не больше –
 разрешена; там бесцветное облако
 над СИНИМ пламенем:
 – Боже!.. Бо-же...

Они активно печатаются в толстых русских журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Арион», в сборниках «Малый шелковый путь», в альманахах... И не только в России, но и по всему миру.

Рядом с садом, а иногда и под кронами деревьев поднимается из земли молодая поросль. Тонкие побеги пытаются занять свое место под солнцем, однако это удается далеко не всем. Одни из них, не получив подпитки, высыхают, другие

продолжают зеленеть, но не идут в рост, третьи кустятся, но не плодоносят. И только те, на кого опускается благодать из Дивного сада, разрастаются и расцветают.

Мне посчастливилось наблюдать, как растут на глазах побеги, подписанные именами: Людмила Бакирова, Елена Пагиева, Виктория Осадченко, Бах Ахмедов... С каким упоением читали они свои стихи на многочисленных фестивалях, вечерах и встречах! И каким восторгом горели глаза слушателей, когда академическую тишину аудиторий взрывали лирические эмоциональные строфы! А где-то там, в кулуарах, мы разбирали их удачные и не очень строчки, обсуждали с ними последние литературные шедевры как в Дивном саду, так и за его пределами, по всему миру. С Еленой Пагиевой, которая была в душе и художником, можно было до бесконечности размышлять на темы эстетики и изобразительного искусства.

Я верила, что в отличие от толпы графоманов, пасушихся возле Дивного сада и напрасно ожидающих от него благодати, именно эти авторы попадут когда-нибудь в столь чудесный, фантастический сад. Что пройдут годы, и пышущие зеленью листья с их именами будут шелестеть, переговариваясь друг с другом, на одном из деревьев этого уникального сада, рядом с листьями, на которых начертаны имена Раима Фархади и Якуба Ходжаева, Сухроба Мухаммедова и Лутфуллы Кабирова, Анатолия Бауэра, Галины Востоковой, Софии Файзиевой...

Бах Ахмедов тоже написал о листьях:

Пусть меня однажды спросят,
как теряют высоту...
Жизнь моя летела в пропасть,
распадаясь на лету.
На мельчайшие частицы,
на секунды и слова.
На отдельные страницы,
что сгорали как листья.

Я до сих пор слышу его голос – звонкий, мальчишеский, впрочем, вполне соответствующий довольно хрупкому телосложению поэта.

Послесловие

Эх! Столько лет прошло с тех пор, когда я сама гуляла по этому саду... А может быть, просто фантазировала, что нахожусь в нем? Интересно, а как сложилась судьба тех, кого я когда-то знала, но потеряла из виду, улетев, пусть самым маленьким, но листиком, почти за десять тысяч километров от Дивного сада? Желтые листья, упавшие на гранитную плиту, будут лежать там вечно... А вот те, что оставались еще зелеными, полными жизненных сил?

На объяснение феномена русской узбекской литературы я наткнулась в «Кругосвете» – универсальной научно-популярной онлайн-энциклопедии: «уровень произведений узбекской русской литературы порой на порядок выше среднего московско-питерского как по качеству и мастерству владения тем же русским языком, так и по постановке мировоззренческих проблем». Что тут добавить?

...Дивный сад шелестит листвою, разрастается, зеленеет, цветет и плодоносит. Теперь уже – не только в том месте, в котором я его когда-то видела. Он раскинул свои кроны по земному шару, питая авторов, разбросанных по всему миру, жизненными силами и творческим воображением. Этот дивный Дивный сад, Сад узбекской русской литературы.

Стекла СТРАННИК

**Неотвратимость,
похожая на
смерть...**

Алексей ГВАРДИН

Мастер. Ночь. Февраль

Отросшим ногтем бога
лунной платины треть
скоблила сажу ночи в окне...
слова на лист ложились,
приходя, будто снег,
с неотвратимостью,
похожей на смерть.
И просыпались мысли
со звериным чутьём,
но цепь событий их сдержать не могла –
и всё,
что было раньше
заурядным житьём,
осело пылью на поверхность стола.
И никакого смысла
больше не было в том,
чтоб ожиданием мучить себя.
Февраль. Окно. Свет тусклый.
И сумасшедший дом.

И эхо слов её: ...с тобой... к тебе... тебя...

Распавшись на мгновенья,
время двигалось вспять,
вращая в небе растревоженных птиц.
Выл пёс.
И пахло розами разграбленных столиц.

И крест на холм нёс чей-то сын опять.

Алексей ГВАРДИН. Поэт, художник, геофизик. Родился в 1965 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Член творческого объединения художников при Академии художеств. Участник и призёр международных конкурсов карикатур. Лауреат премии «Грифон» (1993 г.). Обладатель Гран-при за мультфильм «Фархад и Ширин».

* * *

...не обзуй меня безумьем... я меж страниц твоей судьбы
не должен был до дрожи в пальцах
сомнением ли, смятением вкрасться
за словом вслед.

И если бы...

не распечатывай конверты, отправленные наугад:
листы чисты в них до безумья –
в них ни полслова из...
в безлунье
по капле пью безумья яд –

как лучшую из всех наград.

не Болдинское

...не Болдино... но всё же золотится
по мере сил, накопленных за лето,
листва. Настанет срок проститься
и ей с ветвями, опадая в Лету.

В приснившемся письме, абзацем –
птиц чёрных стая тает... тает
надеждой пред вратами рая.
И облако – библейским старцем.
В час Волка философия – осторожна:
какое жИтие...? Не край, не середина...
как отслужившая своё давно перина –
расстаться жаль и пользоваться тошно.

Уймётся осень, надышавшись смогом...

Торгует импортом потомок Тамерлана,
откармливая к празднику барана...
И неизменны – плов и вера в бога –

как неизменны лесть и полудрёма.
Спит разум, убаюканный кальяном.
И кровь насыщена переизбытком брома
осенней грусти горьковато-пряной.

Не Болдино. И непристойно долго,
на зависть персиянке Шахрезаде,
плетётся сказка нитями из шёлка,
и всё спокойно. Всё спокойно –
как в Багдаде.

...и лечь в траву под облаком

...покинуть минотаврову среду
из частных новоделов и наделов
и городскую пересечь черту
без восклицательных, кавычек и пробелов.
И лечь в траву в очнувшемся саду,
не думая о способах и средствах,
дышать весной под яблоней в цвету,
разглядывая облако из детства.
Вплыть в осень, как Том Сойер на плоту,
доверившись течению всецело
и гулкую заполнив пустоту,
творить вино из сока изабеллы.
Смотреть на дождь, прижавшись лбом к стеклу,
забыв о времени, текушем через числа,
и не искать в чужом стогу иглу
простого, но утраченного смысла.
И выполов бурьян и лебеду
прогнозов новоявленного толка,
в столичную вернувшись суету,
в ночь тридцать первого
мечтой украсить ёлку.

* * *

Мои язычники,
поправ грустинки в прах,
огнём бенгальским
пробуждая духов,
хранящих сказку в ёлочных шарах,
в мерцающих гирляндах
и дарах,
уложенных под ёлкой,
в льдинках звуков,
рассыпанных
по вере в волшебство,
вам ли не помнить
счастья торжество
в открытках новогодних?
Чудо-пухом,
о заколдованные с детства навсегда
мои язычники,
как светится звезда
над псом бегущим,
чуть касаясь уха...

Лидия ДУДАРЕВА

ШКОЛОТА

Роман

ПАВЛИНЫ ПЕРЬЯ, ИГЛЫ ДИКОБРАЗА

Никогда, ни при каких обстоятельствах, кто бы вас ни уговаривал, не соглашайтесь держать в доме павлиньи перья или иглы дикобраза! Отец Ленки Лемешевой привез из командировки как раз и то, и другое.

Зловещие сувениры подействовали незамедлительно. Мать семейства, услышав, что послезавтра благоверный опять уезжает в свои «пустыни и джунгли», грохнула на стол блюдо с фирменными голубцами и удалилась на посиделки к соседке.

* * *

Наутро Ленка понеслась в свою новую школу, которую она ненавидела. Прохожие невольно улыбались при виде девчужки с огромным этюдником через хрупкое плечико, но тут же недоуменно останавливались, налетев на польхающий холодной яростью взгляд юной художницы.

Ленка Лемешева не часто выглядела такой злоюкой. Очередная родительская размолвка, из-за которых она прежде втихомолку плакала, теперь вызвала у девчонки чувство досады. И с этим чувством в унисон звучала нотка раздражения из-за необходимости идти в новую школу. В старой остались и друзья, и заслуги, и успех. Мотив перевода был один – сероглазый насмешник из девятого класса, который раньше Ленки сумел догадаться о ее святой тайне. Разворот оверштаг и летний досуг кошке под хвост из-за вступительных экзаменов. Но зато ее приняли в художку. Теперь пусть этот красавец гадает, куда она подевалась из школьных коридоров, и ищет других влюбленных дурочек, чтобы насмешничать. Позже по чистой случайности вдруг узнала, что тот самый сероглазый комсорг вместе с родителями переехал в другой город.

Ленка была пацанка. Футбольная и хоккейная болельщица. С малых лет бесстрашно вмешивалась в любые стычки и дралась довольно умело, любила спорт, своих не выдавала, в играх водила до конца! Да и все остальные законы нехитрого пацанского кодекса чести Ленка Лемешева соблюдала.

Росла она далеко не в самом благополучном районе. Семья Лемешевых пользовалась там вполне заслуженной репутацией. И эта репутация досталась Ленке и ее двоюродным братьям по наследству. И вряд ли кто отважился бы свистать ей вслед! Вот черт! Да кто там заливаается? Еще и покрикивает...

Лидия ДУДАРЕВА. Родилась в Ташкенте, училась в РСМХШИ (ныне РСШИИ), Окончила исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала в составе экспедиций Института археологии и Института Искусствознания. Живет в г. Коврове (РФ), работает учителем истории и обществознания в вечерней школе.

– Да стой ты, Лемешева! Стой, говорю!

Ленка, наконец, узнала голос одного из своих новых одноклассников! Задавака, как и тот сероглазый, и насмешник, наверное, тоже. Этому красавцу Ленка повода для насмешек давать не собиралась, поэтому вообще не смотрела в сторону высокого черноглазого второгодника и, судя по всему, неформального лидера. Длинноногий второгодник все же догнал несущуюся злобной кометой Ленку и завис над ней стройным тополем.

Ленка остановилась, но отнюдь не от избытка почтения, и даже сделала ленивый полуоборот в сторону парня. Никому из знававших Ленку хотя бы день-другой эта ее внезапная плавность и грация движений ох как не понравилась бы. Но Камал – то ли по неведению, то ли по бесстрашию – не испугался, напротив, доверчиво расслабился широкой белозубой улыбкой.

– Привет, Лемешева! Куда мчишься, все равно уже опоздали!

– Привет, – многозначительно взвешивая в руке тяжеленную сумку с книжками, ответила Ленка и смерила «красавца» оценивающим взглядом.

Она никогда не начинала разборки первой, но... всегда их заканчивала.

Камал собирался на правах старшего слегка новенькую припугнуть, а затем задействовать ее потенциал в нужном ключе. Этот самый потенциал новенькой оценил отнюдь не сам Камал, а люди более опытные. И эти же люди настоятельно «попросили» Камала напавить Ленку в нужный школьному коллективу угол. Как бильярдный шар в лузу.

– Слышь, Лемешева, у нас новенький третьего дня объявился... Ну-у-у... кругленький такой, этот, как его... Цветков, Георгинов...

– Цветаев, – уточнила лаконичная Ленка.

– Точно! Цветаев! Так вот... Пересядь к нему, на его последнюю парту. У тебя ведь со зрением все в порядке?

Ленка на какой-то миг растерялась.

– Я?! Да с чего вдруг?

– Слушай, парень из офицерской семьи. Восьмую по счету школу разменял. Вечный новичок, прикинь?

– Прикинула... Но я здесь при чем? Он по виду даже не маменькин сынок, а вовсе бабушкин внучок... Я с такими никогда не водилась. Найди ему кого помягче, что ли.

– Это ты в точку попала! – засмеялся Камал. – Кто помягче тебя с ним и так уже рядом сидит. Пантелеева. Сидит и шипит: «Жирняк». Посмотрела бы на себя сначала!

– Давно бы сказал!

– Нет, нет, без рукопашной, а то тебя Пантюшины предки на Колыму сошлют. Ты просто рядом с папаном за парту сядь. Пантелеева тебя почему-то боится, сразу заглохнет.

– Да ему-то я что скажу! С чего вдруг такая страсть?

– Ну, скажи что-нибудь, сообразишь по ходу.

Ленка призадумалась на пару секунд, затем кивнула:

– Ладно!

* * *

В это утро ранней осени директор школы с утра находился под обстрелом в очень высоком кабинете. Дело в том, что очередная комиссия из самых высших сфер образования по какому-то доносу решила, наконец, разобраться в особенностях обучения во вверенном ему учреждении. Хозяин кабинета, первый человек в городе, занял нейтральную позицию, и на его поддержку Рахиму Ахмедовичу рассчитывать не приходилось.

Возглавлял комиссию очень известный и набирающий административный вес художник-академик. Барственно развалившись в кресле и небрежно помахивая холеной кистью руки, академик-комиссионер вешал:

– Ну помилуйте, батенька, что за сборную солянку вы возглавляете? Тут у вас и живописи учат, и скульптуре, и музыке. Да еще и интернат! И при этом общеобразовательные предметы в полном объеме! Как вы один весь этот воз ташите? В соответствии с какими квалификациями?

– Мне на какой из ваших вопросов отвечать в первую очередь?

– Ах, да на какой сами пожелаете.

– Квалификация у меня соответствует занимаемой должности.

– Да я же не то имел в виду...

– Нет, уж разрешите я продолжу. Коллектив педагогов нашей школы¹ тоже соответствующей квалификации. В творческих союзах состоят все: и художники, и музыканты. Математику преподает кандидат наук, а литературу... Вы бы только ее видели. Настоящая красавица, выпускница журфака МГУ! Да вы приезжайте к нам в школу! Познакомьтесь с коллективом, с ребятами. Послушайте концерт, посмотрите выставки.

– Но согласитесь, все это как-то чересчур. Не лучше ли вас расформировать, так сказать, по направлениям...

– Не лучше! – перебил директор выпевающего селезнем академика. – Как я разделю педагогический коллектив? Кому – художникам или музыкантам – будет преподавать наш старейший учитель, участник штурма Берлина и Герой Советского Союза? А детей я как разделю? Они же как родные друг другу! Вот, например, Дмитриий Теотокас – первая скрипка нашего оркестра, пять лет за одной партой с Ромой Полетаевым – художником. Да они как братья, разделить их по направлениям?

– Но вам же будет проще...

– Я простоты никогда не искал. Еще с тех самых пор, как с третьего курса педучилища ушел воевать. А потом, контуженный, был направлен руководить детским домом в Нукусе. И сирот эвакуированных, детей из лагерей смерти и сыновей полка воспитывал. Могу с одним из них вас познакомить хоть сейчас. Начальник штаба в ТуркВО. Недавно привез мне внука на перевоспитание. Генерал-лейтенант Цветаев, познакомить?

Услышав это, академик заметно приуныл. Карты директор сдал явно в свою пользу.

¹ Прообразом уникальной школы, описанной в повести Лидии Дударевой, является действующая ныне Республиканская специализированная школа-интернат искусств Академии Художеств Узбекистана – одно из старейших учебных заведений республики, которое в 2019 году будет отмечать свое 90-летие. «Началась» эта школа с Детского дома № 20, в 40-е годы переименованного в Детский дом для одаренных детей. Здесь жили дети разных возрастов и национальностей, занимались музыкой, живописью, танцем. Детский дом располагался по улице Бешагач, а рядом, через стену, находились музыкальная школа им. Глиэра и художественное училище. М. С. Оренберг, возглавлявший в те годы детский дом, образованнейший и талантливый педагог, обладавший недюжинными организаторскими способностями, выискивал по всей республике талантливых детей, замечательных педагогов и воспитателей.

На рубеже 50–60-х годов на базе детского дома была организована специализированная музыкально-художественная школа-интернат, которая после неоднократной смены кураторов была передана в ведомство Академии Художеств Узбекистана.

С 1997 года это учебное заведение стало именоваться Республиканским лицеем-интернатом изобразительного и прикладного искусства. С этого момента в истории школы открывается новая страница, наряду с профессиональным образованием (изобразительным и музыкальным) ведется большая работа по пропаганде детского творчества во всех его проявлениях не только в республике, но и далеко за её пределами.

Школа искусств необычна и своеобразна. Необычность её в том, что в школу и в художественный, и в музыкальный отделы набирают с первого класса. По общеобразовательным предметам художники и музыканты учатся вместе. Специальные дисциплины, в зависимости от направленности, изучаются индивидуально или группами в количестве 8–12 детей. Выпускникам при окончании школы вместе с аттестатом о среднем образовании выдаётся сертификат о специальном образовании.

В начальной школе специальные дисциплины и общеобразовательные предметы органично дополняют друг друга, в средних классах для занятий по специальности отдельно отводится два дня в неделю.

Школа воспитала немало талантливых деятелей искусств, известных всему миру, таких, например, как балерина Галия Измаилова, профессор, композитор Станислав Мансуров-Ковригенко, Народный художник Узбекистана Рузы Чарыев и другие. Многие выпускники школы возвращаются в нее в качестве педагогов. Помня и сохраняя лучшие традиции школы, они воспитывают новых гениев, которые будут достойно представлять нашу страну в сфере искусств.

О деятельности школы снято два документальных фильма, вышла книга «XXI аср: истиқболимиз тимсоллари» («XXI век: символы нашего будущего»), в которой отмечены более десяти учеников школы искусств, написано немало статей. Журнал «Звезда Востока» предлагает своим читателям журнальный вариант романа «Школота» (так жанрово определяет произведение автор). В произведении великолепно передана творческая атмосфера жизни этой замечательной школы...

Высокий московский гость решил сделать вид, что некоторые аргументы директора показались ему убедительными.

– Теотокас, Теотокас... Что-то фамилия знакомая.

Директор пожал плечами.

– Обычная греческая фамилия. Сын политэмигрантов.

– И с какой стати он у вас вдруг оказался?

– А у нас в школе их много. Рядом греческий городок.

Академик возвел очи горе, недоумевая, но тут вмешался хозяин высокого кабинета:

– У нас в республике проживают греческие товарищи, которые вынужденно покинули родину после прихода к власти черных полковников. Живут семьями, компактно. В построенных для них кварталах. Дети учатся в школах и училищах. Мы даже ввели для них изучение родного языка. Учителей предоставили тоже из политэмигрантов.

– А-а-а... Ну, если уж это так необходимо... Чтобы не подвергать этих детей новому стрессу...

* * *

Опаздывали Ленка и Камал на географию. И преподавала ее отнюдь не воплощенная кротость, а совсем наоборот – жесткая железная немка Ираида Фридриховна. Держала учеников на дистанции, да никто и не порывался к ней с фамильярностями. Никто, кроме Ленки. При первом же свидании неожиданно для всех новенькая поприветствовала географичку индивидуально:

– Ой, Ираида Фёдоровна, это вы?

Географичка вздрогнула и даже зажмурилась, будто увидела призрак, а не обычную знакомку с радостной улыбкой.

Ленка, которая всегда приводила принятое решение в действие без колебаний и отлагательств, хитро обосновала свой переезд к новенькому:

– Валька! Мне надо на «камчатку»! Я на первой парте двоек нахватаю! Ты же мне физику списывать не даешь, а алгебру решать мешаешь!

– Ну да, рассказывай... – отмахнулась бывшая соседка, – скажи лучше, Джека Лондона под партией читать проше.

– И это тоже, – поторопилась согласиться Ленка, – не заложи меня.

– Катись!

Ленка обаятельно улыбнулась бывшей соседке и мигом переместилась к последней парте в крайнем ряду у входа.

– Цветаев! Двигайся, давай! Я привыкла к первому варианту!

– Что? – выпрямившись и шелкнув каблуками, как бретер, выверился на эту нахалку Цветаев.

– Что, простите, мадемуазель? Куда прикажете двигаться? На второй вариант, тебе не все равно? А мне нет. Я раб привычек, – заявила наглая девица, и Цветаев впервые в жизни углядел озорные искорки в зеленых смеющихся глазах.

– Раба, – озадаченно поправил паренек и слегка нахмурился.

– Ты двинешься или тебя подвинуть? – с легкой насмешкой пригрозила Ленка.

– Попробуй, – тут же насупился парень и занял оборонительную позицию.

– Ну, какие мы джентльмены, ладно, долой рабство, сяду на второй...

Оторопевший Цветаев похлопал золотистыми ресницами и недоуменно оттопырил пухлую нижнюю губу.

Лемешева обошла оторопевшего Цветаева и грохнула сумкой об парту. На первом варианте она настаивала, чтобы служить заслоном для новенького от злопахательства Пантелеевой.

Цветаев поскреб затылок и пообещал себе не давать спуску этой фифе, с какими бы тайными целями она к нему не пересела.

Между тем зоркий взгляд географички сразу же выцепил Ленку и, удовлетворенно кивнув, она изрекла:

– Лемешева, за прогул по географии два, но только в дневник. Приз за то, что пересела на «камчатку», подальше от моих нервов.

После таких слов самому наивному ученику в классе стало совершенно очевидно, что у Ленки с географичкой было общее прошлое. И по-видимому счеты они между собой еще не свели. Цветаев внезапно для себя изменил намерение разобраться с этой фифой и спросил:

– Слушай, а почему ты зовешь географичку Федоровной?

Ленка тут же напустила на свое румяное личико таинственное выражение и зловещим шепотом прошелестела:

– Это мрачная готическая тайна.

Цветаев рассмеялся, и географичка, носительница мрачной готической тайны, испепелила дерзкого суровым взглядом. А Ленка, вполуха слушая объяснения учительницы, мысленно перенеслась в тесную лавчонку букиниста, где седоголовый продавец, перебирая запыленные стопки книг, терпеливо изыскивал по ее просьбе дореволюционное издание сказок Андерсена...

ПОД СЕНЬЮ «ДРУЖНЫХ» МУЗ...

В построенной по типовому проекту школе, где теперь училась Ленка, все свободное пространство было разделено перегородками на крохотные клетушки.

В клетушках стояли инструменты, пара стульев и стол. Там занимались со своими педагогами музыканты. У художников все было гораздо проще и демократичнее. Занятия протекали в обычных учебных классах. И с самого детства художники приучались к незамысловатому труду такелажников: сдвигали парты, расставляли мольберты, собирали подиумы для натурщиков. К выпуску любой класс мог бы легко заткнуть за пояс среднестатистическую бригаду грузчиков.

Самый стабильный Ленкин класс, все сплошь жемчужины и звезды, как называл их в добрую минуту директор, в этот день трудился над образом Антиноя. За месяц обучения Лемешева уже немного привыкла к мольберту и правилам на уроках специальности. Азиза Алиевна поставила девочке руку и показала основные приемы. Ленка выбрала не тот ракурс для рисунка и не то место для своего мольберта. Справа от Камала.

Камал редко чинил карандаши сам. Обычно он бесцеремонно выхватывал их у соседа справа. Вот и сейчас привычным жестом, не глядя на соседку, выхватил у нее из рук заточенный в иголочку «Кох-и-нур», но не успел даже прикоснуться им к ватману. Ленка незаметно для окружающих слегка ткнула горделивого красавца под ребро, умело сложив ладонь в «сюто»¹. А затем, пока он ловил ртом воздух, преспокойно выхватила из его смуглых длинных пальцев свой карандаш.

– Спрашивать надо.

На пару секунд Камалу показалось, что он попал в иную реальность. Но он быстро опомнился:

– Ты чего себе позволяешь? Женщина должна быть покорной.

– Сначала найди ту, которая тебе задолжала, а потом уж и покоряй ее.

Азиза Алиевна, сдерживая смех, покинула мастерскую с максимально возможным для нее и ее беременности проворством.

Камал с грустной задумчивостью проводил учительницу взглядом.

– Цветаев! Ты-то куда смотришь? Это я, что ли, должен твою девочку воспитывать?

Ленка отнюдь не слыла любительницей притяжательных местоимений в свой адрес. А тут вдруг услышала, что теперь еще и Цветаеву принадлежит! Это она-то! Нет, против Славки Лемешева ничего не имела! Но коварство Камала, который сам

¹ Сюто – удар ребром ладони («рука-нож»).

же уговорил ее пересесть к новенькому, безнаказанным оставаться не могло. Камалу пришлось испытать, каково это, когда тебе навешивают «нукитэ»¹ под лопатку и тут же отмеряют еще какой-то неведомый «дзюки»² по шее. Он еле удержался, чтобы не махнуть этой чокнутой в ответ! Удержался. Просто захватил ее ручки, чтоб махать впредь неповадно было, одной своей левой в крепкий захват типа «замок». Но торжествовал победу Камал недолго!

* * *

Между тем Славка Цветаев видел мольберт первый раз в своей жизни, а потому, следуя мудрому правилу сержантов «делай, как я», старательно копировал каждую линию, которую проводила на своем листе его соседка Нинка Подберёзкина. В ответ на неожиданную реплику Камала Славка замигал своими золотистыми, загнутыми вверх ресницами и обратился к доброй соседке:

– Это он мне?

Нинка Подберёзкина повернула к нему хорошенькое кукольное личико с роскошными карими очами и улыбнулась, засияв ямочками на щеках:

– О твоей девчонке.

И пока Славка осмысливал сказанное, стянула у него из-под руки длинный и заостренный карандаш, подсунув ему свой короткий, как окурочек, и затупившийся в ноль.

– Но у меня нет никакой девчонки! – воскликнул Цветаев. – Что они там не поделили?

– Карандаши, – чарующе улыбнувшись крохотными нежно-розовыми губками, шепотом подсказала Нинка.

– Ну, и при чем здесь я, и где мой карандаш? – спохватился Цветаев, недоуменно вращая в пальцах Нинкиного подкидыша. – О времена, о нравы!

Нинка засмеялась тихонько и завершила свой смешок коротеньким «ой!», произнесенным таким тонюсеньким голосочком, которым могла говорить только фарфоровая кукла. И посмотрела-то она в наивные голубые глаза своего соседа по рисунку с бесстрашием поистине фарфоровой куклы. Но тут шершавая лапка совести внезапно слегка царапнула ее.

– На, вот он, – вздохнув, призналась Нинка. – Это Камал завел у нас моду таскать друг у друга карандаши.

– Оставь себе! Давай я пока и остальные заточу, все равно рисовальщик из меня никудышный.

Славка принялся методично чинить Нинкины карандаши, а она несколькими уверенными линиями подправила его рисунок.

* * *

А вот на левом фланге амфитеатра о мире позабыли. Ленка резко повернула свои стиснутые в «замок» руки в сторону и задала вращательное движение противнику, одновременно применив незатейливый прием «тайсоку»³. Камал, как подкошенный этим самым «тайсоку», полетел на пол, да еще и свалил на себя свой же мольберт. Мольберт неизбежно прихлопнул бы растянувшегося на изгваданном полу Камала, как дверца мышеловки, если бы Ленка не поблагородничала и не поймала его на лету.

Камал встал с пола, сверкнул на Ленку черными, как южная ночь, очами и крепко стиснул зубы, решив на этот раз попридержаться за ними язык. Потом он сорвал свой почти законченный рисунок и переместился на правый фланг амфитеатра. Камал и Ленка после этого случая заговорили друг с другом только через полтора года, да и то на репетиции «Тристана и Изольды» в школьном драмкружке. Причем ни слова сверх текста пьесы до самого конца репетиции не произнесли.

¹ Нукитэ – кулак с выпрямленным указательным пальцем.

² Дзюки – удары рукой.

³ Тайсоку – внутренняя выемка стопы. Удар-подсечка.

МЕТАМОРФОЗЫ И ГРОЗЫ

За пару месяцев, проведенных ею в новой школе, Ленка Лемешева заметила для себя почти все потенциальные угрозы. Какие-то она научилась ловко избегать, какие-то нейтрализовала, но с одной угрозой справиться было невозможно.

Преподавательница литературы и русского языка Илона Бектемировна Ташмурадова вела свои предметы вдохновенно и артистично. Она, запрокинув голову как бы под тяжестью скрученных на затылке медных кос, начинала вешать голосом пророчицы. Классики представляли на уроках Илоны как живые и без утайки раскрывали все тайные пружины своего творческого и жизненного пути. Илона была безумно предана гениям русской литературы. Каждому. До конца.

Однако простым смертным лучшие чувства Илона дарить была совсем не склонна. Мало того, эти простые смертные частенько отскакивали от литераторши как ошпаренные.

У Илоны было редкое имя – Илонгуль. Оно означает «шпажник» или «гладиолус». Но сама литераторша имя свое слегка модернизировала, и результат получился сокрушительный. Прикинув перевод ее ФИО на русский язык, Ленка мельком подумала, что случайностей на свете не бывает.

Сама-то она назвала бы литераторшу Медузой Горгоной. Такое прозвище просто просилось на язык, но недавно прочла в недетской редакции Овидия и узнала доподлинно, что там у Медузы с Артемидой и охальником Посейдоном было и за что безжалостная богиня-девственница так жестко покарала ни в чем не повинную девушку. Ну, понятно, куда ей с ее стрелочками против трезубца... На девчонке отыгралась... После таких «метаморфоз» назвать литераторшу Горгоной было бы крайне несправедливо по отношению к Горгоне.

В то утро на уроке литературы Лемешева сидела на своей «камчатке» как мышка и меланхолично прокручивала в голове вариации на тему Овидиевых метаморфоз. На расстоянии своего легкого дыхания от чуткого уха Славки Цветаева! И вдруг эту идиллию прервал голос дочери Железного Господина. Дочери, вполне достойной своего отца и даже, возможно, еще более тугоплавкого прадеда, чью фамилию она носила. Голос Илоны Бектемировны Ташмурадовой:

– Лемешева! К доске...

– Иду!

Кругом меня цвел божий сад;

Растений радужный наряд

Хранил следы небесных слез,

И кудри виноградных лоз

Вились, красуясь меж дерев

Прозрачной зеленью листов;

И грозды полные на них,

Серег подобье дорогих.

– Какие еще грозды! Это что за диалектизм! – возмутилась литераторша, прерывая унылую декламацию Лемешевой.

Ленка с некоторой жалостью взглянула в сиреневые глаза Илоны. Может, сказать, как ей слышится? Но ведь не с Лермонтовым же так поступать! Нет, жизнь и так полна неоправданных компромиссов.

– У Лермонтова – грозды... – тихо, но твердо отчеканила Ленка, и все же опустила свой взгляд под грозным всполохом сиреневой молнии.

Литераторша выхватила у первого попавшегося под руку ученика книжку, быстро нашла нужный отрывок и изумленно протянула:

– Ну надо же... Как же ты это заметила? Уж, наверное, потому, что до сих пор по слогам читаешь!

Засмеялся один Камал.

– Она даже на немецком читает беголо! – встрял почему-то Павло Скляр.

Илона резко повернулась к нему, а Ленка выразительно pokrutila пальцем у виска, дескать, ты-то чего нарываешься? Кара не заставила себя долго ждать.

– Скляр, дневник на стол и выйди из класса.

– Выйти я выйду, но справедливость от этого справедливостью быть не перестанет!

– Чего стоишь? Читай!

Ленка мысленно махнула рукой на предостережения Овидия насчет взгляда Горгоны и, глядя в лицо любимой учительнице, продолжила декламировать.

– Сначала!

«Ладно, будет ей сначала», – испытывая судьбу в поединке взглядов, Лемешева тянула монотонно, хотя и без запинки. Но вот Илона отвернулась, и Ленка перевела взгляд на виноградные лозы, ярко рдевшие за окном. Первый ноябрьский иней украсил их льдистой сверкающей каймой. Зачарованная их видом, Ленка машинально стала читать Лермонтова от души, как только умела:

В то утро был небесный свод

Так чист, что ангела полет

Прилежный взор следить бы мог;

Он так прозрачно был глубок,

Так полон ровной синевой!

Я в нем глазами и душой

Тонул, пока полдневный зной

Мои мечты не разогнал.

И жаждой я томиться стал.

– Ну? Дальше?

– Дальше мой отрывок кончился, – отозвалась непреклонная Ленка.

– Вот в этом ты вся, Лемешева! Отрывок! Отрезок! От сих до сих! И такая же прямолинейная, как... отрезок, простая, как дождевая вода.

– Вы правы, как обычно, Илона Бектемировна! – съехидничала Ленка.

* * *

Скандал, разразившийся в учительской, ничего доброго не сулил ни Скляру, ни его одноклассникам. Дело в том, что пока Илона и Лемешева мерили друг друга взглядами и занимались декламацией, Камал пустил по ряду записку Сереге Неверову, сидящему перед учительским столом: «Спрячь дневник Скляра!»

Серега знал Камала не понаслышке. Они до этой школы в совсем ином интернате «чаились». Потом высокая комиссия обнаружила у Сереги тончайший музыкальный слух, а у Камала – редчайший дар живописца, и их перевели. Надо ли говорить, что высокую комиссию возглавлял Рахим Ахмедович?

Так вот, Серега, разумеется, дневник Скляра скрал. И скрал настолько виртуозно, что никто вообще, кроме Ленки Лемешевой, маневр Сереги не засек. Дневник пропал. Весь класс хором свидетельствовал, что свой дневник ученик Павел Скляр по требованию учительницы на стол положил, но куда он делся потом? В ответ пожимание плеч и искреннее недоумение.

– Ладно, Илона Бектемировна, что он там у вас натворил, скажите мне, я его сосед, схожу вечером к отцу и все передам, – резюмировал директор.

– Вы живете в школе, Рахим Ахмедович! То у вас ремонт, то сметы, то еще что-нибудь! Пока вы до отца Скляра доберетесь, я сама забуду, зачем его вызывала!

– Вот именно, Илона Бектемировна! – вмешался математик, действительно кандидат наук, только докторскую в его НИИ ему дописать не дали по причинам, о которых не здесь будет сказано. – У детей в дневниках одни ваши автографы, мне даже оценку некуда поставить!

– Так и не ставьте, Моисей Семенович! Вы им все равно только двойки да колы в дневники лепите! – огрызнулась Илона Бектемировна.

– Тихо, тихо, тихо, – директор начал совершать привычные пасы (куда там Вольфу Мессингу!), дабы утихомирить своих любимых сотрудников. – Тихо, спокойно, мы все уладим, во всем разберемся... Илона Бектемировна, дорогая, что конкретно натворил Скляр? Я еще ни от кого на него жалоб не слышал.

– Дерзил.

– Вам? – изумился неугомонный математик. – Да как он осмелился!

– Моисей Семенович! Я попросил бы! – приложил руку к сердцу директор.

Моисей Семенович ответил жестом Понтия Пилата – умыв руки. Илона Бектемировна негодуяще фыркнула, а директор продолжил:

– Илона Бектемировна, дорогая, я вас умоляю, возьмите вместо этих малолетних бандюганов классное руководство над выпускниками! Надежда Трофимовна давно меня просит, у нее новорожденный внук, ей ли класс выпускать? Ваши любимые выпускники вас на руках же носят! А? Еще и драмкружок откроем, я статью расхода в смету включил. Как раз что-нибудь поставите, водевильчик, например.

– Водевильчик? Вы это серьезно, Рахим Ахмедович?

– Ну не Гамлета же им играть, не Отелло, не к ночи будь сказано!

– Ладно, – неожиданно заблестала своими аметистовыми глазами Илона. – Есть одна пьеса – «Стрелы Робин Гуда»! Полетаев написал к ней несколько баллад! Только я тогда и историка привлеку!

– Семена-то Ефимыча? – восхитился директор. – Да за милую душу!

Математик захохотал громогласно, как олимпиец, и директор еле удержался, чтобы не треснуть его по высокоученой голове.

– А вы, Моисей Семенович, возьмете руководство над бандюгами! – сурово изрек директор.

– Рахим, да ты издеваешься, что ли!

– Мы с вами, уважаемый, не за дастарханом! Там, пожалуйста, хоть Рахим, хоть Махим, хоть горшок, только без тандыра!

– Рахим Ахмедович, можно я запишу, – взмолилась укрощенная Илона.

– Пожалуйста, дорогая, все для вас! – директор развел руки в жесте гостеприимства, и окрыленная Илона вылетела из учительской.

Математик тоже вылетел, так хлопнув дверью, что закачались все глобусы на верхней полке шкафа.

– Фанатики! – развел руками директор, улыбаясь остальным членам педагогического коллектива, которые не без тайного удовольствия наблюдали всю эту сцену из партера.

– И все же, Рахим Ахмедович, – заметила завуч Руфина Тимофеевна, особа, не поддающаяся директорскому обаянию. – Этот театр миниатюр когда-нибудь кончится бедой: оба они не профессионалы. Журналистка и математик-теоретик!

– Мы с вами это непременно обсудим – вдвоем!

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Ленка дома на кухне намывала посуду после ужина. Запретным бабушкиным способом – в тазике с горчичным порошком. Мать болезненно воспринимала привычки и навыки, которые в ее семью могли просочиться из дома свекрови. Опытным путем Ленка установила преимущества бабушкиной школы домоводства, но упрямую мать было не переубедить. Младший брат, вступивший в возраст вредности, застал сестру за «непозволительным» занятием.

– А я маме скажу, что ты опять посуду в горчице моешь!

Эх, дать бы ему леща по кудрявой головенке! Брат ехидно улыбался, облокотившись на кухонный стол. Чистый ангел с Рафаэлевской мадонны!

– Скажи, скажи, – негромко ответила братцу Ленка. – Так поступают все ябеды. А потом к ним по ночам приходят корябеды и начинают длинными крючками выковыривать...

– Лена! – рыкнул отец со своего дивана. – Прекрати запугивать ребенка. И вообще, иди в свою комнату и учи физику! Я проверю!

– А куда?

– Сам домою.

Слова у отца *das Geschwister*¹ Лемешевых редко расходились с делом. Он покинул диван, сложил по сгибам газету, прошел в кухню и, поерошив ласковой рукой кольца белокурых кудрей меньшого, строгим карим взором окинул свою старшую. Ленка со вздохом отчаяния заглянула отцу в глаза: может, все еще не так фатально – не физику, а биологию?

– Биологию, пап?

Отец засмеялся и Ленка, забыв обо всем, залюбовалась им: почти метр восемьдесят, по-юношески стройный, кареглазый, с ясной улыбкой и озорным смехом, ее отец невольно заставлял встречных дам на него оглядываться. Ревнивая Ленка, если шла рядом, шипела им вслед.

А еще у Александра Лемешева был чудесный голос баритонального тембра. Раз Ленке позвонила Валька Петрова (которая физику списывать не давала, а алгебру решать мешала) и целых пять минут кокетничала по телефону с отцом. Ленка никак не могла взять толк, чего это отец так хитро улыбался и с кем ворковал, пока не передал трубку ей.

– Лена, это тебя.

Ленка услышала восторженный захлеб Вальки:

– Ой, а познакомь меня со своим братом!

– Зачем? – удивилась Ленка. – Вот из садика заберу – валяй приходи, знакомься...

– Из какого садика? А, нет, я про твоего старшего брата...

– Пап? – крикнула Ленка отцу, подрезавшему лозы на веранде. – У меня, что ли, есть старший брат, о котором я ничего не знаю?

Отец чуть со стремянки не свалился.

– Физику! – напомнил отец замечтавшейся Ленке, и она отправилась в свою комнату, откуда было отчетливо слышно, как отец, домывая посуду, походя воспитывает и сына.

– Врать нельзя, Санек, но и ябедничать тоже не годится. Ябед все не любят.

Ленка перевела дух. Маленький ябедник мог спровоцировать новый скандал в доме. Девчонка, сколько помнила себя, постоянно мирила родителей, но лучше об этом не вспоминать вовсе. А то опять, как прошлым летом, разьедутся и поделят их с Санькой. Никогда ей не забыть, как на остановке, где встретились оба трамвая, до нее донесся писк младшего:

– Ленка! Там Ленка! Ленка моя!

Ленка повернула голову, на этот раз она ехала к бабушке, чтобы увидеться с отцом и прожить там две недели, а отец вез Саньку к маме и тоже на две недели. И вот *das Geschwister* Лемешевы «встретились» после долгой разлуки.

– Там же Ленка! Ле-е-енка моя!!! – вопил на два салона белокурый ангелочек, размазывая слезы и мороженое по румяной мордашке.

Ленка вылетела из своего трамвая как подстреленная, но встречный, с отцом и разбушевавшимся вконец Санькой, дал звонок, заискрил лиловыми всполохами и был таков. Почти полчаса Ленка точила тогда слезы в скверике у театрального фонтана. Прохожий курсантик все пытался тогда ее успокоить и даже купил в киоске мороженое – на свои-то жалкие увольнительные! Но, увидев мороженое и вспомнив замурзанную несчастную Санькину мордашку, успокоившаяся было Ленка разревалась пуше прежнего. Курсант в отчаянии швырнул стаканчик с мороженым в урну, потом, не решаясь оставить девчонку посреди города одну, довез ее до заветной бабушкиной калитки. А калитку распахнула младшая сестра отца, такая же кареглазая, как он, Нина, с каштановой косой в толщину корабельного каната.

¹ *das Geschwister* (нем.) – брат и сестра в одном понятии.

– Ленка! Да где же тебя носит! Саша взял такси и ждет тебя здесь с Санькой, а он все ревет и ревет! Иди к нему скорее!

Но кучерявый ангелочек со следами слез на сияющем личике уже несся по дорожке, проложенной вдоль дома.

– Ленка! Ленка моя!

Она тогда подхватила братца и, сдерживая рыдания, стиснула что было сил. Нина промокнула своей косой карие глаза, а уж когда из сочувствия к любимым хозяевам завыл дворовый пес Борзик, курсант сказал:

– Все, больше не могу! Пожалейте, вечером мне лейтенантские звездочки в водке мыть – а я зарёванный буду!

Нина тогда засмеялась и звонко чмокнула парня в щеку.

Короче, запомнил Ленкин курсант и улицу, и номер дома. Нынешней весной, едва получив диплом, выскочила любимая Ленкина тетка за старшего лейтенанта, и увез он ее за далекую венгерскую границу.

– Так что там с законом Ома, дочь? – спросил отец Ленку, вытирая руки полотенцем и присаживаясь у ее письменного стола.

Ленка недоуменно подняла глаза:

– А? Что?

Отец засмеялся.

– Ну почему ты физику не понимаешь, если у тебя по алгебре пятерка? Как такое может быть?

– Так алгебру и геометрию Моисей Семенович ведет, – мечтательно призналась Ленка.

– Ну хватит! В учебнике все есть, дай мне его, я сам тебе сейчас объясню!

Ленка с готовностью протянула учебник отцу, тот уверенно раскрыл его, полистал и сказал многозначительно:

– М-да-а! Теперь, когда вы входите в комнату, мисс Лемешева, я буду вставать. Какой дурак это написал? Да еще для детей!

Ленка хотела так заразительно, что на звуки ее смеха примчался меньшей и тоже залился звонким колокольцем. Отец подхватил сына на руки и закружил с ним по комнате. Санька растопырил ручонки и жаждал:

– Самолетики!

Семейство Лемешевых в неполном составе пребывало на вершине блаженства.

– Ну вот! Опять телячьи восторги!

– Мама.

– А мы посуду мыли! – радостно завопил из-под потолка Санька. – И Ленка, и мы с папой!!!

– Уработались, как я погляжу! – не выдержала строгая мать и тоже засмеялась, и ее синие-синие глаза, просто колокольчики полевые, радостно заблестели.

Синие глаза, как у Саньки, один в один. А вот в Ленкины природа слегка добавила отцовского янтаря, так, чуточку плеснула, позабавилась. И теперь ничего не поймешь! То синие, то зеленые, то зеленые, то синие!

* * *

Прополз унылый ноябрь, как стылый полоз по шершавым полусгнившим бревнам колодезного сруба на заброшенном и всеми забытом хуторе. Полетели дни декабря и почти сразу порадовали легким снежком, который тут же и растаял, но художники успели написать пару-тройку этюдов.

Ненастным утром Рахим Ахмедович заметил у окна в фойе слегка ссутулившуюся девичью фигурку. Эльмира Ахмедзянова, девочка, которую он лично нашел в районном доме творчества и еле-еле уговорил перейти в его школу. Как видно, новенькая все еще не освоилась, тоскует. В подтверждение директорского диагноза Эльмира

украдкой вытерла слезы. Такого зрелища сердце директора вынести не могло. И он незамедлительно принялся действовать.

– Вызывали, Рахим Ахмедович? – хрипловатый голос Камала оторвал директора от возни с бумагами.

– Вызывал, вызывал, сынок. Закрой дверь, поговорим.

Рахматуллаев закрыл дверь, звонкие детские голоса из фойе как отрезало.

– Что случилось? Если опять про дневник Скляра, то я по-прежнему ничего не знаю...

– Знаешь, знаешь, скажи Скляру, пусть купит новый дневник, на вот пятьдесят копеек, передай ему. Школа потеряла, школа возместит. Скажи Скляру, пусть подает новый дневник Илоне Бектемировне для ее автографов.

– А если она его отца все-таки вызовет?

– Э! Не торгуйся! Я сам тогда его вызову, я на ковре вольником в молодости был, ну, и ремнем махать умею тоже!

– Он, когда трезвый, так душа человек...

– Ладно, я тебе не о Скляре хотел сказать.

– О ком еще? Рахим Ахмедович, может, вы сами будете строить эти козни, лично, без моего посредничества?

– Сынок, ну как ты думаешь, станут они меня слушать? Испугаются, только и всего. Вот помоги еще раз, а? Лена Лемешева...

– Нет! – сразу полез на стену Камал. – Только не Лемешева! Я с ней не разговариваю...

– А она с тобой?

– Тоже, – мрачно признался Камал.

– Ну и кто дурак? – засмеялся директор. – Ты на нее внимательно смотрел?

– Рахим Ахмедович, – с досадой вымолвил Камал. – Не ждал я от вас соли на раны!

– Эй, что случилось, сынок?

Камал ответил жестом, директор засмеялся еще веселей.

– Как ты мог подражаться с девчонкой?

– Я с ней? – возмутился Камал. – Да я ее пальцем не тронул! Где вы ее только нашли? Ниндзя! Глазом моргнуть не успел – растянулся на полу! Нет, вы с вашей Лемешевой сами разбирайтесь, с меня хватит.

– Ладно, разберемся. Учителя жалуются: Слава Цветаев часто хохочет на уроках.

– Рахим Ахмедович, – с явной укоризной произнес Камал. – Вы бы уж определились, что ли. Если хотите, чтоб он плакал, надо его тогда с Подберезкиной сажать.

Директор опять рассмеялся.

– Ладно, аскиячи, к делу, посади тогда со своей Подберезкиной Элю Ахмедзянову.

* * *

Жизнь нового классного руководителя класса звезд и жемчужин, размеренная и выверенная до мелочей, с новыми должностными обязанностями поначалу не сильно изменилась. Он по-прежнему просыпался без четверти шесть, быстро выполнял несколько упражнений перед распахнутым окном. При этом иногда просыпалась жена и хмуро ворчала, жалуясь на сквозняки.

– Какие сквозняки, Эсфирь! Это свежий воздух.

По дороге на работу он покупал на остановке газеты, всегда первым. Потом садился в подъезжавший автобус, обычно на одно и то же место у окна, и прибывал в школу ровно в четверть девятого. Первое, что обращало внимание во внешности Моисея Семеновича, – это ярко синие глаза, кроме того, он располагал полным набором аристократических черт.

После назначения математика классным руководителем жизнь в классе потекла ни шатко ни валко. Новый классный руководитель звездно-жемчужного класса по неволе познакомился со своими учениками и их родителями на родительском собрании. Лемешева и Рахматуллаев по-прежнему в упор не видели друг друга, молчунья Эля Ахмедзянова неожиданно для всех подружилась с хохотушкой и стрекотуньей

Нинкой Подберезкиной, Славка Цветаев все так же нервировал учителей общеобразовательных предметов взрывами внезапного хохота на уроках.

В конце четверти итоги подводили и по специальным предметам. Школа превращалась в вернисаж. Не всем новеньким хватало места в классе. Ленка проявила смекалку:

– А пойдем в коридор, Эль?

– Как в коридор? – удивилась Эльмира, и Ленка поняла, что практически впервые слышала ее голос не на уроке, когда Ахмедзянову вызывали к доске.

– Да запросто, там полов немерено!

– Но ведь тогда наши работы увидят все!

– И чего стесняться? Тебе-то уж точно нечего!

Девчонки разместили листы на полу в коридоре, переместили некоторые шедевры друг у друга, чтобы лучше смотрелись, оставили таблички с именами у своих работ и стали терпеливо ожидать высокого суда.

Высокий суд не спешил с оценками, зато зрителей у девчонок, осмелившихся выставиться в школьном коридоре, сразу же прибавилось. Проносились и зависали на пару секунд стремительные стайки мальков, которых с легкой руки начитанной Ленки в школе стали недавно называть кишатами, проплывали гордыми павами выпускницы, через округлые плечики небрежными взглядами оценивая вернисаж, проходили и притормаживали их одноклассники.

– Лемешева, это ты? – обратился к Ленке невысокий светловолосый парень с пристальным, цепким взглядом быстрых серых глаз.

– Ну, и что?

– Надо же, я думал, обычная матрешка.

– Как ты меня назвал? – вспыхнула Ленка. – А ну-ка повтори!

– Лан, остынь! Это я так, в пространство. Как ты назвала вон ту композицию?

– Тебе что за дело?

– Просто я думал, что в этой школе я один Джозефа Конрада читал.

– Ну да, конечно! – ехидно усмехнулась Ленка и тут же перебила себя. – А как ты догадался?

Композиция в строгом смысле слова не являлась иллюстрацией к «Фрейе семи островов». Начитавшаяся Конрада, Ленка просто импровизировала, комбинируя на листе формата А-3 изображение романтического героя, преклонившего колена пред ступенями неизвестно куда ведущей лестницы, выбитую кем-то из рук героя шпагу с золоченой гардой поперек ступеней. Выше – стеклянный кубок с рубиновым вином на одной из них. Бирюзовые струи волшебного источника омывали все ту же мраморную лестницу, сверху тонущую в клубах лилового тумана. За туманом, в верхнем левом углу композиции, прорисовывался силуэт романтической героини, удаляющейся в неведомые дали, небрежно оглядываясь напоследок через обнаженное плечо.

– Убери ее, – тихо посоветовал Ленке неведомый поклонник Джозефа Конрада. – Заберут в фонд – после не отыщешь.

– Да что ты гонишь!

– Мое дело предупредить, – с холодным прищуром серых глаз и саркастической усмешкой широко скроенных губ произнес парень.

Потом, много позже, Ленка так и не смогла вспомнить, что за оценки поставил ей с Ахмедзяновой на том просмотре высокий суд. Зато на всю жизнь запомнила сероглазого семнадцатилетнего парня, советом которого пренебрегла. После просмотра она видела его только раз. Последний раз. Парень отыскал ее на переменке, протянул ее же композицию, которую действительно тогда забрали в фонд, и строго сказал:

– Я ее из фонда украл! Спрячь, тебе такого больше не повторить!

Ленка взяла композицию, положила в папку и даже не сказала напоследок сероглазому выпускнику простого «спасибо». И исправить эту ошибку судьба ей не позволила. В том году школа провожала своих выпускников, потеряв одного из них. Отряд не досчитался бойца. Бойца невидимого фронта. Но сначала была «американка»!

«АМЕРИКАНКА»

Однажды, на контрольной по алгебре, у того самого математика со строгим взглядом, от которого замаялся ворочаться в своей гробнице в центре Парижа завистливый Наполеон, у Лемешевой и Цветаева вышел спор. Не чета, конечно, знаменитому спору Казбека с Шат-горою, но шороху он наделал тоже немало.

– Ленка!

– Тс-с-с!

– Чего тс-с-с?

– Моисей же в классе, контрольная, какие вопросы! – пригнувшись к парте, зашипела Ленка.

Математик выписывал на доске первое задание для первого варианта. Цветаев знал, что сейчас он начнет писать аналогичное задание для второго, и времени на задуманное не останется. Ленка мигом включится, и тогда ее даже третья мировая от контрольной не оторвет.

– Хочешь, сыграем в американку?

– Тс-с...

– Слабо?

– Заткнись!

– Ага, слабо, я так и знал!

– Ничего мне не слабо! Зануда. Заткнись и напиши на черновике, что тебе надо.

Славка, довольный ухмыльнувшись, быстро нацарапал: «Спорим на кто быстрее накатает контрольную, если оценки будут одинаковые? Или выиграет тот, у кого оценка выше? В «американку»!»

Ленка кивнула, но Славка, схватив ее за руку, ткнул впереди сидящего Леху Азарова:

– Разбей.

Леха, мрачный, меланхоличный и застенчивый парень, талантливый иллюстратор, привыкший ничему не удивляться, разбил руки Лемешевой и Цветаева ребром тошей корявой ладошки и блеснул на них стеклышками своих очков в проволочной оправе.

– Надоели, ироды, как не знаю кто!

– Приступайте! – скомандовал математик и, не глядя на склоненные головы, подошел к окну. Яркий апрель звенел цветом и светом, колыхались, шумели под утренним ветерком ветви, «полные цветов и листьев».

Лемешева торопливо переписывала условия на чистовик, виртуозно рассчитав, какое количество строк понадобится для решения. Она обгоняла. Славка, пыхтевший над черновиком, к чистовому листу еще и не притронулся. Но почему-то ехидно ухмылялся. Его вид несколько озадачил Ленку, но коварства и вероломства за Цветаевым не водилось, поэтому, прогнав сомнения, она принялась решать квадратное уравнение. Цветаев же, замысливший выиграть в «американку» любой ценой, не замедлил применить свой стратегический резерв.

– А я знаю, что ты загадала...

– Отстань, ненавистный!

– Ссыганить у меня «Сердца трех»!

Ленка отложила ручку и вопросительно воззрилась на своего, навязанного коварной судьбой соседа по парте. Его довольная, просто пышущая тайной радостью физиономия наводила на неутешительные размышления.

– Ссыганить? Сам же предложил «американку».

– Ага, эх, знала бы ты, что я задумал! – интригуяще протянул Славка, закатив голубенькие глазки и ухмыляясь пухлыми губами.

– Что ты задумал?

Славка в ответ только блаженно улыбался. Что он, черт возьми, задумал? Ленка погрызла ручку и тоже задумалась. И предметом ее размышлений был совсем не квадратный трехчлен. Славка меж тем с невинным видом вычислил дискриминант.

– Что ты, нелюдь, задумал? – почти вслух спросила Ленка.

Математик у окна замечтался и не обратил внимания на нарушение дисциплины, зато принялись вертеть головами одноклассники. На «камчатке» явно что-то назревало, и, похоже, обычных шпаргалок от этой парочки ждать сегодня не приходилось.

– Говори, змееныш, что задумал, а то тресну по кумполу!

– «Американка» же... – коварно улыбнулся Славка.

– Лучше колись! – прошипела Ленка и занесла над Славкиной макушкой руку, сложив пальцы в «нукитэ».

– Ох, прям напугала! – глумился торжествующий «змееныш». – Да ладно, ладно, скажу... Ваши поцелуи, юная леди! Три!

– Что?! – вскинулась Ленка, одноклассники все как один обернулись.

– Не так эмоционально, Лемешева, – не оглядываясь скомандовал математик. – Ты не на уроке литературы и не в драмкружке.

– Почему три? – зашипела Ленка. – Спорили один раз.

– А сердца тоже трех! – ликующе выдал этот пройдоха, подводя итог дискуссии.

У Лемешевой буквально выпало из рук стило. А Славке того и надо! Ленка запаниковала, ее нервозность сразу же завела класс. Теперь все уже не столько решали, сколько высматривали вызревающий на «камчатке» конфликт.

Ленка в панике извлекла корень из сорока девяти и окончательно потеряла над собой контроль при проверке. Она горестно замерла. Целоваться со Славкой страшно не хотелось, тем более что такие поцелуи могли бы привести к серьезным проблемам с Подберезкиной. Положение казалось безвыходным, и тут она вспомнила про свой «стратегический резерв». Махнув рукой на контрольную, Лемешева полезла в сумку и извлекла из бокового кармашка коробок из-под скрепок. Славка насторожился: коробок со скрепками на контрольной по алгебре?

– Это тебе еще зачем? Что в коробке?

– Ластик.

– А! – успокоился наивный Славка, не обратив внимания на то, что из коробка высовывалась травинка.

Ленка потихоньку извлекла из коробка вовсе не ластик, а жука-бронзовку, которого она нашла в траве на обочине. Жук беспомощно барахтался на спине, и Ленка не могла пройти мимо. Она хотела просто перевернуть его, но потом вспомнила про Саньку и решила со свободой для жука повременить. Судьба, как оказалось, не напрасно подарила ей эту встречу. Все как в сказке: спаси в своем квесте живность, и она тебе обязательно пригодится. Жук Ленке пригодился. Неуловимым движением эта коварная лиса опустила тяжелого жука Славке за шиворот. И тут началось!

Славка, как подброшенный пружиной, взвился над партией и выпрыгнул в проход между рядами. Там, заведя за спину пухлые ручонки, он принялся ловить жука, выписывая ногами немыслимые па, а затем пустился вприсядку. Ленка рухнула на парту, зажимая рвущийся хохот обеими ладошками. Все как один побросали ручки и усталились на Славкины фуэте.

Математик очнулся в параллельном мире, о вероятных свойствах которого как раз и размышлял, любясь цветущими ветвями. Но свойства этого мира превзошли все возможные вероятия. Его ученики, вместо того чтобы строчить, вычислять и молиться, бились в истерике и содрогались от неудержимого хохота. Солировал по-прежнему Цветаев, но математик быстро вычислил источник колебания волн и гаркнул:

– Лемешева!!! Цветаев! Вон из класса!!! Дневники и контрольные на стол, завтра с отцами к директору!

Ленка мигом вспорхнула и понеслась к учительскому столу, ловко перепрыгивая через ранцы и портфели. Славка, корчась и содрогаясь всем телом, схватил свой листок и дневник и ринулся вдогонку...

Портфелеюга отличницы Лёки Андреевой с полным набором учебников на шесть уроков и двухтомником Льва Николаевича Толстого, будто подпрыгнув, сбил незадачливого любителя поцелуев с его пути, и он со всего роста с грохотом обрушился в проход между рядами.

Класс в изнеможении застонал, в седле остался только Камал, даже математик, преодолев одним прыжком пространство от окна до учительского стула, опустился на него и быстро прикрылся классным журналом.

Ленка, уже добежав до стола, приостановилась, грациозно повела плечиком и аккуратно положила свой дневник и листок с контрольной математику под судорожно вздрагивающий локоть. Потом повернулась на каблуках и неспешно проплыла к двери, искоса наблюдая, как барахтается между партами Цветаев в обнимку с портфелем недоумевающей Лёки.

Наконец Цветаев героически воздвиг себя над хохочущей публикой, с трех метров метнул на учительский стол дневник с вложенной в него злосчастной контрольной и ринулся к двери.

– Цветаев! – крикнул математик. – Вернись немедленно и положи как положено!

– Моисей Семенович! – в тумане ярости взревел Цветаев. – Пока я буду церемонии соблюдать, эта... эта... Вон! Она уже полкоридора промчала!

Математик торопливо укрылся за своим журналом, отрешенно отмахиваясь от взвешенного и алого, как мак, Цветаева.

– Иди!

Цветаев носорожьим тараном распахнул дверь. Класс надрывно взвыл.

* * *

Ленка Лемешева знала, что делала. Вряд ли разъяренный математик поставит ей и Цветаеву что-нибудь выше единицы. Одинаковое число баллов автоматически предоставляло ей выигрыш. Она «решила» первая. Конечно, Славка загнал ее в девчачий туалет, но долго он вахту не продержит.

– Ну все, Лемешева! Тебе не жить! Выходи! Кукла ты американская! Сдавайся!

– И не мечтай!

– Выходи! Доведешь ведь, сам туда зайду и выташу за косу!

– Это не по правилам. Здесь убежище.

– Все равно долго не высидишь.

– Перемену-то? Да запросто!

– А я на немецкий не пойду!

– Рискни, тогда тебе точно и драмкружок аукнется, и бассейн... – мечтательно протянула Ленка. – Вот вlepит тебе Бертинька еще одну пару...

Славка подозрительно затих. Ленка опасливо выглянула из-за двери и увидела математика, который шел в их сторону. Она тотчас же скрылась за дверью.

Цветаев удрученно застыл на своем подоконнике, гоняя несчастного жука обломком карандаша по кругу...

– Цветаев?

– Да, Моисей Семенович.

– Где Лемешева?

– Убил.

– Ну, убил так убил, с кем не случается. Держи свою контрольную.

– Единица! А три минуса за что?!!

– Тебе еще и разбор полетов устроить?

– А у Лемешевой что? Где ее контрольная?

– Отдам ее наследникам.

ВРЕМЯ ПЕРЕДЫШКИ

– Единица, Лемешева, это понятно, а вот сколько минусов?

Настырный Славка не отставал, не обращая внимания ни на какие намеки. Ленка уж и не знала, как от него отвязаться.

– Да один минус, Славка, всего-то один!

- Тогда покажи!
- Ну почему ты такой недоверчивый?
- И правда, почему бы?
- Ладно! На, злыдень! Смотри!

Ленка на мгновение распахнула перед злыми Славкиными глазенками свою контрольную, предусмотрительно повернув лист вверх тормашками.

Славка успел заметить: минус был действительно один, но то, что минус стоял не после оценки, а перед ней, от Славки на время ускользнуло.

* * *

– Они поспорили в «американку», Рахим! Цветаев мне черновик сдал с условиями спора!
– Ох, что за девчонка, кто-нибудь найдет на эту куклу управу! – промокнув слезы смеха большим клетчатым носовым платком, ответил Рахим Ахмедович.

На этот раз они с математиком сидели за дастарханом под навесом из густо сплетенных виноградных лоз.

– Видел бы ты, что эта элементарь с парнем сделала! Рахим, из чувства мужской солидарности хочется ему подсказать, что выигрыш за ним!

– Не вздумай! – замахал на математика обеими руками директор. – Пусть сам догадается, ей-то никто не подсуживает! Сама все время выворачивается, как змеенок, честное слово. Вот лиса!

– Значит, ты за нее болеешь?

– Это еще что за «значит»?

– Да тут Сема втихаря от Руфины устроил в учительской тотализатор. Ставки принимает!

– Что?! Вы с ума посходили!

– Фантиками, Рахим, обертками от конфет, даже не сигаретами.

– Вы все ненормальные! Кого я набрал! У нас комиссия на носу!

Математик расхохотался. Почему-то нынешняя весна повлияла на него удивительным образом. Нет, конечно, на уроках математики по-прежнему царил казарменная дисциплина, но вот вне уроков педантичный математик был неузнаваем. Не это ли имела в виду прозорливая Руфина Тимофеевна, предрекая, что некий театр миниатюр закончится бедой? Правда, пророчество было произнесено в ноябре, а сейчас уже апрель и пока вроде как... Директор постучал костяшками левой руки по дереву дастархана – отвел беду.

– Ты мне лучше скажи, брат, как твои? Без тебя поедут?

Улыбку с античного лица математика как рукой сняло.

– Ты же знаешь, Рахим, вызов действителен только месяц. Такое окно. А мне после почтового ящика выезд в течение пяти лет закрыт.

– Это значит, они уедут, а ты останешься на пять лет здесь?

– Нет, только на три года. Два я уже прожил. Рахим, я бы вообще не уезжал! Наплевать, что из-за ее затей вышибли с работы! Ты платишь даже больше, чем я получал в НИИ. А думать мне никто не запретит.

– Как она тебя подкосила, друг. А сыновья что?

– Тоже видят свое будущее на «исторической» родине, а не здесь, на Родине. Спасибо, что хоть парторг в НИИ человеком оказался. От клейма предателя и ренегата избавил.

– Как ему это удалось?

– Вырвал у меня из рук партбилет и сунул самому горластому в... лицо: «Посмотри, герой, где, кто и когда ему партбилет выдавал! Ты сам в тылу жировал, на мясокомбинате! Я еще твое личное дело подниму, кто там тебя принимал и по каким рекомендациям!»

– Ладно, не горюй, и здесь прорвемся. Зря вот ты только мне про эту «американку» поведал, как я завтра их отцов отчитывать буду?

– Вместе отчитаем.

Математик улынулся и кивнул, Рахим Ахмедович заглянул ему в глаза и тоже кивнул.

ПЕРЕДЫШКА КОНЧИЛАСЬ!

В личном рейтинге предметов у Лемешевой биология и химия занимали предпоследние места перед физикой.

Преподавала биологию и химию довольно странная особа. Будучи дамой уже почтенного возраста, ума она так и не набралась.

Однажды на уроке Надя Зубова отпросилась у химички в медпункт и, не дождавись разрешения, опрометью вылетела из кабинета.

Надежда Петровна повернулась всем корпусом в сторону еще не затворенной двери и произнесла как бы про себя, но вслух:

– Конечно, матери-то нет, некому объяснить девчонке, что надо...

И без купюр со свойственной ей простотой выложила, что надо было сделать Наде, чтобы не бегать в медпункт с nepозволительной скоростью из-за неких чрезвычайных, но регулярных обстоятельств.

Славка Цветаев тем утром подстерег Лемешеву у входа в директорское фойе, злой, как весь ад, и завопил:

– Ага, Лемешева! У тебя минус единица! Это меньше нуля! Ты проспорила! А я-то, дурак, думаю, чего она «Сердца трех» не требует! Выиграла же!

Ленка не ответила, а просто отпихнула Славку от двери и рванула изо всех сил через пространство, уставленное слепками скульптур Микеланджело.

Минуя все преграды, Ленка летела через директорское фойе, и только одна мысль билась в ее голове: какой гад сдал ее Славке?

Пыхтящий Славка топал где-то шагах в пяти за ней, еще немного, и она вырвалась бы на оперативный простор, а там по прямому коридору, ведущему к учебному корпусу! Эх, если бы в это же время не ринулся наперерез Ленке маленький рыжий кишонек!

Юркий, как горностаи, он мигом увернулся от Ленки, а та и сама успела прыгнуть вперед, чтобы с ним разминуться, но за ней бежал пыхтящий, как паровоз, алый, как кумач, тяжеловес Цветаев.

Выбрав из двух зол меньшее, кишонек резво ввинтился рыжей макушкой в фанерную тумбу. Тумба отозвалась гулкой пустотой, а бюст, не закрепленный на ее поверхности, кроме светлой вечной памяти великому вождю, дрогнул и поплыл...

Ленка успела выхватить кишонка из-под мраморного вождя, накренившего высокое чело, потом резко дернула на себя, подхватила его и вместе с ним отпрыгнула к медпункту.

Славка успел остановиться и в ужасе зажмуриться еще до ее рывка, поэтому спасения кишонка не увидел.

Вождь рухнул, и оглушающий гул пронесся под потолком фойе. Кишонек вырвался из Ленкиных объятий и, перескочив через подпрыгивающие на полу белые мраморные черепки, как ни в чем не бывало продолжил свой скоростной бег.

– Он цел? – сиплым от ужаса шепотом спросил Цветаев.

– Кто? – уточнила Ленка.

– Рыженький? – не открывая глаз, пискнул Славка.

– Рыженький цел, – успокоила его Ленка, – а вот лысенький готов... Вдребезги!

– Ох, слава богу! – перевел дух Славка и открыл глаза.

За несколько секунд до крушения изваяния из медпункта в фойе выглянула медичка и в шоке от увиденного замерла. Она-то в отличие от Славки глаз не закрыла и с убийственной ясностью и осознанием собственной беспомощности взирала, как неотвратимая беда обрушивается на рыжую головенку вместе с тяжелым мраморным истуканом. А потом эта сорвиголова Ленка выхватила у разверстой бездны глупого мальчонку. Идол рухнул, но никого с собой в пространство Инферно не забрал. Как Ленке удалось обойти неминуемую погибель ребенка, Берзия Ахатовна постигнуть не могла.

Наступила звенящая тишина.

Но и тишина звенела недолго, со второго этажа по лестнице кто-то спускался. Медичка быстро схватила зазевавшуюся Ленку за косу и заташила в медкабинет, хлопнув за собой дверь.

– Молчать, кукла! – шепотом приказала медичка Ленке и завозилась с медикаментами в стеклянном шкафчике. Увидав в ее руках шприц, Ленка мигом закрыла рот.

– Только пикни, сделаю укол новокаина прямо в язык!

Из фойе донесся тоскливый вой: парторг школы обнаружила скорбные останки.

– Цветаев? Кто это сделал!

– Я, Надежда Петровна, – начал было Цветаев, но тут медичка бросила свой шприц, распахнула настежь дверь кабинета и громко перебила покаянную Славкину речь.

– Землетрясение! Балла четыре как минимум! Что здесь упало? Надежда Петровна! А если бы здесь были дети! Почему вы не закрепили бюст вождя?

– Я? – ужаснулась Надежда Петровна. – Это я?! Цветаев, кто его сшиб?

– Не знаю, здесь никого не было, я не успел дойти до...

– Вот и хорошо, что не успел! Быстро в медкабинет на осмотр, тебя могли поранить осколки, – перебила его медичка.

Несгибаемая Надежда Петровна со стоном опустила на колени прямо на мраморный пол фойе и принялась перебирать фрагменты вождя.

* * *

Берзия Ахатовна, если речь заходила о жизни или здоровье детей, могла открыть дверь в любой кабинет, что называется, ногой. И после чудесного спасения рыженького от неминуемой гибели она твердо решила не оставлять детей на произвол судьбы или головоутиательства недалекой Надежды Петровны. На следующий же день директор обнаружил у себя на столе ее докладную, которая содержала вполне обоснованные претензии к состоянию безопасности жизни детей во вверенном ему учреждении.

– Какой бюст, Берзия Ахатовна? Какой вождь? Ничего не понимаю!

– Мраморный бюст вождя, Рахим Ахмедович. Из кабинета парторга, там теперь вместо него дифимбахия в кадке.

– Ничего не понимаю, толком объясни!

– Я вам неоднократно говорила, что эта особа для детей пострашнее ветрянки и паротита! Вот результат! Кондрашов был бы всмятку размазан, если бы не реакция Лемешевой. Этой выдре уже давно пора пугалом на огороде работать, а не в школе с одаренными детьми!

– Я ее на работу не нанимал, это еще до меня случилось.

– А уволить вам придется! – крикнула Берзия Ахатовна и захлопнула за собой дверь директорского кабинета.

Директор вызвал Рахматуллаева, который ему все изложил. Правда, не сразу.

– Так землетрясение же, Рахим Ахмедович. А мраморный бюст на фанерной тумбе. Да на ней бы даже чашка с чаем после толчка не удержалась. Хорошо, что никого не убило.

– А Кондрашов при чем?

– Рахим Ахмедович, мы все уже разрушили сами, больше Цветаев и Лемешева по школе носиться не будут, слово даю!

– Цветаев и Лемешева, – констатировал директор. – Ну, разумеется. «Американка»... Кто ее сдал?

– Вот уж не скажу, – покачал головой Камал. – Судя по всему, кто-то из вашей команды. Из учительской, я хотел сказать.

– Ладно, иди в класс, а по дороге загляни в учительскую, передай мое приглашение Бертине Максимилиановне.

– Я тоже на нее подумал сразу, – восхитился проницательностью директора Камал.

* * *

Бертина Максимилиановна, учительница немецкого языка, приходилась родной племянницей одесситу Семену Ефимовичу, преподавателю истории и общественных наук. И она, само собой, тоже была одесситкой.

– Я-таки готова послушать вашу просьбу! – озарив директора солнечной улыбкой, заявила с порога красотка Бертина.

– Берта, это ты стукнула Славке Цветаеву, что в «американку» выиграл он? – спросил директор без обиняков. – Тебе для счастья фантиков не хватало?

– Или мне за мои же хлопоты мало-таки прилетело от этих босяков? – всплеснула руками немочка. – Знали бы вы, как этот шлимазл над моими тазобедренными изгибами в бассейне надругался!

– Немедленно расскажи!

Рассказ занял не так много времени, но к его окончанию с директора градом ка-тили и пот, и слезы, а от его хохота дрожали стекла.

ВОДНАЯ ФЕЕРИЯ

Весть о крушении мраморного бюста самого человеческого человека достигла ушей Рахматуллаева практически мгновенно. Камал по-настоящему испугался. Эти чокнутые со своей «американкой» могли попасть под такую раздачу, что страшно даже и вообразить. Значит, чтобы избежать беды, эту парочку, которую он свел, потакая тайным козням директора, укрощать тоже ему. Через посредничество своего кореша Сереги Неверова Камал отдал приказ Славке Цветаеву. И Славка как сын, внук и правнук русского солдата счел незазорным приказу главнокомандующего внять.

Он прекратил гоняться за неуловимой Лемешевой по школе и даже в ее сторону смотреть прекратил. Лемешева на удивление быстро подружилась с новой соседкой, и теперь уже учителей нервировали приступы Ленкиного хохота.

Надо сказать, что Славке было где гоняться за Лемешевой и помимо школы. Он по настоянию бабушки еще с осени взялся ходить в городской бассейн, в группу начинающих. И пока он начинал, догонять в бассейне Лемешеву было абсолютно бессмысленно. Ленка просто не помнила как, когда и при каких обстоятельствах она вообще научилась плавать. Тренерша группы кандидаток в мастера спорта, сама мастер спорта международного класса, мигом вышуганила ее у своей подруги.

Ленка, не задумываясь о причинах ее перевода в другую группу, рассекала волны в команде девчонок, уже заработавших КМС по плаванию. От Ленки это обстоятельство утаили, и она, приходя к финишу последней или предпоследней, злилась, как акула.

Вся эта подоплека ускользнула от Славки. Он из своего лягушатника заметил, что Ленка стала приходить к финишу не первой, не второй и даже не третьей. А тут еще его собственный тренер (по просьбе бабушки!) отметил его явные «успехи»!

Вывод напрашивался сам собой.

Неожиданно узрев Лемешеву в пределах досягаемости, Цветаев выпрыгнул из своего лягушатника, неуклюже задев канат, кувыркнулся в воде, всплыл, прочихался и с суровой решимостью бросился догонять эту коварную, эту вероломную, эту лужавую, эту злокозненную подколодную змею!

На этот раз Ленка пришла к финишу четвертой и, облокотившись на канат, пыталась отдышаться. Ее внимание привлек громкий смех. Тренер из лягушатника кокетничал с ее бывшей тренершей, а та внезапно развернула ловеласа лицом к его собственному бассейну. Ленка машинально посмотрела в ту же сторону и, ахнув, поплыла в сторону лягушатника под водой со скоростью, вполне сравнимой с нормами КМС. Но все равно не успела.

Славка беспорядочно молотил конечностями, поднимая волны, и на его барахтанные поневоле обратили внимание не только тренеры, но и все, кто находился в непосредственной близости. Все, кроме «Лемешевой», плившей себе в свое удовольствие по ближайшей к лягушатнику дорожке. «Лемешева» почти прибыла в спасительную гавань и коснулась борта, когда ее настиг обезумевший от азарта погони Цветаев.

С ликующим воплем он упитанной белорыбицей плюхнулся на легонькую плотвичку, ухватил ее за талию и троекратно окунул в воду. Ленка вынырнула через пять секунд после начала этой вопиющей расправы и истошно завершала на весь бассейн:

– Славка, придурок, это не я! Не я это, идиот! Это Берта Максимилиановна! Ты нас перепутал!!!

Но Славка, упиваясь долгожданной победой, в этот миг обретался под водой и потому Лемешеву не слышал. Зато ее услышали все посетители бассейна разом.

В секторе для прыжков как раз собирался прыгнуть с трамплина очень перспективный спортсмен. Разбежавшись, он услышал Ленкины заполошные причитания и, можно сказать, завис в полете.

– Ну что, Лемешева! – истошно завопил Славка ликующим звонким дискантом. – Хватила огурца? Так тебе и надо! Не играй с мужчинами в «американку», раз не готова дарить им поцелуи без любви!

Ленка только обессиленно застонала в ответ у него за спиной. Славка оглянулся и застыл...

– Всем... три шага назад и дышать... носом! – скомандовала потерпевшая от Славкиных обознатушек дама. – Теперь ты это счастье, Цветаев, будешь хлебать... ме-е-еленьким ситечком! Прицепился, босота, как тот чирей до комсомолки! Чтоб мне вас... так забыть, как... я вас помню!

Это все, что в обших чертах удалось разобрать растерявшемуся Славке, остальное разобрал только один прыгун на своем трамплине, судя по всему, сам незаурядный лингвист. Хохочущий спортсмен продолжил свой прерванный полет и чуть не отдал концы еще до касания с водной стихией. Прыгун вынырнул прямо напротив Бертины, облепившей буквой Г бортик бассейна. Бертина еще некоторое время продолжала услаждать слух высокого собрания невыразимыми ни одним пером красотоми речи, а бедняга прыгун только выстанывал:

– Ой, уйдите, оставьте, дайте спокойно умереть...

Как мог Славка Цветаев так ошибиться? А видели бы вы, с кем он Ленку спутал! Бертина Максимилиановна, даром что одесситка, плавала плохо, но плавать любила. Славка ее появления на соседних дорожках с лягушатником не заметил.

БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Накануне контрольной по географии Ленка загостилась у Ахмедзяновых. Сначала они до одури готовились, потом непринужденно устроились на полу и перебирали увесистую пачку старых, еще со времен Дома детского творчества, Эльмиркиных рисунков. Ленка надолго замерла над одним из них.

Цветными карандашами в технике короткого, искрящего штриха юная художница изобразила окно в своей комнате с распахнутой створкой прямо в звенящий летней зеленью двор. Солнечные блики от стекла играли на потолке, и взлетал, раздуваемый ветром, легкий тюль. На столе у окна – лист бумаги и рассыпанные цветные карандаши. Да еще алый, как цветок мака, мяч на полу. То ли младшая Элькина сестренка забросила его в комнату, чтобы привлечь к себе внимание, то ли он сам влетел в распахнутую створку, и именно потому вспорхнул край легкой, как паутинка, занавески.

Но тогда внимание художницы хотел привлечь кто-то еще? И находился этот кто-то за пределами интерьера, под заветным окном?

– Ты вообще хоть понимаешь, Элька, что ты просто-напросто нормальный гений?

Эльмира в ответ своим неповторимым жестом прижала ладони к заалевшим щекам и с укоризной сказала:

– Ну что ты несешь?!

– Я бы, будь моя воля, заточила тебя в хрустальный дворец. Да тебя на улицу без охраны просто отпускать нельзя!

Эльмирка хохотала, запрокинув голову, и искрились от смеха ее темно-карие глаза характерного восточного разреза, как у пэри из сказок Шехерезады.

Девчонки долго сумерничали, болтая, и как-то не заметили, что младшая Элькина сестренка давно уже не егозит под руками, а спит на коврикке крепким сном, уткнувшись носом в пушистого розового зайца.

Тихонько прошла в комнату мама девочек, с заметным усилием подняла с пола младшую дочку, и сонная малышка обхватила шею матери тоненькими ручонками. Мать нежно поцеловала младшенькую в пушистую макушку и шепотом сказала Ленке:

– Я позвонила твоим родителям, предупредила, что заночуешь у нас. Фирузку заберу в нашу комнату, располагайтесь.

* * *

Утром девчонки стремглав летели на остановку автобуса.. Полупустой автобус затормозил прямо перед ними. В школу примчались уже под трель звонка. Лемешева летела впереди, изредка оглядываясь и поторапливая:

– Быстрее, опоздаем! Ираида, наверное, уже в классе.

Ленка бестрепетной рукой распахнула дверь. Класс встал, приветствуя Ираиду, которая почему-то опаздывала.

– Нет! Это не она.

– Лемешева? Вот напугала! Я еще не все шпаргалки распихала! – вскрикнула Надя Зубова. – Она далеко?

– Еще за шеломянем еси, – пошутила Ленка, чтобы разрядить напряжение.

* * *

Но контрольной по географии в этот день ребята так и не дождались. Не дождались они ее и до конца учебного года. Кто-то другой, скорее всего, Руфина Тимофеевна, выставила им годовые оценки, подсчитав средний балл.

В тот день класс звезд и жемчужин дождался только изводящего душу сигнала подъехавшей скорой помощи. Тридцатилетнюю Ираиду увезли из школы с инфарктом.

За несколько минут до урока в учительской зазвонил телефон, Ираида подняла трубку, выслушала короткое сообщение и упала со всего роста возле стола. Кто-то из коллег, бросившихся к ней, успел услышать.

– Полетаев... Ромка... Боже мой!

Скорая, истошно завывая сиреной, унеслась от школьных ворот, Ленкины одноклассники, в полном неведении, оставались на местах, озадаченно шурша своими шпаргалками.

А на другом конце города после короткого телефонного сообщения еще одна женщина сжимала в руках черную телефонную трубку, принесшую ей, матери, нестерпимую, запредельную, неутолимую боль.

– Ромка... Ромка... Ромк-а-а-а!!!

Как это можно пережить, как! Человечество за все тысячелетия своего существования на земле так и не нашло панацеи от нестерпимого горя матери, бесчеловечного, чудовишного, неизбывного. Нет спасения от этой боли, нет таких чудодейственных средств, которые могли бы ее хоть на короткое мгновение смягчить. Если бы только убийцы сами могли ощутить эту боль в наказание! Нет и в аду таких мук! И никогда не будет убийцам достойного воздаяния.

Минут за десять до звонка в класс к ребятам пришел Семен Ефимович, и дети его не узнали. Он сел за стол и, как утопающий хватается за обломки корабля, обхватил его трясущимися руками. Ребята смолкли.

– Семен Ефимович? – закричала Ленка. – Вам воды принести?

– Сядьте все... – еле выговорил историк. – Не надо ничего, Лемешева, сядь, пожалуйста.

Ленка выполнила его распоряжение и с ужасом увидела, как по лицу историка сплошным потоком бегут из-под опущенных век прозрачные капли.

– Я ему говорил, – начал историк, подавляя рыдания, – я предупреждал. Я умолял его не вестись на подлые посулы этого проклятого мента! Он мне ответил: «Семен Ефимович, я умный, не попадусь».

Сдавленно ахнул на своей первой парте Серега Неверов, он один все понял сразу, пока остальные недоумевали.

– Ромка? – вскрикнул Серега.

Историк открыл глаза.

– Ты тоже умный, Неверов? Еще один умник, а! Говори, пока цел. Ты – тоже?

– Нет, Семен Ефимович! – покачал головой Серега. – Нет, я в эти игры не играю.

– Игры?! – зарычал историк так, что дети пригнулись к партам. – Димка Теотокас его после этих игр в морге опознать не смог! Пока шрам на лодыжке не показали! Вы хоть представляете, как именно эти твари чинят расправу над бойцами невидимого фронта? Над мальчишками, которых подлые нелюди в погонах подначивают на подвиги! Звездочки себе зарабатывают. А папан один у матери. Семнадцать лет.

Учитель встал и пошел к двери, ссутулившийся, усталый, измученный жизнью человек. Этот день надолго забрал у детей их любимого Семена Ефимовича, балагура, остро слова, добродушного одессита, которому все и всегда бывали рады. У самой двери он пошатнулся и ухватился заметно трясушейся рукой за косяк. Дети подскочили, кто-то опрокинул стул. Семен Ефимович обернулся на шум и погрозил им кулаком:

– Чтоб ни один! Никогда! Не при каких обстоятельствах, босота! Кто бы вас ни сманивал и что бы ни сулил! И никаких больше бойцов невидимого фронта!

ПЬЕТА

Директор мрачно рассматривал сидевшую перед ним преподавательницу химии и биологии Надежду Петровну Кондратьеву, Заслуженного учителя Якутской АССР, члена КПСС, парторга школы.

– От кого вы узнали криминальные обстоятельства гибели Полетаева?

– Так прозектор рассказал.

– Почему он вам рассказал?

– Так не мне... следователю... я за дверями сидела.

– За какими дверями?

– Так в милиции.

– Что вы там делали?

– Так... заявление носила... на соседку. Ее сожитель...

– Ясно, – прервал директор утробное озадаченное бормотанье собеседницы. – Вы были в участке, случайно услышали сведения, которые для ваших ушей не предназначались, поняли, что речь идет о Полетаеве.

– А я про что! – вновь заблестели серенькие простоплетные глазенки, и химичка, облизнув губы, принялась упоенно вспоминать:

– Главное дело, слышу: Полетаев, Полетаев! Фамилие знакомое... А тут оне и говорить... художник... Ну, я привстала и слушаю... А оне...

– Я в курсе, Надежда Петровна. Можете не повторять... Почему вы сочли для себя необходимым сообщить все эти подробности Ираиде Фридриховне.

– Так это, она же сама трубку взяла... Кто ей опосля виноват?

– Кому вы еще это сообщили?

– Так этому, как его... Ефиму, что ль?

– Семену Ефимовичу?

– Так да, он потом трубку взял... Только закричал так это...

– Детям тоже рассказывали?

– Да нет, не было у меня уроков в тот день... Я потому и позвонила из автомата...

Директор закрыл глаза и подумал, как эта особа до преклонных лет умудрилась дожить и почему ее еще в колыбели не придушили! Позвонила из автомата... Калашникова...

– А оне еще и говорить, одноклассник его опознать не мог сразу... Потом по шраму опознал... Вот ведь оно как! Матери-то горе-е-е!

– Вы и матери Полетаева позвонили?

– Нету-у-у... Я же не классный их руководитель... у меня ее телефона не было...

– А то бы и ей позвонили... А почему вы на следующий день не расписали детям в кра-сках, как именно погиб их товарищ? – с трудом сдерживая волну гнева, спросил директор.

- Это... так забилитенила я... Почечуй у меня...
- Ясно! Я должен вас предупредить, если вы не поняли. Вы разглашали тайну следствия. По таксофону. Мне позвонили из комитета.
- Из... эта... какого кабинета Ахмет... Магомет... Рагимыч... Никак не могу запомнить ваше фамилие.
- Из комитета госбезопасности!
- Ой-йей!!! А как же они прознали, что я это я!
- Вот уж не могу вам сказать, это вы у них сами спросите, если будете еще кому-нибудь разглашать тайну следствия. Пока они вас предупредили.
- И чево теперя?
- А тово теперя, – пояснил директор, из последних сил сдерживая слепящую ярость, – что по ходатайству первого секретаря горкома вас переводят преподавать химию в вечернюю школу при колонии строгого режима.
- Это к-у-уда? Ехать-то на уроки я как буду-то?
- Вас туда будут доставлять спецтранспортом. То есть служебным автобусом, хотел сказать.
- А как же?
- Документы я подготовил, из расписания вас вычеркнул. Лаборантка ваши вещи все собрала, вон они у порога. Такси я заказал за свой счет. Вас доставят домой, или куда скажете.
- А как же... мои ученики здесь...
- Здесь нет ваших учеников! – рявкнул директор. – Халима! Помоги Надежде Петровне покинуть мой кабинет.
- Химозу как ветром сдуло вместе с ее почечуем. Потом он долго пытался взять себя в руки и вернуть привычный ритм дыханию. Наконец, директор задышал ровно и принялся визировать накопившиеся бумаги.
- Что, правда, что ли, из КГБ вам звонили?
- Халима! Ты в уме?! Вот будто Конторе есть дело до этой колоды! Иди, не мешай мне работать.
- Сейчас, только ответьте сначала, первый секретарь точно за нее ходатайствовал?
- Нет, просто сказал, что знает, куда ее пристроить, а уволить ее мне формально не за что. Профсоюз не позволит.
- Бедные ЗК.
- Ее не хочешь пожалеть?
- Нет, что-то не очень... А вот что бы я хотела, так это посмотреть, как она *им* свою сагу о влюбленном гермафродите поведает.
- Что?!
- Видели бы вы, что с Ленкой Лемешевой это бессмертное сказание сделало. Хохотала до икоты. Химичка орет на нее, дескать, не срывай мне урок! Ты людям мешаешь! А вдруг кто-то из них гермафродит и стесняется признаться! А просто надо сходить к хирургу...
- Прекрати, Халима, пока жива!!!
- Я вам еще и десятой доли не рассказала... Вам Берзия сто лет назад уже сказала, где место этому пугалу.
- Уйди, скройся с глаз, пока не убил!!!

* * *

Димка пришел в школу с опозданием. Нарочно опоздал. Стоял в закуточке у скульптурной мастерской, смолит сигареты, прикуривая одну от другой, и не чувствовал ни запаха дыма, ни вкуса табака, просто стоял и ждал, когда звонок разгонит по классам детвору и можно будет пройти к Рахиму, чтобы забрать документы. Он собирался забрать документы из школы, в стенах которой провел почти семь счастливейших лет, за неделю до конца учебного года. Отличник, предполагаемый медалист, и дипломная работа почти завершена... Какое это теперь могло иметь значение!

Врач в поликлинике посоветовал ему взять академический отпуск на год. Можно подумать, за год он это забудет... Никогда не забыть, не изгладить из памяти, как он, шая Ромкину маму, не подпускал ее к городским моргам. Сколько их, оказывается, в городе! Сначала ему показывали только одежду. Ни в одном из городских моргов ни Ромкиной ковбойки, ни джинсов не обнаружилось. Тогда они еще надеялись...

А когда Димка уже один отправился искать друга по областным и районным центрам, там с ним не церемонились, посылали прямо по адресу! «Никаких подростков не поступало, проваливай!»

Он каждый раз уходил с робкой надеждой...

Это желтое здание в углу заросшего абрикосовыми деревьями больничного сада, откуда его не прогнали, он будет помнить до конца своих дней. Хмурый санитар выслушал, спросил, исполнилось ли ему уже восемнадцать, и провел... Прямо туда, в Дантов ад... Мимо Ромки он прошел четыре раза... Говорил же, подросток, семнадцать лет... А этот кто-то несчастный, сплошь седой...

Димка отшвырнул окурок. Сигареты кончились, звонок кажется был...

– Пойдем-ка, парень, усто Халил тебя увидел, сказал, где ты сховался.

Большая, теплая ладонь опустилась на плечо Димки.

– Иван Северьянович, я за документами...

– Это ты потом, Рахим сейчас занят... Дубину эту стоеросовую увольняет... А ты пока у нас пересидишь, – почему-то виновато басил Иван Северьянович, уводя в сторону светло-серые глаза.

– У кого у вас? – изумился Димка.

– Пойдем, сам увидишь.

В будке киномеханика, пожалуй, единственном месте в школе, где Димка еще не был за семь лет учебы, за колченогим столиком, накрытом газетой, их ожидали еще два учителя-фронтвика – историк и математик. На столике стояла едва початая бутылка водки, пять стаканов, в один из которых, накрытый куском хлеба, до половины была налита прозрачная жидкость. Димку шатнуло. Иван Северьянович, тот самый участник штурма Берлина и Герой Советского Союза, приобнял его и сказал:

– Вот так вот, парень... Так оно как-то... Садись за стол, короче...

Димка встретился взглядом с синеглазым математиком, и тот ему кивнул. Димка опустился на табуретку, заляпанную засохшей масляной краской, и заглянул в лицо незнаемому историку.

– Наливай, Сема, – скомандовал Иван Северьянович. – Ты у нас самый молодой... Ах, да... Теперь не ты... Ладно, сам тогда налью.

Он разлил всю водку по стаканам. Димка поднял свой одновременно со своими учителями и так же, как они, одним глотком выпил, не ощутив ничего. Как воду.

– А челюсть-то этому гнивому околотошному я, братцы, намедни снес, – мрачно признался Иван Северьянович. – Лежит это он в уголку, ножонками перебирает, мычит чтой-то... А остальные у меня на локтях повисли и верешат... Не стал я разбираться, стряхнул их этак... И пошел себе. Слышу только, полкан из ГБ околотошному орет:

– Я б тебе добавил!

– Полкан из ГБ? – переспросил математик.

– Так по этому делу группу важняков из Москвы прислали. Они как раз эту гниду и потрошили, когда я заглянул к нему... Не пускали было...

– Недаром тебя Илонка очарованным странником окрестила... – слегка покривил губы в короткой усмешке незнаемый Семен Ефимович.

– Это только потому, что я его полный тезка...

– Ты его полное поглощение, Ваня, не спорь с профессионалами, – вздохнул математик.

– Мне вы тоже его всегда напоминаете, – вырвалось у Димки.

Учителя внимательно посмотрели на Димку, и по выражению лиц строгих наставников он внезапно осознал, что принят в их круг как равный.

– Я за документами вообще-то. Все вдруг забыл, чему учили, не хочу позориться на экзаменах.

– Дима, мы тебе уже аттестат заполнили, по текущим оценкам вывели итоговые, – сказал математик. – Можешь хоть завтра забирать. А пока съешь что-нибудь да приляг на диванчик под окно, пусть ветерком тебя обвеет.

– А как же экзамены? – изумился Димка.

– О чем ты вообще, боец! – досадливо поморщился историк. – Какие еще экзамены! Никогда себе не прошу, что это ты его искал, а не я...

– Вы же не знали!

– Должен был знать...

ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ И ТИХИЕ ДОЛИНЫ...

Ленка проснулась в полной уверенности, что мама на кухне спозаранку жарит картошку. Но она совершенно не ощущала никакого запаха жареной картошки или жареного лука, более того, готовкой не пахло вовсе.

А пахло терпким ароматом сухих дубовых листьев, свежей прохладной зеленью, мокрым брезентом, и откуда-то издали доносился нежный, кружащий голову аромат цветущего боярышника. Этот аромат ни с чем не спутаешь! Ленка была уверена, что никакому, даже самому талантливому парфюмеру не удастся воссоздать этот волшебный запах счастья и мечты!

Ленка повернулась на другой бок, приоткрыла глаза и... мигом подскочила, усевшись в постели. Неужели что-то не так с мозгами? Вместо ее любимого ковра с неповторимым растительным орнаментом, выполненным с ювелирной виртуозностью в технике тонкого плетения, у нее перед глазами провисал мокрый грубый брезент. Это что?!!

Ой, да это же палатка в их лагере на этюдной практике в горах, а не ее комната! И все в порядке с обонянием! А вот что со слухом?

Да ведь это же дождь!!!

«Дождь...» – осознала осчастливленная открытием Ленка. Она до беспамьятства любила всякие атмосферные осадки: дождь, снег, иней, туман... Если вообще туман к ним относится...

И это не какая-то там прозаическая картошка жарилась на сковородке, а веселил-подбадривал, будил дремлющую листву задорный летний ливень!

Дождь, вероятно, начался еще ночью, потому что в провисшем скосе палатки снаружи накопилась изрядная лужа. Ленка осторожно отстранилась, чтобы не задеть брезент головой, опустила с кровати босые ноги и внезапно вспомнила: да их же назначили дежурить!

– Марьям! Очнись немедленно! Мы дежурные! – завопила Ленка.

Ее соседка по палатке, сладко спавшая под дивные трели дождя, обнимая подушку, приоткрыла один глаз. Потом достала из-под подушки свои часы и сонным голосом ответила:

– Я сразу поняла, что ты чокнутая... Пять утра! Спи, девона!

– Ты сама это самое слово и есть! – вспыхнула Ленка. – Это пять вечера, а не пять утра! Ты забыла, бестолочь, как вчера уронила в речку свои часы? Нашла, в каком месте проверять, не перетерся ли ремешок, – на мостике. Уж кто из нас двоих девона, надо еще посмотреть.

Марьям осознала, что Лемешева права, и тоже подскочила в постели, боднув макушкой скос палатки над собой, который вскоре узнал о себе много интересного.

Марьям не стеснялась в выражениях... Ленка восхитилась:

– Леди не должны так выражаться ни при каких обстоятельствах!

– А я тебе не леди!!! – завопила разъяренная соседка по палатке.

Столь нежно любимые Ленкой осадки, как из опрокинутого ведра, обрушились на Марьям сквозь брезент.

– Я простая крестьянка и, если меня ни свет ни заря дикими воплями разбудили, да еще и водой окатили, выражаюсь как могу!

Ленка звонко расхохоталась и тут же получила бы подушкой, если бы вовремя не увернулась. Подушка смачно шмякнулась в провисший брезентовый скос, упала, и на Ленкину голову обрушился бодрящий душ!

Теперь уже обе девчонки хохотали, и только тихий дождь, заглянув в приоткрытые палатки, смог оценить это зрелище во всей его неповторимой прелести.

Но тут к девчонкам заглянула воспитательница и, заслоняясь от дождя розовым зонтиком, спросила.

– Уже проснулись, девочки?

– И даже умылись, Любовь Петровна, – отжимая свою смоляную косу, отозвалась Марьям.

– Вот и умнички, – похвалила девчонок наивная Любовь Петровна. – Вы на дежурство опаздываете, бегите скорее...

Ленка отжала свои простыни, развесила по спинкам кровати, скрутила матрас промокшей стороной наружу и торцом пристроила к одной из спинок.

– Вот что о нас люди подумают? – продолжала ворчать Марьям, повторяя Ленкины действия, только с запозданием на фазу.

– Пусть будет стыдно тому, кто о нас плохо подумает! – отозвалась Ленка, беспечно отмахиваясь от соседки.

Она накинула штормовку с капюшоном поверх промокшей ночнушки из тоненького ситчика и босиком выскочила наружу.

– Ты куда? Чокнутая! – возмутилась Марьям. – Люди же проснутся скоро!

– Я быстро! – откликнулась Ленка и действительно быстро провела снаружи кончиками пальцев по брезенту палатки вертикальные «канавки» от мест протечек вниз. Капель тотчас же прекратилась.

Ленка впорхнула в палатку, к ее босым загорелым ногам поналипла прошлогодняя листва.

– Надо же! Работает! – восхитилась Ленка. – Я у Джека Лондона про такое вычитала!

– Не сомневаюсь, начитанная ты наша! – отозвалась Марьям, уже менее непримиримо. – А грязи наташила! – кинув взгляд на Ленкины лодыжки, возмутилась Марьям.

Гибкая Ленка мигом обобрала промокшей ручонкой «грязь».

– Какая грязь? Это же опавшие дубовые листья. Такое чудо называешь грязью! Да это же природный асептик!

– Не забалтывай меня! Быстро переодевайся и бегом! Умида-опа нам по первое число вломит, если опоздаем!

– Не опоздаем! – отмахнулась Ленка беспечно. – Я короткую тропинку нашла! Ты ее тоже знаешь...

Девчонки выскочили из палатки под теплый июньский дождь и помчались... короткой Ленкиной тропинкой!

* * *

Юрка Веденеев неторопливо заканчивал свой завтрак, помешивая ложечкой какао, когда его отвлекло от этого занятия дивное виденье. Он уронил ложку и опрокинул стакан, но даже не обратил на это внимания.

– Я даже не представляю, в какой технике можно такое написать! – восхищенно протянул он. – А, Кама, что скажешь?

Камал машинально оглянулся, вздрогнул и захохотал. Немногие за завтраком, к счастью для Ленки и Марьям, бросили взгляд на нечто, поразившее невозмутимого Веденева.

– Короткая тропинка! – зашипела на Ленку Марьям. – Вот она твоя короткая тропинка! У них сейчас колесики начнут! Тебе не привыкать, а мне такой славы не нужно даром!

– Ну не учла немножко, – виновато поежилась Ленка. – Вчера бы посуху мигом домчали!

Посуху почти отвесная тропинка, пробитая неизвестно кем в лесовом склоне, действительно намного сокращала путь от палаток к «столовой» – длинному навесу, крытому шифером. Да вот только ливень превратил ее в сломную трассу. Размокший лесс плыл под ногами, а крутой склон добавлял свои радости.

В столовую заглянул физрук-практикант, которому еще предстояло учиться и учиться. Заглянул, внимательно осмотрел девчонок – в глине и сухих листьях с ног до головы, мрачно покачал головой и резюмировал:

– Уж какие там феи-крестные вам обеим ворожили, золушки, я не представляю, но то, что вы после этого спуска живы остались и даже ног не переломали, чистое, как слеза младенца, чудо! Ни в коем случае в ливень по лессовому склону спускаться нельзя! А раз вы такие спортивные, будете разминку проводить у кишат по утрам вместо меня! Я завтра на сборы уезжаю.

* * *

День дежурства у девчонок выдался насыщенным. После ужина, когда вся практика предалась развлечениям и устроила перед столовой дискотеку, девчонкам было уже не до танцев. Они дружно клевали носами, устроившись на лавочке под чинарами напротив кухни.

– Умотались, двужильные мои? – спросила повариха. – Ладно, с завтрашнего дня дежурить будете парами, девочки с мальчиками.

– Только не с Рахматуллаевым! – выкрикнули обе одновременно и насмешили повариху до слез.

– Ой, не могу! Чем же он вас так допек?

Девчонки переглянулись и не смогли ответить на этот вопрос даже себе. А действительно, чем?

– Ладно, выбирайте себе пару сами, остальных сама расставлю.

– Тогда я с Азаровым! – заявила Марьям.

– Ну, ладно, – смирилась Ленка, она тоже выбрала бы Лешку, если бы успела.

– А тебе кого? – спросила Ленку Умида.

– Да все равно, только не Цветаева, мы с ним уже достаточно в этом году народ повеселили.

– Ладно, раз тебе все равно, жаворонок мой, будешь дежурить с Рустамом.

– А кто это?

– Комсорг школы, Лемешева! – возмутилась Марьям. – Его все знают!

– Ладно, покажешь мне его, может и вспомню...

В следующее дежурство Ленке даже прикоснуться ни к чему не дали. Рустам с невиданной сноровкой и проворством делал все сам, ей же оставалось только развлекать его и Умиду байками, которых она знала великое множество. Ленка с благодарностью осознала, какой подарок приготовила к ее дежурству Умида.

Девчонки по-английски, не прощаясь, удалились с дискотеки. Полусонные, поплелись к заветной дубраве. У развилки тропинок, ведущих наверх, обе, как по команде, притормозили.

– Что думаешь? – выписывая носком босоножки в пыли дугу, спросила Лемешева.

– Он запрещал только в ливень и на спуске... – отозвалась Марьям.

Девчонки полезли вверх короткой тропинкой, подсохшей за долгий солнечный день. Тропинка местами соединяла извивы более пологой и безопасной дорожки, петлявшей по склону серпантином. А склон был довольно крутой, и сорваться с него было просто раз плюнуть. Особенно в босоножках. Утром девчонки догадались разуться и спускались босиком. Не то бы точно ноги переломали.

Уставшие, девчонки карабкались по склону молча, экономя дыхание. На пересечениях тропинки с серпантином несколько раз останавливались, чтобы отдышаться. Если бы физрук засек их во время такого передыха, им бы все сошло с рук.

Но он сам спускался от верхнего лагеря по крутой тропинке. Спускался,

перепрыгивая с края на край и в хорошем темпе, не задерживаясь на серпантинах для отдыха. Незаурядная реакция спасла его от столкновения с Лемешевой, штурмующей вершину в босоножках!

– Я вам обеим запретил ходить этой тропинкой! Да еще на каблуках!

– Да какие там каблуки! – пожалала плечиками Ленка и едва не потеряла равновесие на крутом склоне.

Эльмир Мурадович свирепо уставился на упертых скалолазов, которые явно ни в грош не ставили ни его слова, ни его авторитет педагога. Потом принялся аргументированно излагать, почему нельзя пользоваться этой тропинкой. Скалолазки демонстрировали раскаяние под его свирепым взглядом и пропускали мимо ушей аргументы.

– Еще раз повторяю для тупоухих...

– Рация работает на танке! – закончила цитату Ленка, не моргнув глазом, и обрушила на свою голову целую лавину.

Физрук гнал хохочущих девчонок по серпантинам, петляющим по склону, до самого палаточного лагеря и не умолкал ни на секунду. Они много нового узнали не только о себе, но и том, что бы с ними сделали в любом альплагере за такие выходки. Они услышали, но не осознали, что такие-сякие поскакушки вроде них до конца дней скачут уже в инвалидных колясках.

– Чтоб завтра без никаких! – завершил познавательную лекцию физрук своей любимой загадочной фразой, и девчонки забились в палатку.

Когда они улеглись на прохладные простыни в своих кроватях, закатное солнце все еще освещало господствующий над отрогами снежник. Краски заката, как на экране, сменяли последовательно теплые оттенки оранжевого и золотистого, красного и розового на лиловые, сиреневые, нежно фиолетовые. Теплая гамма сменялась холодной.

Умученные дежурством и выволочкой физрука, девчонки заснули, едва последний закатный луч соскользнул с вершины снежника.

Они не слышали, как возвращалась с дискотеки практика, не слышали смеха Подберезкиной с ее финальным кукольным «ой». Не слышали, как разливался соловьем и гусарил Славка Цветаев, увиваясь за Нинкой, как возвращались из летнего кинотеатра десятиклассники, насмешливо иронизируя над слезомойными сюжетными вывертами индийского фильма, как воспитательница Любовь Петровна, заглядывая с фонариком в палатки, просила веселых практикантов наконец угомониться. Но пришла ночь и наступила тишина. Короткая июньская ночь, только шесть часов...

* * *

Ленка проснулась незадолго до рассвета. В треугольном проеме палатки в безлунном сумраке стремительными промельками носились светлячки. Нежно благоухал цветущий боярышник, и к его сладковатому запаху примешивался еще и тонкий ментоловый аромат тимьяна.

Ленка прислушалась. В полном безветрии тишина в спящей дубраве была бы абсолютной, но склоны гор отражали и множили отражениями плеск воды в реке, стремительно несущейся по камням на дне ущелья. Может, ее разбудил этот грохот реки по камням? «Сладострастная отравка, золотая Бричмулла...» Но почему тогда льются неудержимо теплые слезы? Теплые и соленые, горючие слезы... Почему?

* * *

Он сказал ей всего-то пару фраз в ту первую их встречу и еще пару во вторую и последнюю. Беззлобно обозвал матрешкой, посоветовал спрятать композицию. Потом принес приглянувшийся ему лист формата А-3 из фонда и пожаловал еще раз.

Если бы она знала тогда, если бы только могла знать, к какому шагу он себя готовил... Она бы мигом объяснила ему, что выжить между молотом и наковальней шансов нет. Ни у кого. «Либо с одной стороны, либо с другой!» – так сказал им в тот

черный день историк. Из всего класса поняли его фразу только трое. Серега Неверов, Камал и она...

– Не спишь, Лемешева?

– Не-а-а...

Ленка вытерла слезы, уповая на то, что в полной предрассветной тьме ее соседка по палатке ничего не заметит. Ну а плакать без звука она давным-давно уже приучилась...

– Он не мог по-другому, – внезапно сказала Марьям. – Просто не мог...

– Ты... о ком?

– Ты знаешь, – строго прикрикнула Марьям, – не притворяйся!

– Не буду, – вздохнула Ленка.

– Понимаешь, мы же в школе день и ночь. А рядом полно шпаны... И кишата, они ведь такие бестолковые! Повалились таскать конфеты из магазина. Какой только идиот устроил этот магазин самообслуживания прямо перед школой?!

Марьям помолчала, видимо, тоже перебарывая рыдания. Ленка не торопила ее. Раз уж Кадырова решилась высказаться – скажет все, что собиралась. А что не собиралась, из нее все равно клешами не вытянешь.

– Сначала кишат засекли они, эти... ну, ты понимаешь. Потом уже участковый. Когда кишата таскали уже не карамельки в карманах, а... в общем, то, на что им эти упыри укажут. Ромка случайно оказался там, просек, в чем дело, и ввязался. Он не мог иначе. И ты бы не смогла... У этих гадов целая отлаженная система. Паутина как бы... А в центре главная тварь – дергает за веревочки кого покрупнее, те свои звенья заводят и дергают уже их... Ну, а бестолковые кишата как планктон в этой пищевой цепи.

– Тебя явно не Надежда Петровна биологии обучала, – смягчила Ленка шуткой нарастающий драматизм повести Марьям.

– Я в юннатский кружок два лета ходила...

– Да я пошутила.

– Знаю... – Марьям помолчала, а потом продолжила: – Участковый повалился ходить к нам в интернат. Агентуру вербовал. Правда, Семен Ефимович его мигом выставил, когда узнал, зачем он таскался. И Ромке тогда же мозги прополоскал, но, как видно, тот уже увяз.

Не захотел мент с ним по-хорошему расстаться. Оставить в покое его не захотел. Стал домой навещаться. Пантюша, Ромкина соседка, рассказывала. Каждый день таскался... Добился своего. Ромка влез в эту паутину, чтобы всех разоблачить и сделать улицы любимого города чище... Теперь любимый город может спать спокойно...

– Их, ну этих, кто Ромку... поймали?

– Еще прежде, чем его Димка нашел. Сами повалили с чистосердечным напергонки. То-то чертов мент радовался... Матери только забыл сказать, что живым она сына уже не найдет, что Ромка сделал свое дело и МВД в его услугах больше не нуждается...

Пока Ангелина Викторовна Ромку по больницам и госпиталям искала, он уже давно в морге в Янгиюле лежал. Никем не опознанный. Так бы и похоронили как неопознанного, если бы Димка Теотокас его не нашел. Только они вдвоем его и искали. Мама и друг... А того упыря, который шпану кровью повязал... Ромкиной кровью... ребята из внутренних войск брали. Ну и... не взяли живьем, короче...

Так что не грузи себя, Лемешева, ничего бы ты не сделала, даже если бы знала. Ромка по-иному не мог. И я бы не смогла...

Ленка тоже больше не могла точить слезы молча. Она уткнулась в подушку и изо всех сил старалась заглушить так свои сдавленные рыдания. Марьям, конечно, все слышала, спасибо, хоть в соседних палатках рыдания заглушала спасительница-река.

Продолжение следует...

Сергей ШМАКОВ

СТРАСТИ АЛЕШИ

Рассказ

Девятилетний Алеша сидел на кровати, на которой умирала его бабушка.

Она не вставала уже несколько дней. Только ее добрый взгляд, последний луч уходящей жизни, еще скользил по детскому лицу, по которому скатывались слезинки. С тех пор как она перестала двигаться и говорить, Алеша будто погрузился в гипноз: никаких признаков интереса к жизни, лишь молчаливое и унылое существование рядом с родителями. Пропал аппетит. Школа, друзья ушли на второй план. Никаких желаний, кроме одного – лишь бы поправилась бабушка. Да и как можно было хотеть чего-то другого, когда все самое лучшее и волшебное в его жизни вот-вот могло исчезнуть навсегда и оставить его наедине с его страхами. Кто еще, если не она, будет дарить ему радость существования и ощущение нужности? Родители, которые всегда на работе, всегда уставшие и чем-то встревоженные, всегда занятые своими делами, неспособные от них оторваться, чтобы уделить ему внимание и подарить чуточку сопричастности к их жизни?

Алеша нежно поглаживал неподвижную морщинистую руку бабушки в надежде, что она ответит ему взаимностью, пошевелит хотя бы пальчиком. Бабушка спала каким-то потусторонним возвышенным сном и будто вела немой разговор с кем-то не поддающимся описанию. Прошло три часа, а Алеша все сидел подле нее и ждал, когда она откроет глаза.

Дверной звонок вырвал детский разум из тягостного оцепенения и заставил пошевелиться. Алеша посмотрел на часы, показывающие два часа дня, но не встал. Звонок прозвучал еще раз. Алеша поднялся и медленно направился к входу: он знал, что гость не уйдет, и потому не торопился.

На пороге появилась семидесятилетняя Вера Григорьевна, подруга и ровесница бабушки. Она обняла мальчика. Прижавшись к ней, Алеша случайно заметил три зеленоватых тоненьких свечки, выглядывавших из ее маленькой сумки. Это были необычные свечки. «Зачем кому-то понадобилось делать такие непрактичные свечи, которые быстро сгорают, – подумал он. – Разве они делаются не с той целью, чтобы гореть как можно дольше?» Все свечи, которые Алеша видел до этого, были другими: толстыми, и их хватало надолго.

Сергей ШМАКОВ. Родился в 1976 г. в г. Березники Пермской области. Окончил Уральскую государственную юридическую академию. Автор ряда эссе в периодической печати.

А эти казались какими-то уродливыми, в них не было и намека на полезность, словно они были сделаны только для того, чтобы сгореть.

– Что это у вас? – Алеша взглядом указал на свечи.

– Это? Это свечи, – ответила Вера Григорьевна, не сообразив, почему мальчик интересуется.

– А почему они такие?

– Какие такие?

– Странные.

– А-а, – догадалась гостья. – Это потому, что они церковные.

– Церковные?

– Да, Алешенька, церковные. Их зажигают для Бога, чтобы Он помогал людям.

– Помогал в чем? – спросил Алеша после недолгого раздумья.

Вера Григорьевна задумалась над тем, как ответить мальчику так, чтобы он понял.

– В познании Бога, в поиске счастья, в делах... в здоровье.

Последнее слово пробудило мальчика, и он, с надеждой посмотрев в глаза Вере Григорьевне, переспросил:

– В здоровье?

– Да, Алешенька, в здоровье.

– А бабушкиному здоровью они помогут?

– Не знаю, – тяжело вздохнув, ответила Вера Григорьевна.

Спустя некоторое время они сидели на кухне и пили чай. Вера Григорьевна открывала Алеше азы Православия.

– Сегодня Великий четверг. В храме будет проходить вечернее богослужение. По традиции люди приносят из церкви огонь. Считается, что он очищает жилище от скверны и дает благополучие.

– И здоровье? – в Алеше снова заискрилась надежда.

– И здоровье, милый мой... и здоровье.

– А как они приносят огонь?

– В специальных фонариках. Это такие баночки из красного стекла с крышкой. В крышке есть отверстия, чтобы огонек не задохнулся.

– А сколько они стоят?

– Рублей 100–150.

Когда Вера Григорьевна ушла, так и не дождавшись пробуждения своей подруги, Алеша, заторопившись, чтобы не опоздать, стал собираться в церковь, до которой было полчаса ходьбы быстрым шагом. Он достал из копилки 200 рублей, оделся, поцеловал бабушку. О его плане знал только он один.

Улица встретила его порывистым весенним ветром, а церковь – пятичасовым колокольным звоном, незнакомым для Алешиного слуха. Он с интересом и впервые в жизни наблюдал другую, неведомую ему сторону человеческого бытия: к церкви подходили люди и, прежде чем войти в нее, осеняли себя крестным знаменем и кланялись. Озираясь по сторонам, он поднялся по ступенькам, с трудом открыл большую тяжелую дверь и вошел внутрь. Действия его были неуверенными и осторожными.

В храме попеременно с незнакомыми ему запахами пахло страхом. Люди передвигались осторожно, словно боялись привлечь к себе внимание, говорили очень тихо. Увидев очередь, собравшуюся возле церковной лавки, он подошел к ней и стал искать глазами фонарик.

– Мне нужен фонарик, – сказал он немолодой женщине в платке, когда подошла его очередь, и протянул две сторублевые купюры.

Женщина с умилением улыбнулась, взяла деньги, подала фонарик и жестом указала на его шапку. Алеша снял ее. Улыбка женщины принесла ему некоторое облегчение. Фонарик действительно, как и говорила Вера Григорьевна, был сделан из красного стекла и был очень красивым. Алеша отошел в сторону и залюбовался им. По виду он был похож на пузатую баночку, закрытую металлической крышечкой с боковыми отверстиями. Внутри фонарика находилась свеча – белая, толстая, такая, которая не сгорит до самого дома. Исследовав волшебный предмет, он стал вопросительно озираться в надежде узнать, куда теперь следовало идти, и заметил, что все поднимаются на второй этаж. Он последовал их примеру.

Наверху ему открылся просторный зал с обилием золотых предметов, отчего окружающая обстановка показалась Алеше волшебной. Он словно попал в сказку, в которой вот-вот должно было произойти чудо. Обратив внимание на то, что люди собираются в конце зала, там, где пол образует подобие сцены, он тоже направился туда и встал в первом ряду, чтобы видеть происходящее. От волнения он крепко сжимал фонарик и нервно потирал его. Откуда-то сверху доносился колокольный звон. Как только он занял удобную для обзора позицию, робкий мужской голос из-за каменной перегородки начал говорить незнакомые ему молитвенные слова. Слушая их, Алеша способен был только понять, что владелец голоса что-то у кого-то просит и в то же время очень боится, что может остаться без того, о чем просит.

Потом началось полное таинственности действие. Пение хора, от которого у Алеши по коже бегали мурашки, он испытывал страх, смешанный с любопытством. Волшебники в необычных расписных одеждах, похожих на мантии. Они торжественно появлялись на сцене из другого зала, в центре которого возвышалось что-то очень важное для них, настолько важное, что их лица, хоть и деловитые, выражали трепет. Потом они удалялись. Огонь, несущий надежду, тот самый огонь, за которым Алеша пришел и который должен был подарить бабушке чудесное исцеление. Один из волшебников зажег большую свечу и поднес ее к прихожанам, те зажигали от нее свои свечки и поворачивались к стоявшим позади, чтобы и они тоже могли получить огонь. Алеша тоже участвовал в передаче огня, делая это очень старательно. Свечи зажигались и вновь тушились, все сопровождалось скорбным пением непонятных песен. Когда Алеша в третий раз потушил свечу, подув на нее, стоявшая рядом бабушка подала ему маленький кусочек тряпочки.

– Дуть не надо, милый мой, – сказала она заботливо. – Если каждый будет дуть, мы здесь угорим от дыма. Ты лучше тряпочкой огонек гаси, чтобы дымка не было.

Алеша благодарно принял тряпочку и далее все делал по ее совету.

За окном стемнело и в церкви тоже стало темно, особенно, когда все гасили свои свечи. Но темнота была для Алеши не страшной, напротив, она казалась ему успокаивающей, он с трепетом взирал на обряд, чувствуя себя частичкой происходящего.

Фонарик был зажжен в последний раз. Алеша понял это, когда увидел, что люди начали расходиться. Он тоже направился к выходу. На улице он понял, что из-за ветра не так-то просто будет донести огонь до дома. Баночка нагрелась, поэтому держать ее обеими руками так, чтобы закрыть отверстия

крышки от ветра, было невозможно – она обжигала. Тогда Алеша прижал фонарик к животу, держа его одной рукой за негорячее дно, а другой закрывая от ветра. Так он шел почти всю дорогу, не сводя глаз с фонарика и лишь изредка поглядывая вперед, чтобы не сбиться с пути. В одном месте возникла дилемма: идти короткой дорогой через темный парк или длинной – по освещенному тротуару. Он выбрал первый вариант: нужно было спешить, ветер мог задуть огонь в любой момент. К тому же в парке ветер был слабее благодаря деревьям.

До подъезда его дома Алеше оставалось около пятидесяти метров, когда подлый ветер, подстерегавший его за углом, выскочил внезапным толчком и затушил огонь. Алеша беззвучно заплакал – только присутствие прохожих не позволяло дать волю эмоциям. Ему потребовалось около пяти минут, чтобы успокоиться и взять себя в руки, но чувство досады не покидало его, жгло злостью и обидой. Если бы кто-то из торопливо проходивших мимо прохожих был более внимательным, он увидел бы ребенка, который одиноко стоит на углу одного из домов и едва заметно сам себе на что-то жалуется.

Что делать? Пойти домой? Смириться? Принять случившееся как неизбежность, признать свою слабость, успокоиться, уткнуться в своей комнате в подушку и тихо плакать от безысходности? Или попробовать еще раз? Алеша взглянул на окна своей квартиры. В них горел свет и манил к себе уютom домашнего тепла. Он представил бабушку, безмолвно ждущую спасительный огонь, представил, как он приносит его домой, как бабушка поправляется, как все радуются и благодарят его, гордятся им, как отец гордо жмет ему руку. Представил и пошел прочь от дома, в темноту безучастного вечернего города.

Церковь величественно возвышалась над городской суетой, и никто не видел, как по ее ступеням поднимается маленький мальчик. «Зачем?» – спросил бы случайный свидетель. «Не знаю...» – сказал бы ему другой. И оба никогда бы не узнали о жестокой войне в душе этого мальчика, войне между страхом и любовью, между правом считать себя слабым и долгом во имя любимого человека, битва за право называться Человеком. Не просто человеком – таких полно. Но человеком с большим сердцем. Он творил путь, по которому идут герои.

Алеша потянул за массивную дверную ручку. Дверь церкви не поддавалась, она была заперта. Не может быть, он просто слабо потянул, нужно попробовать еще. Нет, она действительно закрыта. Что делать? Алеша пошел вокруг церкви в надежде найти другой вход. Обнаружив две двери, одна из которых была черным ходом, а другая вела в подвал, он постучал в них. Ему никто не открыл. Тогда он вновь вернулся к главному входу и стал стучать – что-то подсказывало ему, что внутри кто-то есть. Прошло около десяти минут, прежде чем за дверью послышались звуки. Это были звуки надежды.

Алеша услышал звук отпирающегося засова и увидел в пространстве за открывшейся дверью лицо охранника, который настороженно уставился на него. Алеша смутился: он не ожидал увидеть то, что увидел; он думал, что дверь ему откроет один из волшебников.

– Тебе чего, малец? – спросил мужчина.

– Здравствуйте. Можно огня? – неуверенно сказал Алеша.

– Времени сколько знаешь?

– Нет, – Алеша заволновался. – Я уже был здесь... Просто у меня ветер фонарик задул.

Взгляд охранника подобрел, но не настолько, чтобы у Алеши появилась уверенность в том, что он ему поможет.

– Заходи.

Охранник впустил Алешу в храм и задвинул засов. Алеша вошел и остановился в ожидании указаний. Охранник жестом пригласил его идти за ним. Они поднялись наверх и подошли к изображению Христа, перед которым горела лампада. Охранник зажег от нее где-то взятую им свечу и протянул Алеше. Фонарик вновь засветился красным светом, а мальчик – радостью и надеждой.

– Спасибо, – светло улыбнулся Алеша.

– Это не мне спасибо. Ему, – указал на икону охранник.

Алеша взглянул на задумчивый, всепонимающий лик Христа и сделал головой благодарственный поклон. Он чувствовал, что должен сделать гораздо больше, но не знал как. Увидев смущение мальчика, охранник сказал:

– Пойдем.

Учтя предыдущий опыт, Алеша пошел самым, по его мнению, безопасным путем. Ветер в том месте, правда, тоже присутствовал (в тот вечер он был везде), но там его направление можно было предугадать, подготовиться к его нападению. Не готов был Алеша к другому: на неосвещенном участке дороги лежала старая, изрядно искрошившаяся бетонная плита, из которой торчал арматурный прут. Об него-то Алеша и запнулся, потеряв бдительность, которую отважно сохранял всю дорогу. В момент падения он испытал ужас.

Алеша лежал на животе и боялся подняться. Он боялся убедиться в том, что звук разбившегося стекла, который он услышал при падении, был звуком разбившегося фонарика. Надежда оставила его. Он медленно поднялся. Первое, из-за чего действительность придавила его тяжестью безысходности, было отсутствие огонька, второе, более страшное, – фонарик разбился. Он ошупывал холодный бетон, собирая осколки еще теплого стекла, из-за обильных слез, сделавших мир сплошным размытым пятном, не видя ничего вокруг.

Раздавленный осознанием того, что все потеряно, что только сегодня можно было что-то осуществить, он поднимался по ступеням подъезда, преодолевая одну лестничную площадку за другой. В его карманах лежали осколки баночки, осколки его надежды, придававшей на протяжении последних часов смысл его жизни. Теперь ее нет, она исчезла, оставив вместо себя черноту наступающей ночи, полной слез и отчаяния. Вместе с огнем фонарика погас свет его души.

Родители встретили Алешу тяжелым молчанием. Часы показывали половину одиннадцатого вечера, а взгляд отца – мрачное недовольство. Только сейчас Алеша в полной мере осознал всю трагедию своей жизни: он живет с людьми, для которых он – обуза, которые не любят его. И только в дальней комнате еще бьется (может быть, бьется) бабушкино сердце, любящее его и страдающее вместе с ним. Все это время он старался не думать о том, что ему нужно будет объясняться перед родителями, надеясь на благополучный исход, а теперь время пришло и нужно было что-то говорить. Зная, как родители относятся к религии, он понимал, что не сможет сказать им правду в первую очередь из-за неудачи. От этого становилось еще больнее.

Он стоял на пороге под суровым взглядом отца.

– Где ты был? – сухо спросил отец, в спокойствии которого таилась сдерживаемая злость.

Мать молча стояла позади мужа, всем своим видом показывая, что она полностью на его стороне.

– Я... гулял, – тихо ответил Алеша, незаметно для родителей трогая в карманах остатки фонарика.

– Вытащи руки из карманов. Почему телефон не взял?

– Забыл.

Возникло тягостное молчание – отец искал нужные слова.

– Мы... – начала было мать, но отец жестом остановил ее и спросил:

– И что дальше?

– Не знаю.

– Не знаешь. Но ты знаешь, как я должен поступить в данном случае?

– Да.

– И что я должен сделать?

– Наказать, – едва слышно ответил Алеша. – «Как там бабушка?» – подумал он.

– Не слышу.

– Наказать, – сказал Алеша громче.

– Мы с тобой неоднократно говорили об ответственности за свои поступки. Помнишь? – уже решив, как поступить с сыном, отец чувствовал желание оправдаться перед ним за свое решение.

– Помню.

– А значит помнишь, что отсутствие наказания плохо скажется на твоём характере и твоей будущей жизни.

– Да.

– Куда попадают люди, которые не научились слушаться старших?

– В тюрьму.

– Вот именно, сын, в тюрьму. И это еще не самое страшное. Поэтому если я, пока ты еще ребенок, не научу тебя тому, что человека, поступившего неправильно, ждет наказание, у тебя могут быть в будущей жизни серьезные проблемы, ты так и не поймешь, как поступать можно, а как нельзя. И я должен наказать тебя прямо сейчас, потому что завтра уже будет все иначе. К тому же за ночь у тебя будет время подумать. Ты согласен со мной?

– Да.

Отец жестом пригласил Алешу в комнату. Тот повинился.

Мать стояла возле закрытой двери с заплаканным лицом, слыша, как из комнаты доносятся звуки шлепков кожаного ремня. Алеша не издал ни звука.

Глубокой ночью, когда родители уже спали, Алеша на цыпочках пробрался к своей куртке, висевшей на вешалке в прихожей. Принеся ее в свою комнату, он достал из карманов осколки фонарика, сложил их в мешочек и неслышно прошел к бабушке. Там он разложил стеклышки возле ее неподвижной руки и, беззвучно омывая руку слезами, стал шепотом повторять:

– Прости меня, бабушка.

Слабое движение ее пальчика, скользнувшего по лицу мальчика, стало единственной наградой за все его страдания, но этого было достаточно, чтобы понять, что она слышит его, благодарит и скорбит вместе с ним о предстоящей разлуке. Под утро она умерла.

Утром родители обнаружили Алешу в бабушкиной комнате, спящим тяжелым сном. На его лице застыла гримаса боли. Он спал, сидя на полу, положив голову на кровать возле бабушкиной руки, а рядом лежали красные стеклянные осколки как символ разбитой жизни ребенка и память о его борьбе за свою любовь.

НА ВОЛНЕ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Интервью заместителя главного редактора журнала «Звезда Востока»
Клавдии Панченко с послом республики Бангладеш в республике
Узбекистан Мосудом Маннаном.*

– 26 марта 2018 года исполняется 47 лет со дня провозглашения независимости республики Бангладеш. Расскажите, пожалуйста, кратко о зарождении и основных движущих силах национально-освободительного движения.

– Освободительное движение началось задолго до 1971 года под руководством Шейха Муджибура Рахмана. Еще в 1947 году Восточная Бенгалия стала провинцией Пакистана (Восточный Пакистан). В 1948 году правительство Доминиона произвольно провозгласило язык урду национальным языком Пакистана, что вызвало протест бенгальского большинства Восточного Пакистана. Правительство объявило противозаконными все публичные собрания и митинги. 21 февраля 1952 года студенты Университета Дакки и политические активисты организовали мирную процессию. Полиция открыла огонь по демонстрантам, было убито несколько человек, что вызвало острый политический резонанс. В 1956 году правительство вынуждено было предоставить статус государственного языку бангла.

«Языковое движение» консолидировало бенгальскую национальную идентичность в Восточном Пакистане и стало катализатором последующего бенгальского национального движения, требующего политической автономии в структуре Пакистана.

В 1969 году это движение достигло апогея и военное правительство Аюб Хана вынуждено было уйти в отставку, выборы 1970 года выиграл Муджибур Рахман, ставший премьер-министром Пакистана. Но военное правительство не желало передавать власть Бангабандху¹, усугубляя кризис. В ночь 25 марта 1971 года военная хунта Пакистана развязала геноцид, стремясь подавить бенгальцев. 26 марта Бангабандху Шейхом Муджибуром Рахманом была провозглашена независимость Бангладеш.

– Каковы были цели и задачи, стоявшие перед освободительным движением, и как они были реализованы?

– Бангабандху Шейх Муджибур Рахман начал восстановление страны, которая была разрушена войной. Многие скептически относились к перспективам Бангладеш,

¹ Бангабандху – Отец нашии.

однако сегодня экономика Бангладеш считается одной из самых перспективных в мире, а страна занимает достойное место на международной арене. Страна экспортирует текстиль, одежду, морепродукты, фармацевтические препараты, природный газ и пр.

Экономический рост развития превысил 6 %, за период с 1990 года заметно снизился уровень бедности (с 40 % до 14 %). Правительство Бангладеш и ведущие неправительственные организации обеспечили развитие образования и здравоохранения для бедных.

С 1998 года в стране процветает парламентская демократия: каждые пять лет проводятся выборы. Важную роль в национальной экономической, политической сферах играют женщины Бангладеш. Это, пожалуй, единственная страна, где уже более двух десятилетий премьер-министр и лидер оппозиции – женщины.

– Что вы можете сказать об укреплении культурных связей, о культурном сближении наших народов? Какова роль вашего представительства?

– Посольство и Посол занимаются не только укреплением политических и экономических связей, но и всячески озабочены укреплением взаимопонимания между принимающей страной и страной, которую представляет посольство. Мне изначально были близки и интересны культура Узбекистана и других стран Центральной Азии, менталитет людей, язык. Я мечтаю изучить узбекский язык, богатый и выразительный (хотя для меня это сложно). Это даст мне возможность в оригинале познакомиться с жемчужинами узбекской литературы. Я много путешествовал по этой прекрасной стране. Мне ежедневно приходится участвовать в семинарах, симпозиумах, выставках в Узбекистане, поэтому каждый день я обнаруживаю что-то новое и узнаю немного больше.

Я нахожусь в Узбекистане 5-й год и немного узнал страну, ее историю и литературу. Однако, как выяснилось, совсем немногие здесь имеют представление о том, насколько богата и разнообразна литература Бангладеш, которая написана на языке бангла. Поэтому я инициировал переводы бенгальской поэзии на узбекский язык. Уже готова первая книга переводов современных бенгальских поэтов, их произведения переведены с бенгальского на английский язык, а затем на узбекский.

Были опубликованы буклеты на узбекском и русском языках, в которых содержится важная информация о бангладешском туризме и о том, как вести бизнес в Бангладеш, чтобы люди не только в Узбекистане, но и во всей Центральной Азии могли и захотели посетить Бангладеш. Это было сделано в рамках культурного обмена и продвижения туризма. Бангладеш, подобно Узбекистану, славится тканями ручной работы. В 2017 году посольство организовало выставку Муслина и Джамдани сари в Хаяте, получившую высокую оценку. Впервые платья Джамдани были спроектированы известным узбекским дизайнером Мархамат Умаровой. С другой стороны, бангладешский дизайнер Биби Рассел при поддержке ЮНЕСКО каждый год со своими работами приезжает в Узбекистан. Она работает с ткачами и дизайнерами города Маргилана. Нашим посольством в Государственном художественном музее Республики Каракалпакстан, известном как музей Савицкого, в Нукусе была организована выставка вышивки из Бангладеш, известная как «Накши-канта».

Республика Бангладеш приняла участие в выставках живописи и кустарных ремесел. С помощью Академии художеств Узбекистана мы организовали выставку живописи художника Бангладеш Хуршеда Салема в Ташкенте. Каждые два года в Дакке организуется Азиатское биеннале искусств, где участвуют художники Узбекистана. Музыканты из Бангладеш ежегодно принимают участие в фестивале «Шарк Тароналари» (знаменитый фестиваль мировой музыки в Самарканде), который проходит каждые два года. В 2017 году посольством был организован трехдневный кинофестиваль в честь годовщины установления дипломатических отношений между Узбекистаном и Бангладеш. В связи с кинофестивалем в Ташкент приехал всемирно известный бангладешский кинорежиссер Танвир Мокаммель.

Бенгальская и узбекская кухни вкусны и популярны на Ближнем Востоке, в Европе и Америке. Участвуя в фестивалях и конкурсах продуктов питания, организованных

Министерством иностранных дел или кулинарными колледжами в Ташкенте, мы пытаемся популяризировать бангладешскую кухню.

Лично я регулярно даю интервью на радио, телевидении, в СМИ, что, безусловно, способствует созданию культурных мостов. Тем не менее, стоит признать, что необходимо активизировать работу: нужен регулярный обмен писателями, поэтами, художниками, дизайнерами, ремесленниками, учеными, посещение книжных ярмарок, участие в культурных и литературных фестивалях. Для этого необходимо подписать Меморандум Взаимопонимания. Я стараюсь, чтобы все эти соглашения были подписаны.

– Участвуете ли вы в наших национальных праздниках?

– Я активно участвую в праздновании Навруза, даю интервью телевизионному каналу «Дунё буйлаб», радиостанции «Жахон» и другим радиостанциям, имел честь посетить праздничную программу «Навруз», насладиться узбекской ритмичной музыкой и танцами, яркими костюмами. Каждый год мы пробуем праздничный сумалак и халим, любуемся покрытым тюльпанами Чимганом.

– Как-то в интервью журналу (в 2014 году) вы сказали, что, будучи профессиональным дипломатом, продолжаете писать книги, которые публикуются в США, Германии, Кыргызстане. Есть ли произведения, созданные во время вашего пребывания в Узбекистане, об Узбекистане, опубликованные в нашей стране?

– Пьесы, стихи, написанные мной, публиковались в журнале «Жахон». Я редактировал ряд книг, но тексты, в основном небольшие, пишу для журналов. Мои рассказы и статьи публиковались в Германии и США, но для создания больших книг у меня нет времени. Вообще я пишу стихи, некоторые из них были переведены и опубликованы в небольших журналах, но я не профессиональный писатель.

– Кого из современных писателей, поэтов Бангладеш, пишущих на бенгальском или английском языках, вы могли бы особо выделить, учитывая значимость проблем их творчества, их вклад в личностное формирование и установление культурных контактов? Кто из женщин-писателей популярен в вашей стране?

– Да, есть известные поэты, пишущие на бенгальском языке. В Британии проживает миллион бенгальцев, но они говорят и пишут на английском. Некоторые из них: Моника Али и Зия Хайдер Рахман, очень популярны. Если вы спросите, кто сегодня является самым известным поэтом Бангладеш, я отвечу, что это Нирмаленду Гуну и Махадева Саха. Среди женщин очень известны и переведены на многие языки Селена Хоссейн, Насрин Джahan, Шахин Ахтар. Очень популярны Рабиндранат Тагор, Кази Назрул Ислам, Джибананда Дас, Суканта Бхаттачарья, Аль-Махмуд, Шамсур Рахман, Рафик Азад, Сайед Шамшул Хак. Они известны не только в Бангладеш. Рабиндранат Тагор и Назрул Ислам переводились Эркином Вахидовым и Азадом Саматовым.

– Народный поэт Узбекистана Эркин Вахидов написал поэму о бенгальском поэте Назруле Исламе. Известно ли это в Бангладеш, переведена ли она в Бангладеш?

– Нет, я услышал об этом лишь по приезду в Узбекистан в Институте востоковедения. К сожалению, пока я не смог познакомиться с ней, в виду отсутствия ее перевода. Хорошо известны в моей стране узбекские писатели Бабур, Хамза, Зульфия, Абдулла Каххар и Алишер Навои.

– В Узбекистане существует давняя традиция отмечать литературные юбилеи национальных и мировых классиков. Кого из писателей чествуют у вас на родине. Участвуете ли вы в наших культурных мероприятиях?

– Да, я с интересом принимаю участие в мероприятиях, посвященных чествованию Алишера Навои, Бабура. Во время поездки в Джизак я посетил музей Хамида

Алимджана и Зульфийи, участвовал в мероприятии, посвященном Шоте Руставели, организованном Посольством Грузии. Я откликаюсь на все приглашения. Посольство Бангладеш регулярно организует литературные праздники, юбилеи Назрулы и Тагора. В 2016 году с помощью Академии наук мы организовали вечер памяти нашего национального поэта Казии Назрулы Ислама. В мероприятии приняли участие Посольства Турции, Индии, Ирана, Пакистана.

– Сегодня никто не сомневается, что литература и искусство объединяют народы, способствуют взаимопониманию, взаимному обогащению и развитию. В каком культурном сотрудничестве с Узбекистаном заинтересовано ваше независимое государство и как оно реализуется?

– Я считаю, что культура – важное связующее звено. Независимо от национальности, касты, вероисповедания культура объединяет народы и способствует укреплению дружбы. Инвестируя средства в культуру и познавая культуру друг друга, мы обогащаемся. Каждый год 21 февраля Посольство Бангладеш в Международный день родного языка организует Поэтические вечера совместно с поэтами Узбекистана, послами, дипломатами иностранных миссий, миссий ООН и международных организаций, работающих в Ташкенте. Ежегодно публикуем буклеты со стихами, которые зачитываются по случаю данного праздника на разных языках. Есть многочисленные площадки культурного сотрудничества между Бангладеш и Узбекистаном. Историки и ученые могут проводить совместные исследования исторических связей Бангладеш и Узбекистана, которые установились с древних времен.

Вызывают большой интерес туристов из Бангладеш путешествия в легендарные города: Самарканд, Хива и Бухара. Узбекским туристам наверняка понравятся идиллические пышные зеленые холмы, покрытые чайными садами в городе Силхете, белые пляжи Базара Кокса, некоторые, возможно, захотят побывать в Сундарбане, чтобы взглянуть на королевского бенгальского тигра. Культурная неделя в обеих столицах может быть организована таким образом, чтобы люди могли оценить достопримечательности Узбекистана и Бангладеш. Взаимное сотрудничество может осуществляться также в спорте, моде, ремеслах.

– Вы проживаете в Узбекистане уже несколько лет, наверняка посетили Бухару, Самарканд, Хорезм, знаете исторические памятники Ташкента, поделитесь своими впечатлениями о культурном наследии Узбекистана.

– Мои впечатления потрясающи: великолепная архитектура, памятники старины, дворцы. Я благодарен правительству Узбекистана за то, что оно пригласило меня для участия в этих поездках, и считаю, что сохранение памятников и представляемая возможность оценить эти сокровища – ценнейший аспект работы государственных департаментов. В вашей стране есть великолепная история, отраженная в памятниках, сувенирах, ремеслах, и вы умеете ценить и сохранять ее, внося определенный вклад в интеллектуальную, научную, культурную и духовную цивилизацию человечества.

– Ваши пожелания читателям нашего журнала и жителям страны.

– Я желаю, чтобы Навруз преумножил здоровье, счастье и процветание людей и страны в целом. Пусть реализуются все мечты! Мне хотелось бы также пожелать более активного культурного обмена между Бангладеш и Узбекистаном, более тесных политических, экономических и культурных связей, больших возможностей для бизнеса и туризма.

Зикрилла НЕЪМАТ

Беден без памяти мир...

О, любовь

Сегодня тебя я вдруг вспомнил опять,
Тоска моя первая, первая боль.
Ты жизнь мне умела всегда украшать,
Отрада души моей, сердца любовь!

С тобой всем делился я с юных годов,
Ты радостью мне и слезою была,
Ты солнцем, сияющим средь облаков,
На небо влюбленной души вознеслась.

Любовь, ты надежда, и жизнь, и мечта,
Любовь, ты моя вдохновенная лира.
Ты есть – и доступна небес высота:
Ты, словно крыло, для полета над миром!

Как музыка, в сердце моем ты живешь,
Улыбка твоя, как луны озаренья,
И чудные мне возвращая мгновения,
Как будто огнем, мою душу ты жжешь.

Скажи мне, любимая, где же сейчас ты?
В каких ты пределах, в какой стороне?
Так сердце болит и тоскует в несчастье:
На звездах ты ныне, а может – луне?

Ты словно весны долгожданная свежесть,
Как искра в глазах, что не гаснет во мгле.
О чувство любви, ты души моей нежность,
Прекрасно, что есть ты на этой земле.

Зикрилла НЕЪМАТ. Член СП Узбекистана. Родился в 1961 году в Гиждуване. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз) и Академию МВД РУз. Автор множества книг («Онам эккан райҳонлар», «Қалбим қальаси», «Мухаммас гулшани», «Мангу қўшигимсан, Ватан»).

Памяти павших

Вечер тих. Небо ясно. Лишь звезды горят.
Из земли голос слышится проникновенный:
Павших вспомните вы, дорогие друзья,
Эта память для нас остается священной!

Площадь Памяти надо, друзья, посетить,
Пусть тоска ваше сердце жестоко сжимает,
Этот вечный огонь – он, как сердце, горит,
И он память души освещает.

Мать Скорбящая с низко склоненной главой,
Нет лекарств у нее от тяжелой утраты,
Все ждет сына, роняя слезу за слезой, –
Не пришедшего с фронта солдата.

Лишь единая мысль утешает ее:
«Ты, мой сын, остаешься в сердцах поколений,
Не погиб ты, ты вечною жизнью живешь
В светлых, словно рассвет, устремленьях».

Год проходит и век, время дальше идет,
Ищет добрых путей человечество,
Кто за родину пал, за страну, за народ,
Будет жить в сердце родины вечно.

Обман любви

Луна – золотая серьга любимой,
Веками висит она на небесах.
Обман для судьбы не проходит мимо –
Не зря говорят, что воздаст Аллах.

Красавица, юношу плакать заставив,
Возлюбленной стала не для него,
И вот теперь, на луну взгляд направив,
Горюет она, вспоминая его.

Созвездия – слезы души влюбленной,
Страдавшей от тяжелой разлуки-беды,
И на рассвете росой холодной
Они ниспадают в тоске на сады.

И глядя в ночи, как скользит луна,
Я светом ее разольюсь в лучах,
А где-то вдали будет плакать она,
Увидев сиянье луны в небесах...

Крепость души

У каждой души есть природная крепость,
Устойчива жизнь, если стойко в ней воинство.
И крепостью правит Всевышнему верность,
А войско ее – это честь и достоинство.

Подчас мою душу отряды пугают
Житейских желаний, укрытых в засаде,
И ты для сраженья со злыми врагами
Всегда, словно крепость, готов будь к осаде.

Когда гарнизон начеку днем и ночью,
Напрасны врагов твоих натиск и дерзость,
Чтоб вера была неприступной и прочной,
Будь бодр, стань душой неприступным, как крепость!

Тоска по матери

Из дальних краев журавли потянулись,
В сады возвратились цветы и листва,
Но годы прошли и тебя не вернули,
И лишь повторили прощанья слова.

Соскучился я по словам твоим прежним:
«Сыночек, ну где же ты ходишь, родной?»
Соскучился я по глазам твоим нежным,
Что мне улыбались с такой добротой.

И дрожь охватила всю душу и тело:
Вот место, где ты, упокоясь, лежишь,
Земля без тебя для меня опустела,
И как это горе душе пережить?!

Когда меня люди не раз предавали,
Я сердцем своим горевал и скорбел,
Весь мир становился темней от печали,
А вот без тебя он совсем опустел.

Обиду в душе затаил на судьбу я,
На сердце страданья и скорби напасть.
О мама, как я по следам тем тоскую,
Следам твоих ног, к ним желая припасть...

Перевод Николая ИЛЬИНА

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников.

ТРИПОД*Рассказ***Катерина ПЕЧЕНКИНА**

Скрипач без музыкального слуха – нелепость. Не обладая от рождения слухом, я всю жизнь играю на скрипке – только мысленно. Зажатая между плечом и подбородком скрипка дрожит, гибкая кисть виртуозно направляет смычок, извлекая пронзительную ноту. Возьми я в руки хоть раз настоящую скрипку, контраст между реальностью и моим воображением навсегда бы заставил меня оставить мысленную игру. Пишу я тоже мысленно: продумываю каждую фразу до мелочей, переставляю слова, меняю порядок фраз. У Борхеса, кажется, есть рассказ, в котором писатель, ничего толком не написавший за всю жизнь, умолил Всевышнего в ночь перед расстрелом дать ему год, чтобы написать роман, за который он всю жизнь никак не мог взяться. И время остановилось. Целый год писатель стоит перед дулом пистолета, продумывая каждое предложение своего романа, который никогда не будет записан. Когда он уже мысленно дописывает последнюю главу, время начинает снова двигаться, набирая ход. Офицер командует «пли», и писатель видит, как из дула револьвера вылетает пуля, но успевает дописать последнее слово. Энергия незаписанных предложений позволяет им обрести реальность. Всю жизнь я мысленно пишу.

Эту уже почти сложившуюся историю я всё-таки рискну записать. Быть может, как следствие, она вдруг превратится в туман и рассеется с восходом солнца.

ТРИПОД

Меня всю жизнь заносит; пора бы уже остепениться, стать уважаемым профессором антропологии, соответствовать и не терять голову. Перестать, например, надираться за банкетом. Помалкивать на заседаниях. Не пытаться в пьяном виде говорить на языках, которых я не знаю. Собираясь в экспедицию в Китай, давала себе зарок уважительности, тем более что ехала с двумя студентами – украинской девочкой Ольгой и кругленьким Томми, аспирантом из Аризоны. Студентам надо подавать пример во всём: в работе, в общении с китайскими археологами, в жизни. «Есть надо всё, – инструктировала я их. – Помните, что мы там гости, и эта страна живёт по своим законам, не всегда нам понятным». И главное, думала я, не буду водить дружбу с местными собаками. Не буду, например, закапывать все куски мяса, что дают мне на обед, под лапшу, чтобы тайком скормить их собакам. Тем более не буду я пытаться умыкнуть одну из собак на прогулку во время сиесты. На станции много собак, и все они сидят на цепи. Таков порядок этих мест, не мне его менять.

Катерина ПЕЧЕНКИНА. Родилась в 1972 г. в Ташкенте. Окончила биологический факультет МГУ им. Ломоносова, аспирантуру в США. Работала в Перу и в Китае. Заведует кафедрами антропологии Нью-Йоркского городского университета (CUNY) и Квинс-колледжа.

Я еду только на две недели, и мне надо работать, работать, работать, а не как в прошлый раз, в общем, не отвлекаться на глупости.

02. 08. 2017, вторник, день после приезда.

С респектабельностью в Китае у меня как-то сразу не заладилось. Начались проблемы с милицией из-за моей туристической визы. Строго говоря, чтобы работать в Китае, нужна официальная рабочая виза, с которой я не заморачивалась, и всегда всё гладко было. Но, видать, очередная волна борьбы с иностранцами докатилась даже до того захолустья, где я работаю. В дешёвые гостиницы иностранцев больше не селят, а дорогие сообщают об иностранцах в милицию, и работники правоохранительных органов приходят разбираться.

Можно было, конечно, спустить всё на тормозах. Но Шен Хиаофан – аспирантка Др. Фана, которой доверили меня встречать, проявила такой энтузиазм в разговоре с милицией, расписав мои научные и преподавательские достижения в Китае, что моей персоной заинтересовались не на шутку. В результате Др. Фану пришлось в срочном порядке эвакуировать меня и студентов из гостиницы в общежитие при археологической станции. Жесткие кровати в большой общежитской комнате, хилый кондиционер и отсутствие горячей воды в душе повергли Ольгу в такое уныние, что я усомнилась в ее истории о том, будто она выросла в глухой украинской деревне.

Кроме того, при распаковке вещей обнаружилось, что я забыла дома почти всё экспедиционное оборудование. Забыла, несмотря на то что студентка Ольга всё очень ответственно упаковала в отдельный чемоданчик, завернув пузырчаткой. Придя домой, я подумала: на фига мне второй чемодан! Мои личные вещи – трусы, футболки, треники и зубная щётка – места не занимают, а носки я не ношу. Так что всё пакуется в один большой чемодан, куда я быстро перепаковала трипод, бланки, вспышки, остеометрическую доску, игрушки для детей китайских коллег (они больше всего места заняли), сверху всё обильно посыпала трусами, футболками и штанами, даже сбоку смогла впихнуть пару шлёпанцев и тонкий спальник (на всякий случай). Довольная собой, умчалась в аэропорт. Но я забыла (забыла!!!), вернее, даже не знала, что Ольга (какого хрена она так поступила?) упаковала всё самое ценное в карманы, а их я не проверила. Поэтому все мои новые лампочки, вспышки, градуированные зубные штучки, переходники и, главное, вращающийся градуированный столик для трехмерной фотосъёмки остались спокойно лежать в старом чемоданчике в нью-йоркской квартире.

На банкете в честь моего приезда (частично на нервной почве) я надралась, говорила много на китайском и прочих недоступных мне языках и, кажется, пела интернационал... Петь мне надо тоже мысленно, но иногда прорывает вслух.

03. 08. 2017, среда.

Утро среды застало меня в тяжелых раздумьях. Милиция не оставляла нас в покое, требуя доказательства того, что я не зарабатываю в Китае денег. Аспирант Томми, который вчера во время банкета открыл для себя байджу, ежеминутно сообщал мне по e-мейлу, что у него не получается встать с кровати, так как его молодой организм не способен поддерживать вертикаль с планетой. Ольга бегала кругами, сокрушаясь по поводу недоехавшего оборудования. Голова раскалывалась.

Др. Фан появился только к одиннадцати утра. Многолетняя практика банкетов с байджу позволяли ему удерживать вертикаль с полом, не отклоняясь от прямого угла больше чем на 10 градусов. Несмотря на почти 20 лет совместной работы, Др. Фан совсем не говорит по-английски, а мой объём китайского позволяет свободно рассуждать только о выпивке, родственниках и письменных принадлежностях. Поэтому общаемся мы преимущественно жестами. В это утро он жестами объяснил мне, что хочет показать что-то очень интересное в стационарном хранилище.

Думая, что что-то хорошее, чем бы оно ни было, будет очень кстати, я последовала за ним вглубь станции к большому цементному зданию хранилища. Моё воображение

рисовало бронзовую колесницу, пока глаза привыкали к полумраку большого помещения, сверху до низу заставленного ящиками со скелетами. Но ни колесницы, ни золотых статуй, ни даже скелета лошади в хранилище не наблюдалось.

Непонятная возня под ногами заставила меня посмотреть вниз. На глиняном полу возились шенки. Шесть штук. Они копошились вокруг большой рыжей собаки, стоявшей рядом с др. Фаном, и жадно сосали молоко.

«А вот это плохо... очень плохо», – подумала я.

Со шенками всегда проблемы. Среди них всегда есть один, с которым что-то не так: маленький и хилый или больной, который неизбежно начинает угасать; его бывает безумно жалко, хочется спасти, но спасти совершенно невозможно. Спасение превращается в безнадёжную борьбу за жизнь, которую невозможно выиграть, и, даже если удаётся на мгновение отогнать наступающее небытие собачонки, потом всё равно надо уезжать. К тому же на это уходят все душевные силы и время, а я здесь всего на две недели, и мне надо работать и работать. Но изменить ход событий всё равно нельзя. На шенков лучше вообще не смотреть, но, чтобы не показаться грубой или бесчувственной, надо улыбнуться, погладить пару шенков. И у-хо-дить! Главное, их не рассматривать, чтобы не найти ненароком того самого, которого надо спасать. В конце концов, им уже недели три. И, раз они выжили здесь без меня эти три недели, с ними и дальше будет всё в порядке.

– Милые шенки... как это по-китайски? Хаокан! Во! – говорю я Др. Фану и разворачиваюсь к дверям, чтобы идти работать, но у самого входа в хранилище замечаю совсем крошечного седьмого шенка. Он лежит, свернувшись калачиком под ящиками, отдельно от других шенков, не пытаясь пробиться к еде.

«А этот уже сдох, – строго говорю я себе, – или скоро сохнет». Через день-другой я приду в хранилище и его просто не будет, он просто уйдёт в прошлое, как все другие птенцы, шенки и котята, которых невозможно было спасти. Это нормальный цикл жизни. Я нагибаюсь к шенку и беру его в ладонь. Он тёплый, но его лапки и голова вяло свешиваются с ладони. «Надо все-таки попробовать тебя покормить, может не всё так плохо, как кажется», – думаю я и пристраиваю его к соску рыжей собаки. Он ест жадно, с урчанием, вздрагивая и перебирая крошечными лапками, всем видом демонстрируя, что пока не собирается подыхать. Я придерживаю его за живот, чтобы он мог дотянуться до соска. Становится понятно, почему он не ел с остальными шенками. Он такой маленький, что, когда его мать стоит, он просто не в состоянии дотянуться до ее сосков.

– Грустная, понимаешь, история, – говорит подошедшая сзади Шен Хиаофан. Она немножко говорит по-английски, и в Китае я в основном общаюсь через неё. Она окончила магистратуру и теперь работает при станции в качестве помощника Др. Фана. – Грустная... у него лапы нет: мать, наверное, откусила, перепутав с плацентой...

Я переворачиваю шенка и вижу маленький обрубок с торчащим наружу мясом вместо передней лапы.

В лаборатории Ольга, стена, сокрушается по поводу забытого оборудования. Мне хочется остаться наедине с собой, и я советую ей сходить поискать хотя бы пластилин, для того чтобы закрепить вспышку на камере в отсутствии переходника, но она, не зная китайского, пока не решается выходить за ворота. Тогда я пишу: «Мейши де кафеи, бу най, бу танг (американский кофе, без молока, без сахара)» и отправляю её за кофе.

По жизни я циник. Я не состою в обществе охраны животных, спокойно ем мясо и не жертвую на домики для бездомных поросят. Я прекрасно знаю, что каждую минуту мясорубка жизни проворачивает в фарш миллионы шенят, котят, птенцов и новорожденных младенцев. Противостоять этому невозможно и, главное, не нужно. Но, несмотря на этот цинизм, я не могу заниматься делом, когда рядом беспомощное существо медленно погибает от голода.

После обеда, когда все китайские работники расползаются на сиесту, а студенты погружаются в работу, я незаметно выскальзываю из лаборатории и снова иду в хранилище. Маленький шенок лежит на прежнем месте отдельно от всех. Опять пристраиваю его к матери, отпихивая от сосков его братьев-сестёр. Давай ешь,

набирайся сил! Научишься ходить – может, выживешь. Народ здесь душевный, раз сразу не утопили, значит, собираются и дальше тебя тут держать; давай ешь! Эх, мне б американский зоомагазин с молочной смесью для щенков и всякими витаминными кормами, я б тебя быстро на ноги поставила!

Какого черта они его сразу не утопили? Не утопили – значит, хотели, чтоб выжил. Пожалели или просто считают, что жизнь распорядится сама, без их участия. Он не может ходить, а значит, не может есть. Пока они все были слепыми, небось, лежали в одной куче и ели. А сейчас, когда им недели три, все остальные уже бегают. Он один беспомощно лежит и не знает, как пробиться к еде.

Я ничего не могу изменить. Спасение трехнедельных щенков – занятие абсолютно безнадежное. Даже если мне удастся поддержать его две недели, пока я здесь, что будет, когда уеду? И потом, ведь все заметят, что вместо работы я вожусь со щенком. На эту чертову археологическую станцию, на установление здесь контактов и связей потрачены пятнадцать лет моей жизни. Уже пятнадцать лет ежегодно приезжаю на несколько недель сюда, в эту невыносимую жару и духоту, наполненную монотонным стрекотанием саранчи, дышать пылью и плесенью раскопок и безумно загазованным воздухом этой индустриальной провинции, набитой цементными заводами и табачными фабриками. Пятнадцать лет недосыпа и безумных самолётных перелётов, иногда с двумя пересадками, по 24 часа пути, стремление понять и вписаться: есть, пить и курить всё, что дают, и не воротить нос от заплесневелых номеров дешёвых гостиниц с их жирными тараканами, объевшимися ДДТ.

Но, с другой стороны, в первый раз надо мной никто не стоит. Нет ни заботливых мам-бабушек, которые всё берут в свои руки, ни профессора, который может строго сказать «Не майся дурью – иди работать» и на которого надо производить впечатление своим научным рвением. Студентам надо бы пример подавать, а я, вопреки множеству необходимостей, поступаю не как надо, а как я хочу.

Попробую все-таки уравнивать его шансы на жизнь. Хотя бы чуть-чуть. Приручать его нельзя – ему здесь жить. А вот подкормить... Эх, мне бы нормальный американский зоомагазин... Почему я не догадалась привезти собачий корм с собой?

«Да ты половину оборудования дома забыла!» – ехидно подсказывает внутренний голос. Ладно... Интересно, нельзя ли раздобыть в этом захолустье хоть какой-нибудь шенячий корм?

04. 08. 2017, четверг.

На следующее утро мистер Ян переселяет всех щенков из хранилища на улицу. Рядом с нашей лабораторией стоит разлапистое дерево и будка, к которой цепью пристёгнут большой рыжий кобель, видимо, приходящийся им отцом. За свирепый нрав его зовут Хуо Дзы. Он ответственно охраняет станцию от почтальонов и мусорщиков. К его будке пристёгнуто большое металлическое ведро с водой. Прежде чем лечь, Хуо Дзы лапой разбрызгивает из ведра воду на асфальт, чтобы устроиться на чистом и прохладном. Шенки расселяются между будкой, деревом и сваленным в кучу шифером. Весь день они прячутся от жары под будку и шифер, вылезая только поесть, когда приходит мать. Мать, которая бродит по станции свободно, прячется от назойливого потомства в отхожем месте и выходит покормить только тогда, когда соски начинают распирать молоком. Я с тревогой пересчитываю щенков. Они все на месте, и трёхлапый мальчик на этот раз среди них жадно сосёт молоко у пуза лежашей матери. Он чуть светлее своих братьев. Шерстка на голове чуть топорщится. Я успокаиваюсь и иду работать.

– Ой-ой, волнуется Шен, – отойди лучше от собак, они же кусаются!

– Меня собаки не кусают, – объясняю я ей, продолжая чесать за ухом большую рыжую псину, пока она кормит щенков.

– Не скажи, – говорит Шен, – этот вон даже директора станции покусал.

– Ну я же не директор станции!

– Тогда иди мой руки. Трогала собак – мой руки, собаки грязные.

После обеда под предлогом поиска недостающего оборудования я отправляюсь в гипермаркет. Август этим летом в Китае выдался особенно жарким: температура не падает ниже 37 градусов даже вечером, а днём переваливает за сорок. Единственный гипермаркет в Шенджэне находится в полчасе ходьбы от станции. Сиеста в маленьких городах Китая до сих пор соблюдается строго, улицы Шенджэна пусты. Если зайти в это время в небольшой магазин, можно застать продавца спящим на циновке. Но в кондиционированном помещении гипермаркета толпится народ. Где-то здесь должна быть полка с едой для собак. Не может не быть. Я кружу по гипермаркету с пустой корзинкой, смущённо отбиваясь от молоденьких продавщиц, пытающихся продать мне хоть что-нибудь. Круг, ещё круг... Должна же быть еда для собак! Не может не быть! Где же, где же... Наконец, в самом дальнем углу, рядом с принадлежностями для американского гриля (вот уж совершенно бесполезная вещь в Китае!), находится маленький стеллаж с изображением кошачьей морды. Выбор небогат, но что-то есть. Беру несколько пакетиков жидкого корма для щенков и пачку собачьих сосисок, чтобы наладить дружеские отношения с родителями; по дороге к кассе прихватываю дешёвое блюдо и полотенце (последнее – для себя).

Как там мой щенок? Интересно, что нужно, чтобы провезти собаку в Штаты?.. Я включаю телефон и выхожу в гугл. Страничка ЦДЦ (американский минздрав) пишет, что нужна прививка от бешенства и всё... ещё для некоторых стран, включая, конечно, Китай, нужна справка от ветеринара, что собака не заражена личинками мясных мух. Быстро просматриваю гугл на предмет того, что такое мясные мухи. Видела я их в Китае. Это такие гнусные твари, которые откладывают свои личинки прямо в кожу животного или человека. Помню, несколько лет назад этим заразился один старый пёс на станции. Мр. Ян тогда остриг его налысо, обмазал какой-то мазью с запахом мази Вишневского и сидел с пинцетом, выуживая этих гнусных тварей из набухших язв. Нет, слава богу, щенки этим не больны. Значит, прививка от бешенства, плюс справка от ветеринара, но вот тут большими красными буквами приговор от ЦДЦ: *до четырех месяцев щенков/котят импортировать в Штаты нельзя!* Прививка от бешенства делается в три месяца. И должно пройти 25 дней после прививки.

«Что же мне с ним делать?» – думаю я. Тебе, друг, нужно научиться жить здесь. При всём желании я не смогу взять тебя с собой. За оставшиеся десять дней я должна научить тебя доходить до миски, расталкивать братьев, бороться за свою жизнь...

05. 08. 2017.

Утром Мр. Ян выставляет для щенков миску дымящейся лапши с кусочками курицы. Щенки обступают миску и жадно выхватывают из неё белые маслянистые ленточки. Трёхлапый щенок жалобно скулит, пытаясь доползти до миски.

– Что, брат? Жизнь тяжелая? – спрашиваю его я. – Да ладно, не жалуйся! Вон у твоего отца четыре ноги, а что толку? Вся жизнь на цепи. Метр влево, метр вправо – вот и весь его мир, и сколько у него ног в этом мире – совершенно неважно.

– Are you teaching his to speak Russian? – спрашивает Томми.

– Not really! I just don't think it matters which language I speak to him.

Моё сердце не выдерживает, подсаживаю щенка к краю миски. Лапша горячая, я дую на неё, стараясь остудить, чтобы он не обжегся.

– Эх, дружок, дружок, ты должен научиться добираться до миски сам и есть эту баланду, а не корм из пакетика. Тогда ты сможешь выжить в этом мире, и, если повезёт, тебя тоже посадят на цепь, и, быть может, мы встретимся следующим летом. Тогда я куплю тебе самую большую сосиску, какая только доступна в этом городе.

Вечером на станции отключают электричество – становится невыносимо жарко и совершенно темно, так как свет звёзд и луны не пробивается сквозь смог. В Китае почти никогда не видно звёзд. Снова не могу заснуть, представляя, как он будет меня звать. Несмотря на усиленное питание магазинным кормом, он не растёт и не встаёт на лапки; подросшие и обнаглевшие щенки постоянно задирают его, приходится их отгонять. 14-ого я уеду, а он останется один в этом негостеприимном мире, будет звать меня на помощь, но я не смогу отозваться.

Я биолог. Моего биологического образования достаточно, чтобы прервать жизнь быстро и безболезненно. В день моего отъезда его просто не найдут. Пожмут плечами, и жизнь на станции продолжится. Я пытаюсь представить, как это сделаю, и достаю телефон. Батарейки осталось совсем мало. Быстро перехожу в американскую систему, выхожу через гугл на сайт ЦДЦ. Кажется, там была специальная форма, заполнив которую, можно было попросить отвод прививки от бешенства. Написано, что надо подать за 10 дней до поездки. Интересно, это считая выходные или нет? Впрочем, даже считая выходные, 10 дней до поездки у меня уже нет. Почему я не подала её сразу? Ладно, попробую подать... какие там вопросы? Порода: кто ж его знает, похоже, дворняга китайская, напишем «микс». Цвет – оранжевый; приметы – ну, с этим просто. Нужна фотография... Эх, хватило бы батареек! Я часто фотографировала шенков, особенно когда с ними по утрам возилась Ольга; но никогда не снимала трёхлаплого шенка, думая, что, когда я его брошу, мне будет стыдно смотреть на его фото.

В полной темноте наощупь спускаюсь во двор. Шенки мирно спят, прижавшись к пузу рыжей собаки...

06. 08. 2017.

Я смотрю на его изуродованную лапу и вдруг понимаю, что безнадежно проигрываю эту бессмысленную схватку со смертью. Лапа кровит. Безумная мать лижет изуродованную лапу, сдирая тонкую нарастающую кожу, и не даёт ей зажить. А значит, рано или поздно там поселится инфекция, и это будет концом, а я, скорее всего, буду уже далеко и никогда об этом не узнаю. Эх, мне бы ветеринара! Хорошего ветеринара, как доктор Волков, который смог вытащить с того света разорванного питбулем пса.

Я опять выхожу в гугл, но на этот раз открываю карту «ветеринары»: ближайший ветеринар находится в Дженгжоу примерно в полутора часах на машине. И ведь там придётся как-то объясняться...

– Томми, – говорю я, – у тебя ведь есть китайские карты в телефоне, и ты можешь печатать по-китайски, посмотри, есть ли ветеринары где-нибудь рядом?

Я ухожу в винный магазин, а заодно в банк. У меня зреет план, для которого требуется три бутылки вина и тысяча юаней.

В этот вечер я надираюсь со студентами и, когда они доходят до нужной мне восторженно-веселой кондиции, излагаю им свой план. План прост: в обед, когда Мр. Ян и иже с ним уходят на сиесту, мы потихоньку берём шенка и отвозим к ветеринару. Если ветеринар согласится наложить швы, то лапа заживет, и шенок сможет выжить. Мне нужна помощь Томми, который неплохо говорит по-китайски, чтобы объясниться с ветеринаром. Я не знаю, сколько это может стоить, но, если счёт выйдет за тысячу, я по-быстрому сбегая в банк.

07. 08. 2017, понедельник.

Утром в понедельник приходит ответ из ЦДЦ: они очень сожалеют, но Китай является эндемическим регионом бешенства. Ввоз непривитых животных оттуда строго запрещён. Безопасность населения Соединенных Штатов является приоритетом ЦДЦ. И далее в таком духе.

Понедельник выдает пасмурным, серые обложные тучи нависают над станцией. Мр. Ян накрывает ящики брезентом. К обеду начинает накрапывать дождик. Я сперва хочу переждать, но не выдерживаю, прошу Томми взять зонтик, сажаю шенка в рюкзак, и мы тихо выскальзываем за ворота станции. Обычно рядом с воротами дежурит несколько такси в надежде подобрать случайных клиентов, спешащих домой на сиесту, но сегодня на улице пусто. Мы пытаемся голосовать, но никто не хочет подбирать двух иностранцев, жмушихся под одним зонтом. Наконец нам удаётся тормознуть машину, и Томми пускается в географические объяснения с пожилым таксистом. Шофёр, похоже, не знает город или не понимает Томми. Мы тычем в телефон, показывая ему карту, но он жалуется на слабые глаза и просит нас просто показать, куда ехать.

Угораздило же поймать машину со слепым шофёром... Томми включает навигатор, мы едем куда-то за город по пустым серым улицам. Дождь усиливается, мы петляем по замусоренным улочкам между заброшенными стройками и огородиками с жидкой растительностью. Наконец навигатор утверждает, что мы прибыли на место.

Таксист тормозит около длинного цементного забора, я бегу к клинике, бережно придерживая рюкзак со шенком. Но клиники нет. За забором стоит покинутое здание с выбитыми окнами, с забытыми стройматериалами вокруг. Мы уныло шлёпаем под дождём к автобусной остановке, пытаюсь снова поймать такси. Второй ветеринар отмечен на карте на противоположной стороне Шендженга. Я уже не надеюсь, что там будет ветклиника, но мы все же решаем проехать туда.

На этот раз такси привозит нас в район плотной городской застройки и высаживает возле киоска с табличкой «Ветеринары». В узком дверном проёме стоит суровая пожилая женщина в фартуке, преграждая вход в клинику. У неё густой южный акцент, и Томми понимает её с трудом.

– Вот, шенок, – говорит ей Томми.

– Вижу, что шенок, что надо?

– Лапа вот, может, посмотрите?

– И давно?

– Да с рождения.

– А что только сейчас привезли?

– Ну, вот так... можете зашить? – я показываю жестами стежки.

– Нет, зашивать это нельзя. Могу дать лекарство. Будете брать?

– Сколько?

– 2 юаня.

Я отсчитываю деньги. На мою ладонь опускается баночка с йодом:

– Мажьте три раза в день.

На улице льёт дождь, и наша спасительная операция подходит к бесславному концу. «Ватка с йодом, ватка с йодом», – как в анекдоте про врачебный обход:

– Что у вас?

– Геморрой

– Ватка с йодом! А у вас?

– Тоже геморрой.

– Ватка с йодом, а у вас?

– А у меня горло болит.

– Ватка с йодом.

– Доктор, попросите медсестру, чтоб она ватку меняла!

Ватка с йодом – это всё, что может предложить нам местная ветеринария... Где ты, доктор Волков?

08. 08. 2017, вторник.

После утреннего дождя светит яркое солнце. Шенки охотятся за штаниной мистера Яна. Они гурьбой цепляются за штанину зубами. Я решаю посвистеть, как Мр. Ян, когда подзывает шенков. Из-под шифера сразу высовывается маленькая пушистая головка, и шенок начинает ползти ко мне, но застревает между кусками шифера. Он пугается и отчаянно начинает рваться изо всех сил ко мне, застревая всё глубже. Я бросаюсь на помощь и бережно освобождаю его дрожащее тельце из кучи шифера. Это будет самый верный пёс, когда вырастет. Самый добрый, верный и надёжный пёс, который будет готов отдать за меня жизнь.

– Wash your hands, – говорит подошедшая сзади Шен Хиаофан. – Возишься со шенками – руки мой...

– Спроси мистера Яна, не может ли он подарить мне этого трехлапого шенка? – невольно вырывается у меня. – Я хочу оставить его себе и забрать в Америку.

– Мр. Ян хочет подарить тебе здорового шенка, зачем тебе больной? Бери любого здорового.

– Он вовсе не больной; просто у него три ноги. Его зовут Трипод, по-китайски Динг, а пока он мелкий – Хиао Динг. У меня будет пес с задним приводом, а когда я приделаю ему колёса, он будет рассекать по дорогам не хуже мерседеса.

В аптеке в обмен на пантомиму про пораненный палец и перевязку мне выдают бинт и моток пластыря. Решительно забираю Трипода с улицы и устраиваю ему тёплую ванну в остывшей кипячёной воде. Чистый Трипод с обмотанной бинтом и пластырем лапой, обожравшись бульона из пакетика, сладко спит на моём махровом полотенце. Отдавать матери его больше нельзя... Интересно, можно ли поить трёхнедельных шенков коровьим молоком?

Опять выхожу в гугл: «Можно ли кормить трёхнедельных шенков коровьим молоком?»

Откуда берутся все эти умники, дающие ответы в гугле? Вот мадама из Алабамы пишет: «Пойдите в любой зоомагазин и купите специальную молочную смесь для шенков». Стала бы я задавать подобные вопросы, если бы у меня был любой зоомагазин!

Но выхода нет, впрочем, нет и коровьего молока. Есть целый ящик коробочек с пармалатом. Пармалат – это такое специальное суперпастеризованное молоко, которое не портится без холодильника и в закрытых коробочках может храниться годами. Мне кажется, что по вкусу он совершенно не отличается от молока. Однако люди, которые любят молоко, говорят, что той незначительной разницы во вкусе, которая всё-таки есть, достаточно, чтобы сделать пармалат совершенно несъедобным.

Каждый год, когда я приезжаю в Китай, директор станции покупает для меня ящик пармалата. Каждый год, получив ящик пармалата, я пытаюсь объяснить, что русские (или всё-таки американские?) антропологи работают исключительно на кофе (до полудня) и на пиве (после). Ящик пива, впрочем, он мне тоже покупает.

Решено: Трипод будет есть пармалат.

Всю ночь Трипод скулит, не давая спать ни мне, ни студентам, и просится назад к своим братьям и сёстрам. Я кормлю его пармалатом и бульоном и думаю, стоит ли его мучить. Завтра от этого пармалата начнётся понос, это будет началом конца. Ему лучше с братьями и мамой. Пусть в грязи, и пусть это ведёт к гибели. Но те несколько дней, что у него остались на этой планете, не лучше ли провести ему со своими собратьями? Не слишком ли много я на себя взяла, да и зачем?!

Иногда, наблюдая за людьми на станции, я придумываю переводы их диалогов.

Вот, например, с утра старенький сторож приташил за шкурку крошечного котёнка и беседует с мистером Яном.

– Зачем нам ещё и котёнок? – спрашивает Мр. Ян.

– Ну так это, хранилище же пустует. Шенки-то все повзросли. Давай опять кошками заселять.

Действительно, в прошлом году на каждом стеллаже со скелетами жило по кошке. Они сидели в коробках и надменно смотрели на меня сверху вниз, когда я приходила за скелетами.

Кухарка брезгливо наблюдает за тем, как мистер Ян возится со шенками.

– Возишься всё с ними, окаянными, лучше б мне луку почистил, чем это ты их мажешь-то? – спрашивает она брезгливо

– Да вот, грибок у них. От грибка мажу, – говорит мистер Ян.

– Грибок! Мы все тут от них перезаразимся!

– Ничо, Марианна, – отвечает он, – если ты заразишься, и тебя намажу. И Мр. Ян начинает бегать за кухаркой с тубиком мази.

Мазь его, по-видимому, совершенно бесполезна: грибок не проходит, а зоны поражения, несмотря на все усилия Мр. Яна, продолжают расти. Тем не менее я прошу мистера Яна смазать маленькое лысое пятнышко на боку Трипода своей мазью. А дома в Нью-Йорке у меня есть отличный шампунь от грибка, которым я мыла Мурку, когда принесла её с помойки. У неё кровил нос, были большие залысины на шее и какая-то гадость в ушах. Ну что мне стоило привести в Китай противогрибковый шампунь?!

Понимаешь, какое дело, Шен, – говорю, – я не могу забрать шенка, пока ему не исполнилось четыре месяца. Можно устроить так, чтобы он здесь у вас пожил до ноября? В три месяца ему надо будет сделать прививку от бешенства, а в ноябре я приеду и заберу его... Надо только ему какую-нибудь конуру организовать.

– Да пожалуйста, без проблем, – говорит Шен. – Вот клетка пустует, посадим его туда.

Около забора стоит небольшая ржавая клетка. Я представляю, как Трипод будет в ней сидеть три месяца и звать меня...

Лёжа на фанерной кровати, я думаю, что за пару дней до отъезда надо будет начать приучать его к клетке, чтобы ему было не так страшно, когда я уеду. Закупить много шенячьего корма в магазине и оставить мистеру Яну, чтобы тот мог кормить Трипода. Будет ли он делать ему перевязку лапы? Сможет ли мой шенок продержаться в этой клетке три месяца? Мой маленький Трипод мирно спит на махровом полотенце в коробке у меня под кроватью. Я включаю телефон и снова выхожу в гугл.

«Ветеринарная лечебница в Дженжоу» – почти безрезультатный поиск. Должны же быть в этой стране нормальные ветклиники! Как насчёт «Ветеринарная клиника, Пекин»? Ну вот, совсем другое дело! Первым номером находится англоязычная веб-страница клиники с телефоном и e-мейлом. Быстро набираю сбивчивый e-мейл про шенка и его лапу и засыпаю.

09. 08. 2017.

Трипод будит меня в пять утра. Он требует есть и гулять. Он уже усвоил, что лужа в коробке чревата мокрой подстилкой, и требует, чтобы я его выгуливала. Пока он прыгает по двору и пристраивается завтракать к брюху матери, я быстро просматриваю e-мейлы, не особо надеясь на ответ из пекинской клиники. Интересно, они что там – не спят? Полшестого утра, а от них уже ответ!

«Dear Kate, look like your puppy needs an amputation surgery. We have several veterinarians in our clinic experienced with complex surgical procedures. When would you be able to bring your puppy to Beijing? Could you please let us know your phone number so that we could discuss the details and answer a few questions below» – «Дорогая Катя, похоже, твоему шенку нужна операция. У нас в клинике работает много опытных хирургов. Когда вы сможете привезти шенка в Пекин? Пожалуйста, дай нам свой телефон, чтобы мы могли обсудить детали, и ответь на ряд вопросов внизу».

10. 08. 2017, четверг.

У меня не хватает времени, чтобы отвезти Трипода в Пекин. Мой самолёт в Америку в понедельник, а для поездки в Пекин нужно разрешение на перевоз шенка без прививки, без которого его не пустят в самолёт. Разрешение это нужно запрашивать в специальном правительственном офисе в Дженжоу, который работает (как и всё правительственное в этом мире) с девяти до трёх по будням с перерывом на обед. Нужен ещё специальный контейнер для перевозки собак, который, непонятно где, можно приобрести.

– Моя мама работает в компании по производству дверей, – рассказывает Ольга, – а отчим – с асбестом. Только они не обычные двери производят, а для очень богатых людей или гостиниц типа Хилтон, где нужны двери красивые и с литьём. Бывают совершенно безумные заказы. И мама придумывает, как их реализовать.

– Какие безумные?

– Ну вот, например, недавно был очень богатый клиент, очень... он себе в особняк двери заказывал. И захотел, чтоб все двери... как бы тебе объяснить... Если ты присмотришься к металлу, у него всегда есть структура, полосочки такие параллельные. Их видно, только если совсем близко или в лупу рассматривать. Так вот, он захотел, чтобы вместо этих полосочек были изяшные крошечные завитки. То есть он захотел, чтобы для него поменяли структуру металла. Это ведь невозможно! Так моя мама договорилась с французской фирмой-поставщиком, чтобы ради неё разработали новую технологию изготовления металла с завитками.

– Завтра у тебя доклад в институте, – сообщает подошедшая Шен Хиаофан. – Нужно название, фотографию и текст для перевода.

– Когда?

– Прямо сейчас. Ну, текст можно попозже, но название и фотографию прямо сейчас.

Когда она уходит, я, наконец, вспоминаю, что стоит захлопнуть разинутый рот, беру сумку и ухожу за бутылкой вина.

11. 08. 2017, пятница.

С утра пишу доклад, отсылая готовые параграфы Шен Хиаофан для перевода.

Трипод начинает жалобно скулить в своей коробке.

– Друг, мне работать надо, понимаешь? – говорю я ему.

Но он отказывается оставаться один. Побегав несколько минут по комнате, приходит ко мне под кровать, укладывается на мою грязную рубашку и мирно засыпает.

Что же с тобой делать, дружок? Как же нам с тобой пробиться в Пекин? Я с остервенением стучу по клавишам, периодически отхлёбывая пиво.

В полдень поручаю студентам кормить и выгуливать Трипода, и мы все, то есть я, Др. Фан, Шен Хиаофан и мистер Ян в качестве шофёра грузимся в экспедиционную машину. От Шиндженга до института археологии, который находится в провинциальной столице Дженгджоу, примерно час по хорошей дороге. Др. Фан начинает меня расспрашивать про мои планы на Трипода. Он обзавёлся «вавилонской рыбкой» – приборчиком, в который можно говорить по-китайски, а она синхронно говорит на английском. Проблема в том, что моего русского акцента достаточно, чтобы «вавилонская рыбка» меня совсем не понимала. Поэтому нам на помощь приходит Шен. Я сокрушаюсь о том, что совершенно непонятно, как довести Трипода до Пекина. В самолёт нужно разрешение, а в поезд вообще не пускают.

– Да возьми ты машину, – вдруг советует Др. Фан.

Действительно, почему бы нет? До Пекина часов семь. В конце концов, я рулила по серпантинам Испании, по безумным левосторонним дорогам Австралии и Новой Зеландии, неужто я не справлюсь с дорогой в Китае? Навигатор надо только раздобыть на английском и подзарядку в машину.

На докладе я могла бы с таким же успехом танцевать джигу. Я не читаю с листа, и мой текст начал стремительно расходиться с переводом Шен Хиаофан. Несколько археологов из аудитории, понимающих по-английски, начинают хором помогать Шен. Я пытаюсь пантомимой изобразить статистический анализ, все смеются, и доклад плавно переходит в банкет.

12. 08. 2017, суббота.

Из ветеринарной клиники приходит оценочный счет: операция, медосмотр, прививки, содержание в течение трёх месяцев. Я быстро пролистываю к концу, чтобы прочесть приговор. В конце жирным шрифтом указана сумма. Бывают в нашей жизни такие суммы, у которых в конце стоит один лишний нолик. Этот нолик делает их абсолютно неподъёмными. Без нолика эту сумму можно было бы представить, напрягшись, поскребя по сусекам, затянув пояс. Но добавили к сумме нолик в конце – и она стала совершенно недостижимой. Таких денег у меня просто нет, нет и не может быть, и взять их неоткуда...

Я пишу в Пекин отчаянный e-мэйл, что у меня нет таких денег. Может быть, без операции или я дошлю позже, но клиника молчит. Надо что-то решать. Остаётся три дня до отъезда. Времени совсем мало.

Я ворочаюсь с боку на бок, потом сдаюсь и включаю телефон. Где взять деньги? Я не умею просить в долг, да и не успеет никто перекинуть деньги в такой короткий срок. Есть ещё кредитки, если, конечно, клиника берёт американские кредитки.

Взяв на лето дополнительный класс, мне удалось немножко расплатиться с одной из кредиток. Быстро ввожу пароль ситибанка и просматриваю доступную мне кредитную линию, потом выхожу в Чейс, суммирую, перевожу сумму с лишним ноликом в доллар. Похоже, должно хватить... сумма очень близка к той, на которую я могу ещё влезть в долги, очень близка, а ведь надо ещё менять билет.

Я решаюсь на подлость и пишу: «Мама, я застряла в Китае. Если можешь, вышли деньги». Мысли, наконец, отступают, и я проваливаюсь в сон. В коробочке под моей кроватью, уютно свернувшись на моей рубашке, посапывает Трипод.

13. 08. 2017, воскресенье.

Всё воскресенье Трипод пребывает в радостном возбуждении. Отъевшись на собачьем корме и пармалате, он отказывается спать, требует, чтобы его вывели погулять. На улице он начинает гоняться за своими братьями, расталкивает сонную сестру, охотится за хвостом своего отца. Когда Додо выходит покормить шенков, он первым набрасывается на её переполненные соски и начинает жадно сосать. В этот момент приходит машина. Я отрываю его от матери, сажаю в бордовый саквояж в белый горошек, хватаю рюкзак с кормом, и мы уносимся в направлении Северной столицы.

Просыпаюсь оттого, что машина остановилась. В лицо светит прожектор. За окном темень и лёт дождь, сквозь который различимы фигуры людей в камуфляже и касках с автоматами на шее.

Я быстро застёгиваю сумку. Трипод, внезапно проснувшись, начинает скулить.

– Что это? – спрашиваю я Томми.

– Пограничный контроль между Хенаном и Хебеём.

Водитель показывает свои документы пограничнику через окно. Его спрашивают, кто у него в машине:

– Американцы.

Нас просят выйти из машины и предъявить документы; водитель открывает багажник, Трипод в застёгнутой сумке начинает скулить громче.

Я понимаю, что сейчас его найдут... Найдут шенка без документов о прививке и разрешения на пересечение границы. Что тогда? Нас развернут? Или просто отберут шенка, и я больше никогда его не увижу?

Изобразив самую американскую улыбку, на которую только способна моя русская физиономия, и размахивая развёрнутым паспортом, как гранатой, я выскакиваю под дождь.

– Во мен ши меигуорен! – кричу я. – Во мен цонг Женгжоу чу заи Бейинг, кан кан Бейинг! – пускаю в ход весь доступный мне китайский.

Трипод скулит всё громче. Сейчас его найдут.

– Жо ши во де хужао! Во мен ёуке; во мен ёуке де Меигуо, – кричу я, стараясь заглушить его скулёр. – Шен заи, во мен чу кан кан Бейинг, – стараюсь я.

Пограничники осматривают багажник, на секунду заглядывают в салон и разрешают ехать. Садясь в машину, думаю, что второго пограничного контроля я просто не переживу.

– Томми, спроси водителя, будут ли ещё пограничные контроли по дороге в Пекин?

– Вроде не должно быть. У нас машина с пекинскими номерами; так что не должны больше останавливать.

В гостинице шенок радостно носится по комнате. Он утаскивает носки из чемодана Томми, разбрасывает их под диваном, потом съедает целый пакет кошачьего корма и просит, чтобы я пустила его обратно в сумку, где он, наконец, сворачивается клубком и сладко засыпает.

На следующее утро в кабинете у ветеринара Трипод так нервничал, что медсестре только с третьей попытки удалось посчитать его пульс. Его заботливо осматривают,

мажут мазью, подробно рассказывают про операцию, после чего дают подписать ворох бумаг.

Регистраторша увлекает меня за собой, показывает, где вымыть руки, и поит меня чаем. Она говорит мне много правильных слов: про то, что я учитель с большой буквы, что своим поступком я научила всех ценить жизнь... Я прошу ее об одном, чтобы никто из моих коллег никогда не узнал, сколько стоил этот урок.

Потом машинально выхожу и вдруг понимаю, что даже не попрощалась с Триподом.

Какой я, к черту, учитель? Я всего лишь старый алкоголик с расшатанными нервами, и счёт со временем давно не в мою пользу.

Я иду по китайскому Сохо, думая, что хорошо бы раздобыть бокал вина. Потом я думаю, что надо экономить деньги, думаю, что деньги, сэкономленные на бокале вина, меня не спасут, думаю, что, пожалуй, стоит купить два бокала...

На вокзале рядом с окошком для иностранцев мужик с надписью на футболке «Я покорил Анапурну» слёзно просит проводить его до поезда, потому что вокзал большой, и самостоятельно он его не найдёт. Сдавшись, кассирша пишет ему на бумажке китайскую фразу: «Пожалуйста, помогите мне найти поезд...». Я беру билет, пью кофе в зале ожидания, покупаю Акиму на все оставшиеся деньги игрушечный поезд, который ездит, мигает лампочками и громко говорит на китайском: «Осторожно, двери закрываются». Потом я мчусь на поезде со скоростью 300 км/ч в сторону Дженгжоу.

На вокзале меня встречает Mr. Ян на экспедиционной машине. Вооружившись «вавилонской рыбкой», он говорит, что тронут моей любовью к животным, и приглашает поехать в гости в его далёкий родной город Санменхиа. Я пытаюсь отвечать, но «рыбка» по-прежнему меня не понимает. Тогда он спрашивает, люблю ли я музыку, и начинает петь старинные китайские песни. Я думаю, не спеть ли мне ему интернационал? Принимая во внимание мой музыкальный слух, петь мне стоит только мысленно. Но я люблю петь громко, во весь голос, и моё пение всегда вызывает у окружающих желание покурить. Я спрашиваю Mr. Яна, курит ли он. Внезапно девятый вал усталости накрывает меня и уносит прочь.

Мой крошечный шенок остался в Пекине, его тоненькие лапки, маленький бессмысленный пальчик на задней ноге и пушистая головка.

Время ускоряет ход и привычно устремляется из будущего в никуда...

Когда я училась в аспирантуре, у нас преподавал профессор Гарднер. Однажды врачи обнаружили у него лимфому и сказали, что жить ему осталось всего месяц. Тогда он всё бросил, вышел на пенсию и сел дописывать незаконченную книгу. Когда через год он её закончил, врачи опять предсказали ему всего месяц, и он сел за вторую. С тех пор прошло больше 15 лет. Профессор Гарднер опубликовал множество книг и, кажется, жив по сей день...

Я еду в Китай, чтобы узнать окончание своей истории. Я уже придумала окончание, но оно ещё не произошло. Окончание должно быть таким:

За семью горами, за семью морями в Северной Америке – ноябрь. Идёт первый снег. Мы сидим вокруг костра и пьём красное вино. Рядом со мной сидит большой рыжий пёс, положив морду на единственную переднюю лапу. Он смотрит на меня сочувствующим взглядом и лениво виляет хвостом.

Место, не попавшее на карту

Поэма

Икром ОТАМУРОД

*Эй, человек! Зачем ты пришёл в этот мир,
и кто создал для тебя этот чудесный мир?
В чем твоё счастье?*

Газзали

...На стене в старом коридоре висит карта, оставшаяся от деда...

* * *

Мудрец, ты создал карту,
разделил мир на континенты и страны,
окрасил их особым цветом,
наполненным особым смыслом.

Черные-черные горы,
синие океаны,
зеленые леса,
желтые пустыни...

некоторые страны величественные и большие,
другие – как узкая дорога.
Обозначены контрастными цветами,
имеющими свой смысл, цель и намек.
Карта – мир, изображенный в цвете.
Карта – смысл, живущий в цвете.

Мудрец, создавший карту,
к тебе одна просьба:
добавь еще одну деталь
где-то в центре карты,
и цвет чтоб был ярким, наверно,
о ней, видно, просто забыли...
место, не попавшее на карту,
нарисуй в виде сердца...
Мудрец... создавший... карту...

Икром ОТАМУРОД. Родился в 1951 г. в Кашкадарьинской области. Окончил ТашГУ. Работает в журнале «Шарк юлдузи». Автор 13 поэтических сборников. Его стихи переведены на русский, английский, немецкий, арабский, французский, азербайджанский, персидский и др. языки.

Мир – большая улица,
на большой улице,
на стене старого коридора
повешена старая карта, которая
досталась от деда...
...а рядом с ней открывается мир...
Мир – большая улица.
Вдоль улицы – деревья
с опадающими листьями,
листопад... шемит душу.
Мир – большая улица,
На этой улице
грустный человек ищет
свою надежду, будто
потерянный кончик нити в старом клубке,
не может он развязать узел,
бессилен,
безысходность терзает его, бесконечные думы.
Мир – большая улица.
На большой улице
плоды небесных слез:
океаны, моря, реки, озера.
Реки текут,
иногда бушуют, иногда послушно,
и тихо катят воды...
Мир – большая улица.
На большой улице
пылает огонь,
не ведая, что впереди –
милость или немилость,
уничтожая и в пепел все превращая.
Мир – большая улица.
На большой улице
Начало событий, конец событий.
Всякое событие в своё время важно,
последующие события рождая.
События сменяют друг друга,
и новое всегда надменно
теснит прежнее, уже
свершившееся
и быстро забытое.
Но есть одно главное, из прошлого идущее,
оно не мельтешит, не машет
руками, не забегает вперед,
знает себе цену. Это – сердце...
Мир – большая улица.
По большой улице
в летней легкой одежде,
не обращая ни на что внимания, мчится время,
рушатся, как стены,
великие державы,
громадные троны, короны,
вечные крепкие пирамиды...
Время безжалостно и безразлично к ним,
и только сердце готово заступиться за них...
Мир – большая улица.
На большой улице,
на стене старого коридора висит старая карта,
которая досталась от деда...
...а рядом открывается мир...

* * *

Неутомим в своих желаниях
и поисках человек.
Тратит себя на мелочи,
не понимая, зачем ему это,
пробирается по узким тропинкам,
как страстный охотник.
Удивительно... интересно... о боже,
почему человек не ищет сердце своё никогда?!
...Ведь важнее всего свое сердце найти,
важно – сердце найти...
...Важно – сердце свое и себя отыскать,
И пусть совесть твоя, как светильник,
освещает твой путь.
Тогда станет твоим другом бывшее,
тогда враг твой станет другом твоим.
Расцветет родной край твой с тобой,
цель твоя и задача –
сердце найти и любовь.
Помоги тем, кто нуждается,
кто в горе, печали, кто страдает в беде.
Никогда не жди добра от недоброго,
надейся на себя.
Ты сам себе враг, сам себе друг.
Возьми на себя заботы родины, проникнись горем народа,
страданием безжалостного времени!
Помни главную заповедь:
Человек без сердца – не человек,
нет совести – он будто в воздухе висит или в пустыне.
Через испытания надо сердце обрести, через боль найти душу.
Сердца родник откроет учение,
через страдания истина жизни придет.
Важно – сердце найти,
и совесть твоя, как светильник,
будет твой путь освещать.
Станет тебе все бывшее понятно,
другом твоим станет враг.
Важно – сердце искать,
важно – сердце найти.
...Важно – чистую цель обрести.
Желанья расцветут, как гусиный лук,
жаворонки возвратятся из пустыни,
ты придешь на помощь человеку,
не попрекая и сочувствуя ему.
Важно сердце найти,
важно сердце искать...
...Важно людей не обидеть,
на беды все их отзываться.
Важно рядом всегда находиться,
если надо – помочь,
объяснить и простить...
...Важно – сердце искать,
важно – сердце найти...
...Важно людям быть нужным.
Когда обнимают нежно,
провожают и ждут с нетерпением,
тоскуют, скучают –

приятно душе...
...Важно – сердце искать,
важно сердце найти...
Сердце, подобно солнцу за тучами,
своим теплом согреет всех,
защитит от тревог,
от дождей и снегов,
от злобной зимы...
Важно – сердце искать,
важно – сердце найти...
...Душа распрямляется, поднимается вверх,
Рвется в просторы небесные.
Она возрождается,
поднимается выше гор!
Не реагируй на мелочи,
сердце своё сохрани,
чувства свои береги...
...Важно – сердце искать,
важно – сердце найти...

* * *

Избегай коварных и хитрых,
обманщиков злых,
их жалкие души
непонятны и чужды самим им.

Они, будто реки без русла,
готовы в любом направлении течь.
Их души – чужие самим им
и непонятна другого душа.

Без устали блудят путями обмана,
им правда опасна и не нужна.
Их души – чужие самим им,
и непонятна другого душа.

Кто цену не знает себе – тот ничтожен,
он ищет лишь выгоды, пользы себе,
о душе он не помнит, не ищет,
она непонятна ему и чужда.

О чести толкует, а сам без стыда
обманом живет и злодейством.
Его же душа непонятна ему и чужда.
По сути, она только в тягость ему – не нужна.

Цель его – всех обмануть, обогатить
и погубить молодые надежды.
Душу свою он не может найти и понять,
по сути, она только в тягость ему – не нужна.

Избегай коварства и лжи
обманщиков, хитрых злодеев.
Их жалкие души
непонятны и чужды самим им.

* * *

Дочь сатаны – ненасытная вздорная страсть –
 незаметно и тихо пленит человека,
 и нет ничего, чем она не владела б,
 нет места, где б она не побывала.
 Быстры руки ее, ноги, язык.
 Ходит по свету, раны наносит, чарует.
 Ставит ловушки, сыплет хитрость и ложь.
 Плутни, происки, зависть, интриги,
 вражда, заговор, сплетни, скандалы –
 вот плоды ее происков злых.
 Человек, что когда-то пред ней спасовал,
 говорит, что влечет его страсть прямо в ад,
 там в аду он горит, молясь сатане.
 А поддержит его только тот, кто страдал.
 ...Страсть – большая беда.
 ...Страсть – адский огонь.
 Потому-то и рушатся страны, гибнут народы,
 создаются новые карты, новые кодексы,
 правила, карты, в которые не попала душа...
 «Моя душа заставляет гореть, как в огне...»
 Страсть губит, съедает все: совесть, веру, честь, волю и ум.
 Страсть, громоздкая, сильная, губит, ломает все...
 «Моя страсть, как беда, заставляет гореть, как в огне...»
 ...Страсть – упрек, любит лезть, лицемерие, месть.
 Многословия, выгоды ждет от всего.
 (Маска – самый удобный способ скрыть подлую суть...)
 «Моя страсть, как беда, заставляет гореть, как в огне...»
 Страсть – злая собака, пожирающая летающих птиц...
 «Моя страсть, как беда, заставляет гореть, как в огне...»
 ...Страсть – камень, который бросают в деревья, сбивая плоды.
 «Моя страсть, как беда, заставляет гореть, как в огне...»
 Страсть гоняется за своей тенью, мечтает поймать
 свою тень, но, увы, не может сбыться это никогда...
 ...Человек, когда-то отдавшийся страстям, повторяет:
 «Моя страсть, как беда, заставляет гореть, как в огне...»

* * *

Проклятие мира – страсть, крик души,
 Проявление страсти – тайна души.

Страсть – многоликий хамелеон.
 Душа – главное достоинство бедных.

Страсть – стремление к славе, богатству,
 Душа – достоинство скромных людей.
 Страсть преходяща, как слава и деньги.
 Душа – Божий подарок навечно.

Страсть – обман и ложные клятвы,
 Душа – залог верности и чести человека.

Страсть всегда корыстолюбива,
 Душа доверчива и простодушна.

Проклятие мира – страсть, крик души,
 Проявление страсти – тайна души.

* * *

Великий творец, укажи нам дорогу, будь милостив,
снизойди к человеку: он слаб и беспомошен.
Непонятно, чем занят и для чего
делает то, что неясно другим, но терпят они, чтоб не обидеть его.
...Хочешь его поддержать в разговоре, помочь, творишь добро,
а он не поймет и смеется.
Горек тот смех, неприятен, зол.
Поганый характер, ужасны поступки.
Черное сердце злословит, клеветает,
живет в темноте, подобно зверьку,
ему отвратителен мир, свет луны...
О боже! Не знает покоя, зло сеет и сплетни,
завидует, гадит, не зная границ.
Всегда недоволен домашней едой, завидует супу соседа.
Жалеет одежду и носит рвань,
в глаза лебезит,
за глаза всех поносит.
Родными и домом не дорожит.
...Великий творец, будь милосерден!
Укажи дорогу, помоги слабым людям, не понимающим
странных вещей...

* * *

Если душа исковеркана, рушится мир,
родные чужими становятся, нежность, любовь исчезают.
Дураков – на почетное место, прочь мудрецов,
ложь становится правдой, а правда бессильна.

Вместе кушают хлеб, но стараются друг другу навредить,
льстят в глаза, за глаза все злословят.

Высокопарно о правде толкуют,
но справедливость дешевой разменной монетой идет.

Втайне клеветают на храбрцов.
Подлость ходит с гордо поднятой головой.
Совесь свою продают, стыд забывают,
нет святого у них ничего.

Рухнет, как здание, внутренний мир,
и не останется места душе.
Если душа исковеркана, рушится мир
родные чужими становятся, нежность, любовь исчезают.

* * *

Очень много вопросов,
Будто дождинок.
Ответы важны,
Путь к сути они.
Если вопросов так много,
Значит, нужны ответы,
Значит, есть нужда в этом.
В бутоне кроется цветок,
В вопросах кроется
истина.
Исчезнет занавес лжи,
Восторжествует правда сладкая.
Если вопросов так много,

Исчезнет грязная зависть,
Подлый предстанет
Пред правдой,
Дрожа, хоть и был на высоте.
Если вопросов так много,
Чувства рождаются светлые:
Слышен шепот листьев,
Чувствуется аромат цветов.
Если вопросов так много,
Родится стремление, цель,
Ожидание и тревога.
Если вопросов так много,
Рождаются новые чувства,
Совесь рождается в сердце.
Если вопросов так много,
Как много дождинок,
Ответ очень важен,
К истине, правде ведущий.

* * *

Если кто-то думает, что он единственный
В мире, что он самый сильный,
Что он есть опора мира,
Он исключительный, особый.

Он глубоко ошибается,
Это признак невежества.
На самом же деле это момент, когда
Человек стал рабом своей страсти.

Разлучился с душою, значит,
Отдался во власть невежества.
Что уничтожит веру,
Искоренит добро.

Плохо быть в разлуке с душой,
Без нее гибнет человек,
Оказывается во власти греха,
Исчезает сила духа его.

Поэтому во власти страсти
Сердце – гроб, где покоится измена.
Душа – крик птицы, сердца стон,
Любовь – безмерное терпение.

Не зная, что значит священный цветок,
Рыщет страсть по свету всюду,
А душа томится, грустит,
Мир свободы – это сам Бог.

Кто раб страсти, у тех
Слепая душа и глаза слепые.
Свободны лишь те, у кого душа – Родина,
Кто обрел свою душу – свободен.

* * *

Эй, человек, твоя цель – путешествие,
Ты желаешь весь мир познать.
Ты этим живешь, это – твой труд,
Твоя обязанность и забота.

Видел ты многие страны – малые и большие,
 Летал в небесах, бороздил океаны,
 Диковинные машины помогали
 По миру тебе путешествовать. Эй, человек,
 Живущий в суете и шуме, осмотрись вокруг,
 Как одержимый, создаешь для себя ты игрушки,
 Жалко стоишь перед ними, спустившись с коня,
 Остановись, оглядись, посмотри на себя,
 Вслушайся в сердце свое, постарайся постичь.
 Знай, в сердце входят пешком, входят с почтением.
 Голоса за стеной стыдливо затихнут у двери души,
 Открывая объятия, призывая к тиши.
 Ливень быстро проходит, моросит долго медленный дождь.
 Путешествуя, много видишь,
 О мире все больше ты познаешь.
 Но, когда собираешься в путь, начни с сердца – оно самая большая страна,
 Там живут люди, деревья, реки и горы.
 Там чувства живут: вера и верность, гордость, любовь,
 Вечный светильник горит там – душа, которой нет места на карте...
 Самое интересное – путешествие в душу, мимолетно другое, неважно.
 Самое важное место, где ты не побывал, родина надежды,
 Сожаления, печали – душа, которой нет места на карте...

* * *

На стене в старом коридоре висит старая карта, которая досталась от деда...

Мудрец, ты создал карту,
 разделил мир на континенты и страны,
 имеющие свой цвет,
 наполненные своим смыслом.

Черные-черные горы,
 синие океаны,
 зеленые леса,
 желтые пустыни...

Некоторые страны величественные и большие,
 другие, как узкая дорога.
 Обозначены контрастными цветами,
 имеющим свой смысл, цель и намек
 Карта – мир, изображенный в цвете,
 Карта – смысл, живущий в цвете.

Мудрец, создавший карту,
 К тебе одна просьба,
 добавь еще одну деталь
 где-то в центре карты,
 и цвет чтоб был ярким, наверно,
 о ней, видно, просто забыли...
 место, не попавшее на карту,
 нарисуй в виде сердца...
 Мудрец... создавший... карту...

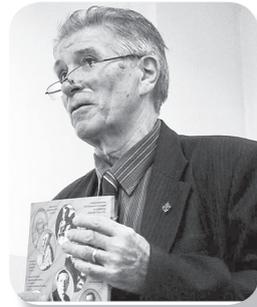
Перевод с узбекского Ойгул СҮЮНДИКОВОЙ

Ойгул СҮЮНДИКОВА

Родилась в 1957 г. Окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве. Автор поэтических сборников «Зумрад томчилар», «Умр куйлари» и др.

АЛЕКСЕЙ БЕНУА

Борис ГОЛЕНДЕР

Расхожее мнение о том, что облик старого Ташкента безвозвратно канул в Лету, на проверку оказывается несостоятельным. В последние годы многие значительные старинные постройки нашей столицы обрели как бы вторую жизнь. Лучшие творения архитекторов бывшего Туркестанского края предстают перед нами со всей наглядностью, отреставрированные государством или частными отечественными и зарубежными фирмами. И мы задумываемся над судьбой тех, кто возводил когда-то эти удивительные здания...

Среди строителей дореволюционного Ташкента особое место по праву принадлежит архитектору Алексею Леонтьевичу Бенуа. Музей династии художников и архитекторов Бенуа находится в дворцовом пригороде Петербурга – в Петергофе. Некогда Бенуа из поколения в поколение служили кондитерами у одной из самых аристократических фамилий королевской Франции – у герцогов де Монморанси. В конце XVIII века предок всех российских Бенуа эмигрировал от ужасов революции в Россию, а его талантливые дети, внуки и правнуки, презревшие спокойную семейную профессию кулинара, сумели на новом жизненном поприще вписать яркие страницы в историю не только русской, но и мировой культуры. Фундамент известности этой семьи заложил профессор Российской императорской академии художеств Николай Леонтьевич Бенуа, который имел звание «архитектора Высочайшего Двора». Скольких живописцев и архитекторов «вывел в люди» Николай Леонтьевич! Покровительствовал он и своему племяннику Алексею Леонтьевичу, окончившему в 1865 году академию со званием «свободного художника».

В мемуарах другого члена этой семьи – художника Александра Николаевича Бенуа – мы находим любопытное свидетельство об обстановке, в которой рос его кузен Алексей:

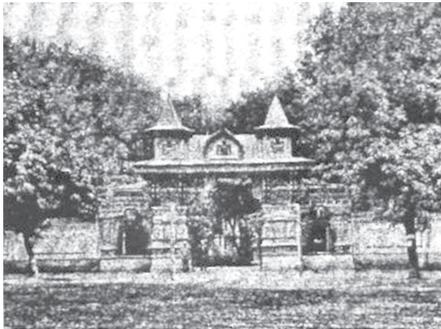
Попадая в дом дяди Леонтия Леонтьевича Бенуа, я оказывался в каком-то ином мире, в эпохе, когда царил Александр I, когда еще в Петербурге памятливы были заветы Екатерины. В самой атмосфере их дома жила какая-то поэзия прошлого. Этому способствовали и мебель, и картины, и даже посуда и лампы.

Приверженность к «поэзии прошлого», воспитанная в отчем доме, вошла в плоть и кровь Алексея Леонтьевича. В процитированных воспоминаниях Александра Бенуа подробно охарактеризованы более шестидесяти представителей знаменитой семьи, но автор почему-то ни словом не обмолвился о своем старшем двоюродном брате-архитекторе. Может, это объясняется тем, что почти половину жизни Алексей Бенуа проработал в далеком от Петербурга Туркестанском крае, а судьба свободного художника на окраине империи не была столь благосклонной к нему, как к его именитым родственникам в столице? Или были какие-то другие причины – кто сейчас с уверенностью это определит? Но труды ташкентского Бенуа несправедливо оказались в забвении.

Борис ГОЛЕНДЕР. Родился в 1947 г. в Ташкенте. В 1972 г. окончил химический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Автор научных работ и 5 изобретений в области химии и технологии полимеров. Научный сотрудник литературного музея С. Есенина в Ташкенте.

Алексей Леонтьевич Бенуа перебрался в Среднюю Азию в июле 1874 года. В то время для архитектора здесь открывалось необозримое поле деятельности. Ускоренными темпами строилась столица Туркестанского края – новый город Ташкент, который должен был занять огромное пустое пространство к востоку от средневековых стен старого города. Генерал-губернатор К. П. фон Кауфман каждому находил интересное дело, часто не обращая внимание на полицейские предписания и анкеты. Даже ссыльные оппозиционеры, народовольцы – и те иногда получали возможность занять видное место в ташкентском обществе. Поначалу был принят на государственную службу и Алексей Бенуа – членом Сырдарьинской строительно-дорожной комиссии, которая руководила всей застройкой нового города, а с апреля 1877 года он был младшим архитектором Сырдарьинской области. Чин, конечно, микроскопический для выпускника Академии художеств и родного племянника «архитектора Высочайшего Двора»! Но и этот чин давал твердый заработок, обеспечивавший свободному художнику сносное существование.

Непосредственный начальник Алексея Бенуа – военный инженер полковник Д. К. Зацепин – почему-то невзлюбил подчиненного ему младшего архитектора и, как говорится, копил на него компромат. Так возникло сохранившееся и донныне в Национальном архиве Республики Узбекистан «Дело о неблагонадежности мл. архитектора Бенуа и увольнении его от службы». Не дожидаясь официального представления, Алексей Бенуа в 1878 году вынужден был подать в отставку.

Входные ворота в Городской сад, сооруженные по проекту А. Л. Бенуа. Фото Я. Окунева. Нач. XX в.

Что ж, и в те времена элементарная черная зависть интриганов мешала жить людям талантливым и незаурядным. Недобросовестные дельцы, мелкие и крупные хищники, расхищавшие казну и создававшие невыносимые условия жизни для честных специалистов, – таких людей было предостаточно в колониальном Туркестанском крае! Они-то и пытались, пользуясь подчиненным положением младшего архитектора Алексея Бенуа, заставить его впустую тратить талант и энергию на руководство ремонтом мелких домишек, на рутинную проверку смет и на прочие незначительные работы, не соответствовавшие призванию и возможностям воспитанника Академии художеств. Но Алексей Бенуа превыше всего ставил творчество и за короткий срок своей официальной службы успел сделать очень многое.

Он совершенствует проект мужской гимназии, активно занимается перестройкой Белого Дома – главного здания дореволюционного Ташкента (резиденции генерал-губернаторов на нынешней площади Мустакиллик), где, в частности, создает парадный белый Георгиевский зал. В это же время А. Бенуа разработал проект двухэтажного дома в классическом стиле для военного губернатора Сырдарьинской области, постройка которого намечалась на месте нынешних ташкентских курантов, но так и не была осуществлена.

Его проекты, тщательно вычерченные и раскрашенные акварелью в характерной зелено-коричневой гамме с прорисованными для масштаба фигурками людей, неизменно отличались изяществом и хорошим вкусом. Было видно, что это работа настоящего художника, стоявшая на голову выше, чем работы его коллег – военных и гражданских инженеров строительного ведомства. Может быть, поэтому, даже потеряв государственную службу, он продолжал активно трудиться как архитектор и свои главные проекты осуществил в качестве частного лица.

В 1881 году Алексей Бенуа приступил к работе над зданием Туркестанской учительской семинарии. Тогда нынешнего сквера Амира Темура еще не существовало, а на этом месте простиралась большая немощеная Константиновская площадь. Вдоль южной границы площади, на конце Петербургской улицы (ныне – улица Матбуотчилар), стоял невыразительный жилой дом полковника К. А. Терейковского. Капитальная перестройка

этого дома заняла несколько лет. Здание семинарии осталось одноэтажным, но приобрело нарядный вид за счет декоративного решения главного фасада с четкой группировкой арочных оконных проемов и входных дверей, вписанных в фигурные наличники. Несомненное влияние традиций древнерусского зодчества на весь ансамбль семинарии стало особенно явным, когда А. Бенуа завершил постройку домового семинарской церкви во имя Александра Невского, освященной 22 ноября 1897 года.

Эта небольшая церковь – один из самых запоминающихся памятников архитектуры дореволюционного Ташкента. В ее облике автору удалось гармонично соединить декоративные возможности из специфического бурого туркестанского кирпича и архитектурные формы, навеянные традициями старинных новгородских и псковских храмов. Пятиглавая колокольня над объемом основного помещения церкви теперь уже не существует, но и в сильно искаженном виде это здание неизменно привлекает наше внимание. Долгие годы здесь был зал заседаний Ташкентского дома техники.

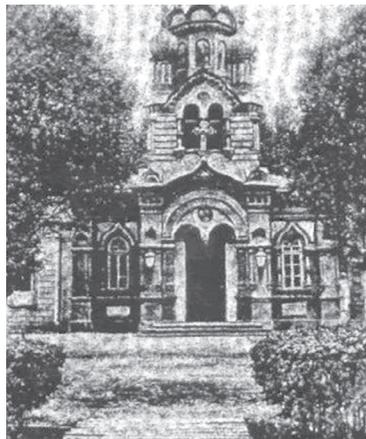
Приверженность Алексея Бенуа поэзии прошлого отлично просматривается и в других строениях, возведенных в Ташкенте по его проектам. В 1889–1890 годах чиновник для особых поручений по строительной части при канцелярии генерал-губернатора В. С. Гейнцельман привлек А. Бенуа к работам по сооружению замечательного дворца для опального великого князя Николая Константиновича (ныне Дом приемов МИД Республики Узбекистан). По проекту А. Бенуа были построены два отдельно стоящих одноэтажных флигеля, из которых западный снесен после землетрясения 1966 года, а восточный сохранился до наших дней на перекрестке современных улиц Сайилгох и Буюк Турон. Каждый может убедиться в великолепном мастерстве и художественном вкусе Алексея Бенуа, внимательно присмотревшись к этому примечательному строению, которое, не повторяя форм основного корпуса дворца великого князя, тем не менее составляет с ним гармоничный ансамбль и в то же время смотрится как самостоятельный памятник архитектуры.

Еще одно творение Алексея Бенуа благополучно дожило до сегодняшнего дня. Это евангелическо-лютеранская церковь (кирха) на бывшей улице Жуковского (теперь – ул. Азимова). Проект ее он разработал в 1892 году, а само здание построено в 1899 году. Храм возведен все из того же бурого туркестанского кирпича, но в совершенно иной традиции – прибалтийской – и тоже, несомненно, является украшением Ташкента.

Перечисленными постройками, конечно, не исчерпывается творческое наследие Алексея Леонтьевича Бенуа. Талантливый архитектор много работал и для других городов Туркестанского края, специалисты выделяют его проекты церковных зданий в поселках Чиназ, Белые Воды, Вревское, жилые дома в Петро-Александровске (в Каракалпакии) и Аулие-Ата (в Казахстане). Им много сделано также для оформления первых Туркестанских выставок. Но с официальным признанием архитектурного мастерства А. Бенуа не везло. Когда по ходатайству дяди-профессора Алексей Бенуа был допущен к экзамену на следующее, более высокое, академическое звание классного художника, высланные ему из Академии художеств документы безнадежно запоздали, так как почта шла из Петербурга в Ташкент почти полтора месяца, и положенные задания Алексей Леонтьевич не смог выполнить в назначенный срок.

Алексей Бенуа умер 25 мая 1902 года в возрасте 64 лет в Красноводске, где тоже построил несколько примечательных сооружений.

О нем остались лишь скупые строчки биографии в энциклопедии «Ташкент» и, главное, – великолепные здания, которые и сегодня составляют золотой фонд архитектурных памятников прошлого в нашем многоликом городе.¹

Домовая церковь св. Александра Невского при Туркестанской учительской семинарии. Почт. открытка изд. З. Хлубны. 1909 г.

¹ Впервые опубликовано в кн.: Голендер Б. Мои господа ташкентцы. Ташкент: Infocom.uz, 2007.

Нарзулло БАТЫРОВ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Повесть

Когда я пришел на остановку в районном центре, автобус, следующий рейсом в Ташкент, уже готовился к отправлению. Народу было полным-полно. Водитель велел мне пройти в середину салона, и я кое-как протиснулся. Перед глазами была Ирина. Прошло уже столько лет, а она до сих пор стоит у меня перед глазами, словно я видел ее только вчера. Я вспомнил, как нес ее на руках, когда мы спускались с гор, как она шепнула: «Я вам хочу сказать кое-что на ушко». Я улыбнулся, мысленно погладил ее волосы.

В Афгане я тоже часто вспоминал об этом. Предавшись сладким воспоминаниям, я не заметил, как подъехали к городу. Когда показались многоэтажные дома, я решил выйти у въезда в город и стал продвигаться вперед. Вдруг кто-то взял меня за локоть. Я взглянул на руку, взявшую меня, и сердце мое гулко застучало. Что это? Сон или явь? Ну и чудеса! Что же происходит? Неужели, неужели это она?! Сколько времени я искал эти руки, эти пальцы! Я не мог оторвать глаз, боясь, что стоит мне шевельнуться, и все исчезнет. Я будто видел сладкий сон и боялся проснуться. От этого прикосновения все мое существо охватило сладостное тепло. Невольно закрыв глаза, я подумал, что если это сон, то скоро все исчезнет, но мой локоть сжали еще сильнее, и я решился обернуться.

– Ира! Ирина! Это ты?! – вырвалось у меня.

Она была и похожа, и не похожа на девушку, которую я знал, которая так долго занимала все мои мысли, все мое существо. Она стала как-то выше ростом, пополнела, лицо тоже слегка изменилось. Она улыбалась своей милой улыбкой. Я просто не верил своим глазам, глядя на лицо, улыбку, на то, как она стоит, слегка нагнув голову к правому плечу, как откидывает голову, стараясь сдвинуть волнистую челку, упавшую на брови. Нежный взор ее прекрасных глаз совсем не изменился, она стала еще красивее, чем раньше, я не мог налюбоваться на нее.

– Узнал? – спросила она дорогим моему сердцу голосом.

Я не смог вымолвить ни слова и, совсем потеряв голову, молча смотрел на нее.

Автобус подъехал к остановке. Выйдя из автобуса, я протянул ей руку. Крепко сжав ее, она легко спрыгнула со ступеньки.

– Не верю! Не верю! – повторяла она, с улыбкой глядя мне в глаза.

Я стоял в полуобморочном состоянии, держа ее за руку, никого и ничего не видел, не чувствовал, что происходит вокруг.

– Что, не узнал, что ли? Неужто я так изменилась? Ясно, что изменилась. Ведь прошло столько лет. Где ты был все это время? – спрашивала она, я же, онемев от волнения, стоял, застыв как статуя.

Нарзулло БАТЫРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил Ташкентский политехнический институт и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ Юлдузи», «Гулхан», «Ешлик».

* * *

Летние каникулы закончились, занятия уже начались. Я немного припозднился, поэтому мне досталась комната на самом верхнем этаже институтского общежития, где-то в самом углу. Мой сосед по комнате еще не приехал, и я принялся приводить в порядок свое жилье. От лучей солнца, бьющих прямо в окно, в комнате было очень жарко. Открыв настежь дверь и окно, я раскладывал на подоконнике книги. Тут кто-то снизу позвал меня по имени. Голос показался мне знакомым. Я выглянул и увидел своего одноклассника Уринбоя. Рядом с ним стояла тоненькая стройная девушка в голубом платье без рукавов. Я сразу узнал ее. Это была соседка Уринбоя. С ее сестрой Ларисой мы учились в параллельных классах, а она – Ира – была на три-четыре года младше. Они учились в русских классах, а мы – в узбекском. Сестры были отличницы и считались первыми красавицами в школе. Их фотографии всегда висели на Доске почета, и все ребята любовались ими.

– Чем ты занят? – крикнул Уринбой. – Сегодня на Комсомольском озере будет карнавал. Пойдешь?

– Да у меня дел навалом, – ответил я.

– Оставь ты свои дела, пойдем на карнавал. Он бывает раз в году. Ира тоже пошла. Ты узнал ее? – спросил он, указывая на стоявшую рядом с ним девушку.

Наскоро одевшись, я спустился с ним. Уринбой был очень весел. Жестикулируя, он что-то говорил Ирине. Я даже позавидовал, что Уринбой так непринужденно беседует с такой красивой девушкой.

Когда-то, в школьные годы, Уринбой был низкорослым, невзрачным мальчишкой. Все называли его Уринча, а русские ребята из его махаллы – Уринчик. Но, поступив в университет, он вдруг сильно вытянулся и превратился в высокого красивого юношу: сухошавого, с прямым носом, пшеничного цвета кожей. Черные, как у лани, глаза светились мягким добрым светом. Прямая осанка, уверенная походка. Вороньего крыла черные волосы коротко стрижены, смеялся он искренне и душевно.

И вот теперь этот самый Уринчик пришел ко мне с одной из самых красивых девочек нашей школы – Ириной Тюликовой.

– Узнаешь? Это же Ира из нашей школы, – улыбаясь спросил он.

– Как это не узнаю, – обиделся я. – Это же Ирина, младшая сестра Ларисы. Помнишь, Ира, как мы играли в шахматы? – сказал я улыбаясь.

– Помню, – ответила Ирина, – тогда вы учили меня.

– Ты два раза подряд выиграла у Зулайхо.

– С вашей помощью, – улыбнулась она, опустив глаза. Она была так мила в этот момент.

– Да не-ет, – сказал я, – ты сама хорошо играла.

– Не заставляйте меня смущаться, – не поднимая глаз, ответила Ирина. – Ой, я даже не поздоровалась, – и встряхнув челкой, глянула на меня. – Здравствуйте!

Очарованный ее мягким голосом и приветливым взглядом, я даже забыл ответить на приветствие. Постояв немного, не зная, что сказать, я старался взять себя в руки.

– Ирина, ты стала просто красавицей, – неожиданно для себя выпалил я.

– Ну что вы, – засмушалась девушка.

– Да ты просто прекрасна, – повторил я, зачарованно глядя на ее черные волосы, ниспадающие до плеч, на стройную фигурку в облегающем платье.

Она стояла в нерешительности, смущенная моим взглядом.

– Разве Ира в школьные годы не была красавицей?.. Ты же еще тогда не мог любоваться на ее фото на Доске почета, – сказал Уринбой.

Его слова привели меня в еще большее замешательство. Что верно, то верно: Ирина всегда нравилась мне. Но, поскольку она была младше, в школьные годы я делал вид, что она мне безразлична. Я почти не общался с ней тогда, а с ее старшей сестрой Ларисой частенько ссорился, потому что та была очень красива, остра на язык и, как большинство красивых девушек, была гордой и немного высокомерной.

Уринбой был во многом причиной моей симпатии к Ирине. Мы с ним росли вместе. По рассказам моего отца, отец Уринбоя – дядя Зубайдулло – в 1939 году, когда ему было 18 лет, участвовал в финской войне, а во Вторую мировую войну воевал с самого начала и до конца и, получив тяжелые ранения в Халхинголе, вернулся с несколькими орденами и медалями. Подлечившись, женился на матери Уринбоя, тете Муяссар, но прожил недолго, умер из-за ранений еще до рождения сына. Поэтому сына его и назвали Уринбоем, чтобы он стал таким же достойным человеком, каким был его отец. Через несколько лет после смерти мужа мать Уринбоя вышла замуж за учителя, которого звали Кадыр Яхьё. Он был человеком прижимистым, злым, раздражительным, выходил из себя из-за всякой мелочи, ссорился со всеми, причем голос его был каким-то скрипучим, высоким, что само по себе уже отталкивало людей. Своим скверным характером и придирками он безвременно состарил красивейшую женщину нашей махаллы – Муяссар-холу, которая всегда была ласкова с махаллинскими ребятишками. Отчим постоянно заставлял Уринбоя работать, попрекал его куском хлеба. Уринбой приносил в школу отцовские ордена и медали и рассказывал о нем, да так интересно! Окружив его плотным кольцом, мы трогали награды и смотрели на Уринбоя с завистью, смешанной с жалостью.

Завернув ордена и медали в старый поясной платок отца, Уринбой носил их с собой вместе с книгами и тетрадами в тряпичной сумке, которую сшила ему мать. Уринбой часто бывал в нашем доме, иногда оставался ночевать. Мои родители были приветливы с ним, угощали едой и всякими сладостями. Поэтому он приходил к нам часто. Несмотря на то что он сам нуждался, получив стипендию, он тут же прибегал ко мне и спрашивал, не нуждаюсь ли я в чем, не нужны ли мне деньги. Если иногда я был груб с ним, он никогда не обижался.

Еще в школьные годы он был влюблен в Зулайхо, соседскую девочку, высокую, статную. Рядом с ней он выглядел совсем крохотным. «Зулайхо не подходит тебе. Ты рядом с нею крошка», – говорили ему. Но он, не обращая внимания на наши слова, все крутился возле нее. Теперь Зулайхо рядом с ним выглядела маленькой. А он шутил: «Я специально вырос, чтобы быть под стать Зулайхо».

Видимо, заметив мое замешательство, Уринбой сказал:

– Вот сегодня ты с Ириной будешь танцевать карнавальный вальс.

– Не умею я танцевать, – не находя от волнения слов, резко ответил я.

Когда мы доехали до Комсомольского озера, солнце уже клонилось к горизонту. Все вокруг было объято волшебством. Политый желтый песок аллеи, разноцветные лампочки и гирлянды, коими были украшены деревья, нарядно одетые юноши и девушки группами гуляли по аллеям. У киосков, где продавали мороженое, было полно народу. На концертных площадках выступали певцы и певицы. Все дышало праздником. Мы послушали песни, потом, поев мороженого, пошли на танцплощадку. Сначала Уринбой станцевал с Ириной, затем подвел ее ко мне. Я совсем разволновался, так как действительно танцевать не умел, однако взял Ирину за руку и повел в круг. Как я ни старался, ноги меня не слушались, в такт музыке не попадали. Поняв мое состояние и взяв меня за талию, Ирина сказала:

– Я буду вести, а вы повторяйте движения за мной, не волнуйтесь.

В объятиях Ирины я разволновался еще больше, меня даже дрожь охватила. Я старался, но не только не улавливал музыкальных ритмов, а вообще не слышал мелодии. Неожиданно Ирина остановилась. Я взглянул на ее лицо, пытаюсь понять, что случилось. Она улыбалась. Оказалось, что музыка кончилась, а я этого даже не заметил. Ирина отошла от меня и слегка поклонилась. Я поблагодарил ее. От волнения по моему лбу струился пот. Когда мы подошли к Уринбою, тот захлопал в ладоши и воскликнул:

– Bravo! Bravo! Значит, ты лгал, когда говорил, что не умеешь танцевать. Ты здорово танцуешь!

– Ира научила, – покраснел я.

«Уринбой – парень что надо! Настоящий друг!» – подумалось мне, стало неловко, оттого что давеча я был так резок с ним. Когда мы уже собрались уходить, Ирина предложила покататься на «чертовом колесе». Уринбой заявил, что от высоты у него кружится голова, и остался ждать в сторонке. Я почувствовал, что он специально так поступил. Мы с Ириной с высоты любовались городом. Она рассказала, что поступила на археологический факультет, что рада тому, что живет в одном общежитии с Уринбоем, что Зулайхо и Уринбой очень любят друг друга. Она радовалась, как ребенок, и, глядя на меня, говорила... говорила... Я был очарован ею, каждым ее словом, а ее мягкий голос, словно волшебная музыка, пленил мое сердце. Улыбаясь, Ирина смущенно сказала:

– Я не надоела вам своей болтовней?

– Я готов слушать тебя хоть до утра, хоть до конца своей жизни, – ответил я полусерьезно.

Ирина зарделась от моих слов. Я тоже смутился. Когда мы возвращались, Уринбой сказал:

– Ты все спрашиваешь у Зулайхо про Ирину – вот я и привел ее сегодня. Не уппусти случая. Она – девушка хорошая. Смотри, чтоб кто-нибудь не увел ее! – Уринбой громко захохотал.

* * *

Я оканчивал последний курс: заниматься надо было много. Вернувшись с занятий, до полуночи корпел над учебниками. Но все время думал об Ирине. Однако выбраться к ней не мог найти времени. Чтобы отвлечься, я пошел на кухню и собирался поставить чайник на плиту, как вошел Уринбой и, увидев меня, сказал, громко смеясь:

– Что же ты такой влюбленный? Прошло десять дней с того времени, как я привел к тебе Ирину, а ты ни разу не навестил ее? Если будешь так нерешителен, то на Ире женится ее одноклассник Витька. Тогда будет поздно стенать и сожалеть.

Слова Уринбоя, словно пуля, вонзились в мой мозг. И я невольно вскрикнул:

– Что это еще за Витька?

– Что ты орешь? Витька или Петька – тебе какая разница? Если бы ты любил Ирину, то за это время хоть разок навестил бы ее. – Он опять захихикал. – Не злись, я пошутил. Ясно как день, что ты запал на Ирину. Но почему до сих пор ни разу не сходил к ней?

– Да занятий много очень. Никак время не выкрою. Кто такой этот Витька? – вернулся я к своему вопросу. Сейчас я думал не об Ирине, а том, кто такой этот Витька.

– Ее одноклассник. Он и в школе бегал за ней. И сейчас через день приходит. Он поступил в Ирригационный институт. Вчера я звонил Зулайхо. А еще Ира написала про то, как мы были на карнавале, как она танцевала с тобой.

– А что еще? – заинтересовался я.

– Написала, что полюбила Рахмона, просто умирает от любви. Ты это хотел услышать? Но знай, мой друг, слушай в оба уха: чтобы добиться любви девушки, надо потрудиться! Такую красавицу, как Ира, тысячи парней желают заполучить в жены.

Уринбой любил пофилософствовать, говорить книжными фразами, давать советы, как аксакал.

– Ира в письме написала много хорошего про тебя. Ясно, что ты пришелся ей по душе. Но... это не значит, что она влюблена в тебя без памяти. Быть любимым – это великое счастье. Ты это понимаешь? А счастье с неба не сваливается. Его добиваются большим трудом.

– Ну ты расфилософствовался! К чему клонишь?

Уринбой продолжал:

– Вот окончишь институт скоро, а есть ли у тебя какие-то светлые воспоминания, что можно было бы рассказать своим детям? Вернешься домой, и отец женит тебя на какой-нибудь девушке. Ну и будешь жить, покорный судьбе. Ты хочешь этого?

Я разозлился:

– А у тебя у самого есть такие светлые воспоминания?.. Все время талдычишь: Зулайхо, Зулайхо! Умираю от любви к ней! Но ни разу не пригласил ее в парк или кино.

– У ее отца такой характер – боже упаси! Если узнает, знаешь, что будет?! Зулайхо уважает и побаивается своего отца. Когда он дома, она даже в полный голос не решается говорить.

– Может, отец хочет выдать ее за кого-то другого? Поэтому она и не хочет встречаться с тобой!

– Да вовсе нет. Существуют, сам знаешь, обычаи, нравы, скромность и так далее. К примеру, если к твоей сестренке станет захаживать изо дня в день кто-то, твой отец разве будет молчать? Или еще пригласит: «Приходи, приходи почаще, общайся с моей дочерью!» – разгорячился Уринбой. – Летом, после окончания практики, я поехал домой и зашел к Зулайхо. Мы довольно долго беседовали. Я понял, что и отцу Зулайхо, и ее матери Гале-опе пришелся по душе. Этим летом мы сыграем свадьбу. Мы с Зулайхо договорились, и отец, по ее словам, согласен.

– Мать Зулайхо татарка, что ли? – спросил я.

– Нет-нет, она украинка. По-узбекски говорит лучше нас с тобой. Безо всякого акцента. Галя-опа из Харькова. Они познакомились и полюбили друг друга, когда отец Зулайхо служил там в армии. Она очень уважает мужа и готовит отлично... У Ирины мама тоже хорошая женщина. Ты ее знаешь! Она работала врачом в больнице. Анна Максимовна! Сейчас уже на пенсии.

Было ясно, что Уринбой собирается говорить еще долго, поэтому я прервал его:

– Пошли. Идем к Ирине!

Он только этого и ждал.

– Знаешь, в летнем кинотеатре университетского городка показывают хорошие фильмы. Пригласи Ирину в кино.

Но, как назло, по понедельникам фильмы не показывали, и мы договорились с девушками пойти на завтрашний фильм.

Мать Ирины я не мог вспомнить. Но хорошо помнил отца – Бориса Захаровича, высокого, красивого мужчину с черными кудрявыми волосами, похожего на кавказца. Работал он бухгалтером в стройуправлении нашего кишлака.

На другой день, возвратившись после занятий, я тщательно привел в порядок свой гардероб: погладил рубашку, брюки. Побрился, обильно надушился тройным одеколоном, но, взглянув на себя в зеркало, остался совершенно недоволен собой. Лицо некрасивое, глаза какие-то узкие. Мама говорила, что в нашем роду были китайцы – вот отсюда и беда с глазами. Чем дольше я смотрел в зеркало, тем больше недостатков находил. Окончательно разочаровавшись в себе, снял одежду, швырнув все на кровать. Тут торопливо вошел Уринбой, весело тараторя:

– Эй, жених, ты, что, все еще не готов? Опоздаем в кино. Или ты не пойдешь? Сегодня обязательно надо идти. Ты вчера пообещал девушкам. Помнишь?

– Мне не нравится, – сказал я.

– Что? Что не нравится? Ира, что ли? Что ты вообще вообразил о себе! Если такая девушка, как Ирина, тебе не по нраву, тогда кто тебе нужен? Вкус-то у тебя есть? – Уринбой закипал. – Еще неизвестно, захочет ли она выйти за тебя замуж.

– Уринбой! – разозлился я. – Я не сказал, что мне не нравится не Ирина. Она мне нравится. Я сам себе не нравлюсь.

– Чего удумал?! – Уринбой удивленно глядел на меня. – Не нравишься сам себе – не беда. Главное, чтоб ты нравился Ирине!

– Вот и я об этом! Смотри, глаза у меня узенькие, лицо худое, вены на руках вздувшиеся, плечи чересчур широкие, рот огромный, фигура нескладная. Наверное, я не нравлюсь Ирине.

– Ты же спортсмен, оттого и фигура у тебя такая. Знаешь, все мои соседи по комнате завидуют твоей фигуре. От нее так и веет силой. И все у тебя нормально! Если бы ты был девушкой, я бы на тебе женился, – захихикал Уринбой. – Собирайся скорей, а то нас уже заждались. Только, ухаживая, меру соблюдай. Надо уметь ухаживать, уметь вести беседу. Бери пример с меня! Зулайхо всегда говорит: «Уринбой-

ака, и где вы берете такие слова – всегда уместные и такие сладкие?..»

– Я не умею говорить с девушками. Грубый я! – злился я.

– Ничего страшного. Научись. Просто надо почаще беседовать с девушками, – снова стал хвастать Уринбой.

Я снова оделся, и мы отправились к Ирине. Ирина и ее подруга Насиба уже были готовы идти, но тут в дверь постучали. Ирина открыла, и в комнату вошел высокий, спортивного телосложения юноша, ее одноклассник Виктор Чернышев. У меня внутри неприятно ёкнуло. Ирина встретила его довольно холодно, все в Викторе и меня раздражало. Он тоже присоединился к нам. По дороге в кинотеатр Уринбой, я и Насиба шли впереди, а Ирина с Виктором чуть позади. Меня буквально пожирал огонь ревности, но я, стараясь казаться спокойным, не оглядывался назад. Оглянулся лишь тогда, когда мы подошли к кинотеатру, Виктора не было. Понятно, что я рад был этому, но все же спросил:

– А где Виктор?

– У него, оказывается, дела. Ушел, – ответила Ирина.

«Ну и хорошо», – подумал я.

После кино мы побродили по студенческому городку. Уринбой и Насиба шли впереди, мы с Ириной – сзади. Я спросил у Ирины о ее сестре Ларисе. Она сказала, что та учится на последнем курсе в Ленинградском университете, и посмеялась, вспомнив, как мы в школе частенько вздорили.

Увлеченные сладившейся беседой, мы и не заметили, что уже совсем поздно и заметно похолодало. Сегодняшний вечер казался каким-то особенным. И мерцающие звезды, и луна, плывущая по небу, казалось, светят ярче, чем всегда. Да и все вокруг казалось сказочным. Я был бесконечно доволен, что гуляю под этим небом с Ириной, что дышу с ней одним воздухом, что касаюсь ее плеча.

На другой день я снова пошел к Ирине. В комнате были Ирина, Насиба и Виктор. При виде Виктора мне стало не по себе. «И что это он все время здесь торчит? Если бы она была против, он бы не приходил», – подумал я. На этот раз я поздоровался с ним весьма холодно. Оказалось, что Виктор пришел пригласить Ирину куда-нибудь, но она ни на что не соглашалась. Их разговор не ладился. Мы беседовали с Насибой. Ирина принесла чай, Виктор уходить не собирался. Тогда решил уйти я, и Ирина вышла меня проводить. Я специально громко, чтобы слышал Виктор, пригласил ее погулять, на что она тотчас же согласилась.

Ирина рассказала о том, что еще в школе мечтала, как придет в Ташкент, и первым делом пойдет в Большой театр. И тогда я предложил ей сделать это в следующее воскресенье.

Придя за час до начала, мы побродили вокруг театра. Как будущий архитектор, я рассказал Ирине о том, что это здание является одним из лучших образцов архитектуры Узбекистана.

Ирина вкратце рассказала мне содержание оперы «Чио-чио-сан» Джакомо Пуччинни. После мы с удовольствием ее послушали.

Во вторник после занятий я навестил Ирину. Она беседовала в комнате с Насибой. Вскоре Насиба вышла, сославшись на какие-то дела. Мы остались в комнате одни, она подседа ко мне поближе, я почувствовал аромат ее волос, и у меня, будто у пьяного, закружилась голова. Ирина собралась было что-то сказать, но тут отворилась дверь, и вошел Виктор с букетом цветов. Увидев меня, он переменялся в лице. Мне тоже стало неприятно и неловко. Взглянув на Ирину, я понял, что и ей не по себе.

– Не надо было. Зачем утруждал себя? – сказала она Виктору.

– Это твои любимые цветы. Я специально купил их для тебя, – ответил он.

Ирина нехотя приняла букет и положила на подоконник. Подвинув стул, я предложил Виктору присесть. Беседа не клеилась. Я начал нервничать. «Почему он принес ей цветы?.. Еще подчеркнул: это твои любимые...» – думал я. Не выдержав, я поднялся:

– Пойду...

– Рахмон, вы же пришли совсем недавно. Не торопитесь. Сейчас Насиба заварит чай. Мама прислала мне малинового варенья. Попьем чаю, – пыталась удержать меня Ирина.

– В другой раз, – ответил я и вышел из комнаты. Ирина вышла следом. – Возвращайся, тебя гость ждет, – сказал я раздраженно.

– Вы, что, обиделись? – спросила Ирина, заглядывая мне в лицо. – Я не приглашала его. Он сам пришел.

– Нет, я не обиделся, – холодно ответил я. – Мне надо готовиться к семинару.

Выходя из общежития, я испытывал неловкость, думая, что обидел Ирину. Я еще больше расстроился. Меня раздражала мысль, что мне неясно отношение Ирины ко мне, правда, она мне ничего не обещала, а раз так, нет никаких оснований злиться ни на нее, ни на Виктора. Возможно, Ирина с теплотой относится ко мне, потому что мы земляки. А Виктор, по словам Уринбая, еще в школе ухаживал за ней, может быть, она прониклась к нему нежностью. Нельзя винить никого из них. «Эх, Рахмон, Рахмон! Если ты любишь Ирину, постарайся найти путь к ее сердцу», – советовал я сам себе, но все равно злился, что Виктор навешает Ирину. Любым способом мне хотелось убрать соперника со своего пути. Ирина же просила меня не уходить, а о Викторе сказала, что не звала его. Значит, она равнодушна ко мне, иначе разве пошла бы со мной в кино и в театр? Размышляя об этом, я дошел до своего общежития и остановился, ругая себя. Я увидел, как вышел и быстро зашагал к автобусной остановке Виктор. Видимо, разговор с Ириной у него не сладился. Мне хотелось вернуться к Ирине, но я не решился.

* * *

Возвращаясь с занятий, у дверей общежития я столкнулся с Виктором.

– Рахмон, я думаю, что вы поймете меня. Я не хотел бы говорить об этом, но мое отношение к Ирине вынуждает меня. Я люблю ее! Оставьте ее в покое!

Руки у Виктора дрожали от волнения. Он говорил прерывисто, с придыханием, казалось, что он вот-вот заплачет. Я задумался. Люблю ли я Ирину?.. Может, то, что я чувствую к Ирине, не любовь вовсе?.. Но почему я должен отказываться от Ирины?.. Любит ли она Виктора?.. Но одно я чувствовал точно, что не мыслю своей жизни без этой девушки и боюсь ее потерять. Очень боюсь.

– Виктор, скажи, а Ирина любит тебя? Если это так, я не стану вам мешать.

– Еще в школе мы с Ириной были друзьями. Но ты встал между нами, нашел путь к ее сердцу с помощью Зулайхо.

Я даже не обратил внимания на то, что Виктор, говоривший мне «вы», перешел на «ты».

– Ирина говорила тебе «люблю», обещала что-либо? – спросил я настойчиво, глядя ему прямо в глаза.

– Нет! Она мне ничего не обещала и не говорила, что любит. Но, если ты не будешь мешать, я обязательно добьюсь ее любви. Прошу тебя, не мешай.

– Если Ирина скажет мне это, я больше не покажусь ей на глаза. Но и ты должен понять: я тоже жить без нее не могу, – сказал я сдержанно, сам удивившись своему спокойствию.

Виктор, внимательно слушавший меня, неожиданно снова перешел на «вы»:

– Рахмон, есть еще кое-что. И это очень важно. Вы – узбек. Родители ваши захотят женить вас на узбечке. Вы – мусульманин, а Ирина и ее родители – христиане. Ваша семья будет против вашей с Ириной женитьбы. Вы подумали, каково будет Ирине? Ирина – простая, чистая душой, искренняя, доверчивая. Если вы обманете ее, бросите, она не переживет этого.

– Виктор, я не смогу уйти в сторону. Не просите меня об этом. Я люблю Иру.

То ли Виктор по голосу понял, что я полон решимости, то ли по другой причине,

но он покачал головой, постоял немного, глядя в землю, затем, печально взглянув мне в лицо, протянул руку и сказал:

– До свидания! Желаю вам счастья! Но прошу вас, не обижайте Ирину. Берегите ее. Она достойна этого.

Он решительно зашагал прочь, но неожиданно остановился, повернул назад и сказал:

– Прошу вас, не говорите Ирине, что я приходил к вам, – просительно глядя мне в лицо, протянул он руку.

Я понял, что этот русоволосый, голубоглазый юноша сильнее меня душой и волей. Виктор ушел, не оглядываясь, а я смотрел ему вслед, пока он не исчез из виду, и пообещал себе никогда не обижать Ирину.

Почему я тогда не послушался Виктора, не ушел с его пути? Если бы тогда (как бы тяжело ни было) я отказался от Ирины, может быть, судьба не была бы так жестока к нам? Жаль! Но человек не может знать, что ждет его впереди.

Вернувшись к себе, я, продолжая размышлять над словами Виктора, решил, что он прав: мои родители, конечно, будут против того, чтоб я женился на Ирине! Но я настою на своем! Я женюсь на ней, даже если они не дадут согласия. С Ириной я не говорил об этом. Как она к этому отнесется?

* * *

Несмотря на то что был конец октября, дни стояли теплые, хотя ночью было холодновато. Придя в общежитие на следующий день, я столкнулся с Уринбоем.

– Есть новости! Ты слышал? Международное положение довольно сложное.

– О чем ты? – спросил я.

Взяв за руку, Уринбой отвел меня в сторону и, оглянувшись, тихо сообщил:

– Знаешь, кажется, в Афганистане вот-вот начнется война.

– Какая война?

– Гражданская. Афганцы воюют между собой. Одним помогают наши, другим – Америка. Но об этом никому ни слова, понял? Сегодня в университет приходили из органов и проводили собрание. Меня отправляют в Афганистан.

– Что ты мелешь? – вскинулся я. – Почему именно тебя отправляют? Да брось ты! Вечно придумываешь такое, что и поверить нельзя.

Уринбой растерянно улыбнулся и удивился тому, что я ему не верю. Потом, приняв серьезный вид, сказал:

– Я говорю правду, поверь мне. Ты же знаешь, что я учусь на востфаке, на кабульском диалекте говорю как настоящий афганец. И лицом похож на них. Проходил подготовку на военной кафедре. Пройдя подготовку на полигоне, мы дали присягу. Меня забирают в Афганистан переводчиком. Говорят, что присвоят звание старшего лейтенанта. Только никому не говори. С нас расписку взяли. Это – государственная тайна. Тебе я сказал, как лучшему другу.

Только теперь до меня дошло, что это значит. Я спросил Уринбоя:

– Когда ты уезжаешь?

– Мне сказали, что проведут подготовку – потом отправят. По-моему, где-то в конце января. Точной даты не назвали. С факультета выбрали пятнадцать человек, хорошо владеющих персидским и дарийским языками, физически сильных, похожих на афганцев. Ладно, поедем повидаем и Афган, – вдруг погрустнел он.

Когда Уринбой говорил об Афганистане, я почему-то вспомнил съездивших туда из нашего кишлака Ибодулло-аку и Рахмата-аку. Оба окончили Ташкентский ирригационный институт и ездили работать в Афганистан, оттуда возвратились на новеньких автомашинах «ГАЗ-24».

– Ты, наверное, с автомашиной возвратишься?!

– Твои односельчане ездили работать. Тогда был мир. А сейчас там война! Я еду не за автомашиной, а на войну. Ты это понимаешь? – разозлился Уринбой.

Я растерялся, осознав свою глупость. Уринбой, заметив это, сменил тему:

– Мне надо попроситься с Зулайхо, не могу уехать, не повидав ее. Но ни ей, ни своим домашним не скажу про войну. Ни мама, ни Зулайхо не должны знать об этом. Идем к нам. Посидим, выпьем, с Ириной повидаемся.

Мы с Уринбоем пошли в магазин, купили водку, колбасу, рыбные консервы, хлеб и прочую снедь. Настроение у Уринбоя было неважное.

Накрыв стол, мы довольно долго сидели у Уринбоя. Потом пошли в комнату девочек. Уринбой и Ирина все говорили о Зулайхо: как она училась в школе, какая искусная кулинарка, какая у нее хорошая мать. Обо всем этом я слышал не раз и потому, желая сменить тему, стал говорить о том, как красиво в горах Чимгана осенней порой. Мои слова прились Уринбою по душе, и он предложил поехать завтра в горы.

Ранним утром мы были на Чарваке. Солнце успело подняться, утренний ветерок ласково дул в лицо, горный воздух доставлял неопишное наслаждение, как и красота горного пейзажа.

– Как красиво! Какие величественные горы! – восхищалась Ирина.

Я радовался, глядя на нее. Я предложил остановиться в лагере близ Омонхоны.

Из лагеря, находящегося на возвышении, были хорошо видны и речка Чирчик, и весь кишлак, находящийся внизу, и Чарвакское водохранилище. Голубая вода в нем на горизонте сливалась с голубым небом, и казалось, что где-то там конец земли. С другой стороны лагеря с шумом текла река, на противоположном берегу которой виднелись облака, касающиеся вершин высоких гор.

От самого берега реки до самых вершин тянулся еловый лес. Трава под деревьями пожухла, переливаясь зелено-красно-желтой радугой. Все вокруг демонстрировало красоту осени, сверкало под лучами солнца. Уринбой повеселел.

– А тюльпаны здесь тоже бывают? – спросила Ирина, оглядываясь.

– Еще как! Весной эти места будто высланы красными коврами, – сказал Уринбой.

– Давайте и весной приедем сюда! Я обожаю тюльпаны, – предложила Ирина.

– Конечно! – ответил я.

– Тогда я соберу для вас целую охапку цветов, – она не отрывала от меня радостных глаз.

Мы положили на топчан вещи, и девушки принялись готовить еду. Уринбой пошел собирать дрова, я разжигал огонь. Вскоре еда была готова. С аппетитом утолив голод, мы спустились к речке, умылись и сели передохнуть. Назад мы пошли через ореховую рощу, между делом наполняя рюкзаки опавшими орехами. Потом собирали ягоды шиповника и боярышника. Вечерело. Надо было возвращаться, не то мы могли опоздать на вечерний поезд.

Уринбой и девушки шли впереди, мы с Ириной позади, помогая друг другу. Я наслаждался ее близостью. Она улыбалась мне, отчего сердце мое просто пылало. Когда я приостановился, чтобы перевести дух, почувствовал нежный аромат ее волос.

Взяв Ирину за руки, я нежно привлек ее к себе. Она, смущенно улыбаясь, была совсем близко, мне захотелось крепко обнять и прижать ее к груди. Она, игриво глядя на меня, прижала указательный палец к губам и прошептала:

– Подождите! Не спешите! Я скажу вам кое-что на ушко.

От ее взгляда сердце мое трепетало, словно птица, готовящаяся к взлету. Все мое существо превратилось в слух, ожидая, что же скажет Ирина. Я горел желанием обнять ее и бесконечно целовать ее нежные губы. Я прижал ее к груди. И тут, оступившись, мы покатались вниз по склону. Я оторопел от неожиданного падения, но сгруппировался и вскочил на ноги. Подбежав к Ирине, поднял ее. Руки ее были ободраны, лицо бледное, однако она улыбалась своей обаятельной улыбкой. Уринбой и девушки кинулись к нам. Ирина участливо воскликнула:

– Надо скорее смазать йодом. Может попасть инфекция.

– В горах не бывает инфекции. Здесь хорошая экология, – отвечал я.

Ирина жалела, что не захватила йод и с улыбкой, которая так шла ей, сказала:

– Это вам в наказание.

Я понял, что она почувствовала охватившее меня желание. Да, почему я не сохлад с собой, не сдержался и не подумал о том, имею ли я право на подобную близость?!

Оказалось, что Ирина не может ступить на правую ногу. Подхватив ее под руки, мы кое-как перебрались через речку. По извилистой неровной тропе вдвоем идти рядом было невозможно, ветви кустарников и деревьев, растущих по обеим сторонам тропы, безжалостно цеплялись за одежду. Кое-как добрались до лагеря. До станции же было около трех километров. Ирина самостоятельно идти не могла. Уринбой нес вещи. Мы могли опоздать на поезд, поэтому я предложил Ирине понести ее на спине. Смушаясь, Ирина отказалась. Но, несмотря на ее протесты, я посадил ее, как маленького ребенка за спину и понес. Ее тепло, ее дыхание будоражили душу и плоть. Мне хотелось унести ее туда, где никого нет.

– Хорошо-то как! Здорово, что я упала! – сказала Ирина. – Мне надо было упасть утром, когда мы поднимались вверх...

– Надо сказать, я бы с удовольствием донес тебя, – ответил я.

– Правда? Вы и по жизни будете носить меня на руках?

– Конечно! Я не только на руках, я на голове буду тебя носить.

– А я вас... – начала она и умолкла... надолго.

В ее нежном голосе звучало желание приласкаться к близкому человеку, голос был полон благодарности. Она погладила мои волосы:

– Беденький мой, вы вспотели. Опустите меня. Я пойду, опираясь на вас.

Держась левой рукой за мои плечи, она старалась кое-как ковылять. Уринбой и девушки шли далеко впереди.

Ирина старалась не показывать вида, что ей больно, чтоб не расстраивать меня. Но я чувствовал это и снова предложил свою помощь.

– Что же ты хотела сказать мне на ушко?

– Это я скажу вам, когда мы останемся совсем одни, – отвечала она, ласкаясь.

После недолгого молчания она спросила:

– Вы не обидитесь, если я с вами буду на «ты»? Русские с близкими людьми всегда говорят на «ты». А вы – мой самый близкий человек.

От этих слов у меня даже голова закружилась. Я не верил своим ушам и переспросил:

– Что ты сказала? Повтори еще раз!

Ирина молчала.

– Почему ты молчишь?

– Ладно, если вам не по душе, буду по-прежнему называть вас на «вы».

– Мне неважно на «ты» или на «вы». Я еще раз хочу услышать твои слова.

Мило хихикнув, она сказала, глядя руками мои волосы:

– Вы мой самый близкий человек на свете.

Я так никогда в жизни не радовался. Слова Ирины вознесли меня до небес.

– Называй меня как тебе угодно. Для меня достаточно слышать, видеть тебя. Это самое большое счастье для меня, – сказал я.

– Если вы захотите, я перейду в вашу веру, приму ислам. Хотите, я стану мусульманкой?

Я не знал, что ей ответить. От ее неожиданных слов у меня загудела голова. Я серьезно и глубоко задумался. Мне показалось, что кто-то сильный и жестокий опасной преградой встал на пути к моему счастью. Неужели национальность и религия разлучат нас?! Все мое существо, мысли, чувства, душа рвались к ней. Нет! Нет! Ничто не может помешать нашей любви! Оттого что я вырос в кишлаке, где жили люди разных вероисповеданий, я не придавал значения тому, что кто-то христианин, а кто-то иудей или буддист, что принадлежность к иной национальности, религии

являются преградой в человеческих отношениях. Люди в нашем кишлаке жили очень дружно, будь то свадьба или поминки, все одинаково принимали участие: и татары, и узбеки, и русские, и евреи. Мы – дети разных национальностей – играли вместе, учились в одной школе: кто – в русском, кто – в узбекском классах, на переменах вместе играли, не разделяя никого на национальности, после занятий и на каникулах весело отдыхали.

Что такого, что Ирина – человек другой веры. Ведь мы любим друг друга. Ведь у любви нет вероисповедания! Разве то, что мы принадлежим разным верам, может помешать нашей любви?.. Если религия может быть преградой, то где же ее человечность? Ведь все религии учат добру и человечности, терпимости и дружбе, уважению между людьми.

Жили и учились мы дружной интернациональной семьей, нация и религия не имели тогда для нас никакого значения. Я никогда не задумывался над этим, и теперь в моей душе бушевало только одно чувство – любовь к Ирине.

Мой отец когда-то учился в Бухарском медресе, а после революции – в русско-туземной школе, потом окончил Ташкентский педагогический институт, работал учителем, потому тайно от всех читал намаз и скрывал, что придерживается всех мусульманских правил. В те годы людям, работающим в государственных учреждениях, было запрещено читать намаз и исполнять всякие другие мусульманские обычаи. Когда я был школьником, отец приобщил и меня к исламской религии, обучил арабской письменности и основам мусульманства. Я знал Хафтияк (одну из семи частей Корана). Отец всегда внушал мне, что надо жить честно, в меру сил своих помогать окружающим, не лгать. Говорил, что и мусульмане, и иудеи, и христиане, и буддисты – все стремятся к Богу, хоть каждый принадлежит к своей религии, но вправе выбрать, какой религии ему придерживаться. Поэтому я никогда в отношениях с окружающими не разделял их по вероисповеданию, был одинаков со всеми. Для меня важно было, каков человек, а не какой он религии! Потому я и не задумывался: христианка Ирина или мусульманка.

– Ты мне нравишься такой, какая ты есть. Хочешь – прими мусульманство, а нет – оставайся христианкой. Бог един. Он одинаково добр и милосерден и к христианам, и к мусульманам, и вообще к людям любых религий, – сказал я.

– Я тоже так думаю. Бог велит всем людям быть добрыми и участливыми. Самый большой грех – ложь и обман, лень и тунеядство. Иисус сказал об этом людям, и Пророк Мухаммад проповедует это. А раз так, выходит, что цель всех религий – призывать людей к добру, – сказала она.

Неся Ирину на руках, я совсем не чувствовал тяжести ее тела. Мне казалось, что ее существо слилось с моим. Она гладила мои волосы, иногда легонько шипала за шею.

– Ирина! Я всегда буду любить тебя, какого бы вероисповедания ты ни была! Потому что ты самая красивая, самая умная, добрая, самая чистая девушка, – прошептал я ей.

Мне хотелось, чтобы путь наш не кончался и чтобы поезд был уже далеко-далеко от нас, мне хотелось остаться с ней вдвоем на всей планете.

* * *

Добравшись поездом до города, мы взяли такси и поехали в клинику «Скорой помощи».

Сделав рентгеновский снимок, врачи определили, что Ирина вывихнула ногу в шиколотке, необходимо вправить ее и наложить гипс. Но одна пожилая медсестра сказала, что нога будет заживать очень долго, и при гипсе есть угроза искривления костей, а в старом городе есть табиб¹ – Мош-табиб, он очень легко вправляет подобные вывихи.

¹ Табиб – лекарь.

Мош-табиб, осмотрев ногу, успокоил нас:

– Вылечим. Через три дня все пройдет.

Позвав дочь, он велел ей принести немного ваты и одно яйцо. Девушка держала Иру за колено, а Мош-табиб, взяв ступню, потянул на себя и резко повернул в сторону, послышался шелчок. Повернув ногу несколько раз, он сказал Ирине:

– Ну-ка, пошевели ногой!

Ирина пошевелила. Мош-табиб разбил яйцо и, отделив желток от белка, положил желток на вату, посыпал солью и перевязал Ирину ногу, наказав не снимать повязку три дня, ходить осторожно, избегать нагрузок на ногу. Узнав, что мы студенты, он даже не взял с нас денег. Поддерживая Ирину, мы привезли ее в общежитие. Уринбой ушел к себе, а девушки вышли из комнаты, чтобы помыться. Когда мы остались одни, я спросил у Ирины:

– Что ты хотела сказать мне на ушко?

– Вы все еще помните мои слова? – улыбнулась Ирина.

– Конечно! Я жаждал услышать, что ты собиралась сказать мне на ухо.

Опираясь на руки, Ирина медленно приподнялась. Я нагнулся над ней, чтобы подставить ухо. Я не мог налюбоваться ее лицом, ее алыми губами, похожими на лепестки розы.

– Только на ушко скажу, – повторила Ирина.

Я нагнулся ближе. Опьяненный запахом ее волос, я всем своим существом превратился в слух. Ирина вздохнула. Я ждал... Тут резко отворилась дверь и вошел Уринбой, неся какие-то пакеты. Мы с Ириной вздрогнули.

– Извините. У меня обе руки были заняты, пришлось открыть дверь ногой, – сказал он, по своему обыкновению громко смеясь.

Было видно, что ему неловко, оттого что он вошел без стука. Я попытался объяснить:

– Я хотел помочь Ирине лечь поудобнее... – в душе сожалел о том, что сегодня уже второй раз не смог услышать то, что она собиралась мне сказать.

Позже, уже в Афгане, скучая по Ирине, я часто с сожалением вспоминал эту сцену. Что же она собиралась сказать мне на ухо?.. Мне очень хотелось узнать это. Возможно, именно это желание и спасло мне жизнь.

Когда девушки вернулись, мы вместе поужинали, поговорили о нашем походе в горы. Уходя, я шепнул Ирине:

– Я приду завтра после занятий, тогда ты мне скажешь то, что обещала.

* * *

Занятия по военной подготовке проходили в здании, где находилась военная кафедра. Как правило, в 8 часов утра мы выстраивались во дворе этого здания, старшие по званию докладывали начальнику военной кафедры и учителям, что к занятиям готовы, и по разрешению начальника кафедры мы расходились по аудиториям. В тот день было все, как обычно, но ни руководителя кафедры, ни педагогов не было. Только в 8:30 пришел заместитель руководителя кафедры Василий Андреевич Старцев и сообщил, что мы можем расходиться по аудиториям. В аудитории мы довольно долго ждали педагога, а когда он пришел, то сразу, взглянув на принесенный листок, велел встать мне и еще двоим однокурсникам и идти в кабинет начальника кафедры. Мы удивились, но он успокоил:

– Не беспокойтесь. Пойдете – узнаете.

В кабинете начальника мы увидели руководителя кафедры Алексея Петровича, его заместителя Старцева, двух незнакомцев в штатском и еще несколько наших однокурсников. Руководитель кафедры заговорил о нынешнем международном положении, сообщил, что положение в Афганистане обострилось, и, согласно договору о взаимопомощи между СССР и Афганистаном, необходимо оказать помощь этой

стране. Физически развитые, закаленные студенты, знающие персидский язык, будут отправлены на военную службу в Афганистан. А сегодня нас повезут на военный полигон. Человек в штатском сообщил, что в Афганистан нас пошлют в качестве офицеров, всем нам будет присвоено звание старшего лейтенанта.

Мой отец хорошо знал персидский, читал мне произведения Саади, Хафиза, Бедиа, пересказывал их содержание. Мне нравились звучность их стихов, красота слов, что-то я выучил наизусть или записал для себя. Многие в нашей махалле говорили по-таджикски, так что я научился и таджикскому. Под влиянием отца во мне проснулся интерес к поэзии, персидскому языку, у него же я научился читать и писать по-арабски. Для подготовки к поступлению на факультет востоковедения я купил книгу Малика Абдусаматова «Учебник персидского языка», отец по этому учебнику занимался со мной и Уринбоем. Стараниями отца да и своей заинтересованностью я добился того, что свободно говорил и писал по-персидски. Мы с Уринбоем хотели вместе поступать на факультет востоковедения, но в 11 классе я передумал и решил стать архитектором. Уринбой же поступил на факультет востоковедения. Когда мы заполняли анкеты для военной кафедры, я написал, что свободно говорю и пишу по-персидски. Так я, видимо, и попал в список отправляемых в Афганистан.

Руководство института сообщило, что сами известят наших родителей о нашей отправке в Афганистан, а нас на автобусах привезли в воинскую часть в Чирчик.

Ни родителям, ни Ирине я не смог сообщить, что отбываю в Афганистан, и очень сожалел, что не смог попрощаться с Ириной. Жаль...

В воинскую часть свезли ребят из всех институтов. Все они были физически закалены и свободно говорили по-персидски. Я думал, что и Уринбой здесь, но его не оказалось.

Нам выдали теплую военную форму и запретили выходить, писать кому бы то ни было. Я беспокоился об Ирине, ее ноге. В той неожиданной ситуации, в которой я оказался, я почему-то думал только о ней, скучал и сожалел о том, что так и не услышал, о чем она собиралась сказать мне.

В воинской части мы около месяца проходили подготовку: учились прыгать с парашютом, стрелять из автомата, пистолета, учились борьбе без оружия, боевому самбо, тактике войны в горных условиях, изучали карту Афганистана. В конце декабря, добравшись поездом до Термеза, мы расположились в воинской части за городом. Ночью 27 декабря прозвучала тревога и мы, взяв оружие, с парашютами за плечами отправились самолетом в Афганистан. Грузовой самолет, где летело около ста человек, приземлился в Кабульском аэропорту. Нас встретили советские военные, холод и резкий ветер.

* * *

Первые дни в Кабуле прошли спокойно. Мы жили в офицерских палатках, каждую неделю мылись в полевой бане, по радио звучали на родном языке новости, сообщения о различных национальных мероприятиях, звучали музыка и песни нашей страны. В лагере был красный уголок, там были книги, периодически доставлялись новые газеты и журналы. После студенческой жизни, когда мы порой не всегда ели досыта, нас радовали нынешние условия. Расстраивало лишь то, что я не смог попрощаться с Ириной и совсем ничего не знал о ней. На третий день нашего пребывания в лагере объявили, что мы можем написать своим родным и близким. Я писал письмо Ирине целых два дня, исписал целую тетрадь. Когда я вошел в почтовую палатку, офицер, сидевший за столом, увидев в моих руках тетрадь, спросил:

– Ты, что, писатель? О чем столько написал?

Когда я пояснил, что это письмо знакомой девушке, он рассмеялся и сказал:

– Еще совсем недавно приехал и уже успел так соскучиться?.. Твое письмо в конверт не поместится. Отправим бандеролью. Не беспокойся, до адресата дойдет вовремя. Почта еще не подводила нас ни разу.

Как ни расхваливал работу почты и телеграфа этот улыбающийся офицер с красными щеками, толстой шеей и лысиной, мне так и не удалось прочесть ответ ни на мое первое письмо, отправленное бандеролью, ни на другие письма, что были написаны потом.

Поскольку палатка наша находилась рядом с полевым военным госпиталем, мы каждый день видели, как из действующих частей привозят раненых и погибших.

Это было 10 марта. Три закрытых брезентом грузовика ЗИЛ-131 подъехали к госпиталю. Мы – трое офицеров – стояли возле госпиталя, беседуя с заместителем начальника госпиталя Владимиром Петровичем Каргополовым. Поспешно выскочивший из первой машины майор спросил, где начальник госпиталя. Когда Каргополов ответил, что начальник отбыл в штаб и что он – его заместитель, майор, глянув на наши лица и погоны, сказал:

– Поскольку мы все с вами являемся офицерами десантной гвардии, я ничего не стану скрывать: я привез тела погибших, надо разгрузить.

Владимир Петрович сдержанно спросил:

– Три кузова трупов?..

– Да, – ответил майор.

Услышав его ответ, я задрожал, сердце сжалось от боли. Владимир Петрович тоже побледнел и велел майору подогнуть машины к кирпичному зданию, находящемуся за палатками, а сам поспешно стал вызывать санитаров. Потом мы узнали, что кирпичное здание – морг.

Оказалось, что часть санитаров отбыла в горный район военных действий и необходима помощь бойцов постарше, привыкших к таким ситуациям. Я привел из роты шестерых бойцов, и мы начали разгружать трупы, упакованные в брезентовые чехлы и рядами сложенные в кузове.

Майор, взглянув на меня, спросил:

– Вы – узбек?

Оказывается, в подобных случаях даже незнакомый человек твоей национальности кажется тебе близким родственником. Услышав слова на родном языке, я взял себя в руки.

– Вы тоже узбек?

– Да, – ответил он.

Майор спросил, откуда я приехал и когда. Я поспешно ответил, что я из Самарканда, майор как-то вдруг переменялся в лице. Помолчав немного, он сообщил, что в машине есть труп самаркандского студента, и добавил:

– Хороший был парень. Он был переводчиком нашего полка.

От его последних слов у меня заныло сердце. «Переводчик? Вдруг это Уринбой?.. Неужели?.. Да не-ет!»

То ли заметив мое состояние, то ли по другой причине, майор, тяжело вздохнув, сказал:

– Бедный парень. Он учился в Ташкентском университете. Уринбой.

Мне показалось, что все вдруг потемнело, что палатки, машины, бойцы с автоматами – все закружилось, смешалось. Земля закачалась под ногами. Глаза мои вдруг перестали видеть, в ушах стоял шум – я ничего не слышал. Ноги и руки дрожали, пальцы заледенели. От охватившей слабости я присел. Майор, взяв меня за руку, помог встать.

– Кем он вам приходился? Вы знаете его?

Не ответив на его вопрос, я попросил разрешения взглянуть на труп.

– Не стоит. Лучше вам не видеть его, – ответил майор.

Я настаивал, и майор, достав из полевой сумки большой сложенный лист бумаги, просмотрел и сказал:

– Он в чехле № 15.

Мы отыскивали этот чехол. Майор предупредил:

– Он весь обгорел. Лучше тебе не видеть его.

– Нет, я должен его увидеть, – настаивал я.

– Ну, будь по-твоему. Смотри, – сказал он.

Я взглянул. В чехле лежал человек, обгоревший, как головешка. От страха я крепко прижался к стоявшему рядом майору. Высокий майор, нагнувшись, обнял меня обеими руками.

– Уринбой не должен был погибнуть. Он рос без отца. Что ж теперь станет делать его мать?.. – шептал я, рыдая.

– Эх, братец мой, война никого не шадит. Если бы те, кто начал эту проклятую войну, понимали это. Чтоб им пропасть!

Когда бойцы выгрузили страшный груз, я спросил у майора, как погиб Уринбой. Майор поведал, что Уринбой погиб, вынося из горящего дома бешик¹ (колыбель) с младенцем во время боя в кишлаке Шихор в Кунаре. По его словам, в доме, загоревшемся от сброшенной бомбы, хозяева погибли, а трое детишек остались живы. Уринбой и еще один боец, вбежав в дом, вынесли двоих, а ребенок в бешике остался. Когда Уринбой и его напарник вернулись, дом всюду поыхал. Не обращая внимания на огонь, Уринбой вбежал в дом и подал колыбель бойцу, ждавшему его у окна снаружи. Когда же он сам выбирался из окна, обрушился горящий потолок... Вытащили только обгоревший труп.

После разгрузки Каргаполов принес из госпиталя большую бутылку спирта, разлил его по кружкам и раздал всем. Проводив майора, мы принесли еще бутылку водки и выпили не закусывая. Сильно опьянев, я еле добрался до своей палатки и, даже не сняв сапоги, повалился на раскладушку. Мне снился смуглый, улыбающийся, с по-детски чистыми глазами, высокий, плечистый Уринбой. На тыльной стороне его ладони была еле заметная татуировка «Зулайхо». Уринбой пришел ко мне в общезитие, сел на стул и, подперев руками скуластое лицо, улыбался и смотрел на меня.

Через неделю наш полк перевели в Джалалабад для пресечения доставки оружия из Пакистана через Нангархорскую область. Батальон же наш, состоящий из 32 человек и 4 БТР, отправили в один из кишлаков предгорья. Мы расположились во дворе с глиняным дувалом. Дом стоял на пересечении троп, выходящих из ущелья. Мы вынуждены были остановиться здесь, так как машины наши не могли подняться выше в горы. Крыша дома, находящегося посреди двора, была полуразрушена. Стекла окон разбиты. Здесь в середине марта погода стояла холодная. Расположившись в длинной просторной комнате, мы завесили окна брезентом. В шели двухстворчатой старой двери сильно дуло. Мы разожгли во дворе костер и в валяющийся там котел с одной сломанной ручкой сложили тлеющие угли, внесли в комнату и грели руки и ноги у этого «очага». На третий день возвратились разведчики и доложили, что ночью в горный кишлак откуда-то на ослах привезли груз и спрятали его. Им нужен был человек, знающий местный язык. Командир батальона, переговорив по рации с командиром полка, решил отправить в тот кишлак меня и еще четырех разведчиков и наказал при малейшей опасности срочно сообщить в полк и в батальон.

Мы – пятеро бойцов – задолго до рассвета отправились по тропинке наверх. Двигались медленно по извилистой тропинке между валунами, и чем выше мы поднимались, тем труднее становилось продвигаться. К полудню на небе появилось солнце, ветер стих, потеплело. Разведчики сказали, что кишлак за горной вершиной, виднеющейся вдаль.

Шедший впереди сказал, что он вроде увидел кого-то. Мы все, тут же спрятавшись за валунами, взяли в руки оружие. Откуда-то слышались звуки, напоминающие пение кеклика, и над нами засвистели пули. Немного погодя стрелять перестали. Приподняв голову, я огляделся вокруг. Командир группы разведчиков Сергей, шедший впереди, стоя за валуном, тоже оглядывался.

¹ Бешик – люлька для ребенка.

– Никого не видать, – тихо сказал я.

– Враги всегда прячутся так, чтоб их не было видно, и нападают внезапно. Они хорошо знают каждую пядь этих мест, – заметил Сергей. – А мы не знаем, поэтому и гибнут наши ребята. Неожиданно снова засвистели пули. Теперь стреляли сбоку. Мы снова затаились. Ползком начали быстро спускаться вниз, чтоб вернуться назад, но там появился человек в чалме и стал стрелять в нас из автомата.

– Мы окружены, – сказал Сергей, – попали в засаду.

Началась перестрелка. Афганцы появлялись отовсюду, со всех сторон. К счастью, подоспел вертолет к нам на помощь. Но один из разведчиков погиб, другой был тяжело ранен. В тот день я впервые убил человека...

* * *

По приказу командира я остался в Кабуле и сразу же пошел в отделение связи. Все тот же знакомый офицер, увидев меня, удивился:

– Ты, оказывается, здесь? А сказали, что пока твой отправили в Джалалабад. Пришло несколько писем на твое имя. Сегодня утром я отправил их бандеролью в Джалалабад.

От этих его слов у меня похолодело внутри. Когда я рассказал ему о наших приключениях, он покачивая головой, сказал, что многие наши разведчики погибли в окружении в ущелье Панджера.

– Слава Богу, что ты остался жив. Дней через 10–15 письма твои вернутся назад. Тогда я сам отыщу тебя и вручу их, – добавил он.

Во время переговоров нашего руководства с офицерами афганской армии я был переводчиком, сверяя афганские тексты выступлений с текстами, написанными на русском языке.

Наша дивизия располагалась в одном месте с горно-пешеходной дивизией афганцев в кишлаке Самархол близ Джалалабада. Для совместных действий необходимо было присутствие переводчиков, владеющих узбекским, афганским и русским языками. Поэтому в начале мая меня снова отправили в Нангархарскую область, как хорошо владеющего тремя языками. В конце июня пришло сообщение, что в один из предгорных кишлаков группа моджахедов из Пешавара привезла на лошадях крупную партию оружия для талибов. Нашей группе было приказано устроить засаду в ущелье, дабы преградить путь моджахедам. Группа из 32 человек на 4 БТРах отправилась в путь.

Не включая фар БТРов, при лунном свете мы осторожно добрались до ущелья. Горная тропа раздваивалась: одна вилась с левой стороны горы, другая – с правой, и было неизвестно, по какой из них последует караван с оружием. Мы разделились. Луна светила ярко, и мы спрятались за кустарником. Один БТР спрятали, другой отогнали метров на 50 вперед и тоже замаскировали. От усталости клонило ко сну, но спать было нельзя. Перед рассветом неожиданно послышались звуки перестрелки со стороны первой тропы. Радист сообщил, что захвачены шесть человек и оружие, которое везли на шести ослах и двух лошадях. Первая рота должна была отправиться в Самархол, чтоб доставить туда пленных и захваченное оружие, мы же должны были, разделившись на две группы, вести наблюдение за тропами, так как, возможно, могли прибыть в кишлак моджахеда.

К полудню стало жарко, вода в наших фляжках кончилась, и, взобравшись на холм, мы в бинокль увидели вдаль что-то вроде двора и женщину с ребенком, стоящую там. Было решено принести оттуда воды. Мы с сержантом Хасаном спустились вниз. Двор с невысоким глиняным дувалом напоминал амбар, какие были у нас в кишлаке. Это довольно бедное жилище состояло из комнаты с глиняным полом, со старой дверью и длинным, похожим на хлев, строением с маленькими оконцами в конце двора. У входа был виноградник, возле забора росли гранатовые и фиговые деревья. Когда мы вошли, во дворе никого не было.

– Есть здесь кто? – громко спросил Хасан.

Никто не отозвался. Хасан позвал еще. Отворилась дверь, и вышла высокая женщина с закрытым до носа лицом. Хотя лица и не было видно, глаза ее смотрели на нас недоброжелательно. На наше приветствие женщина не ответила, не обращая внимания на неприветливость, мы объяснили, что зашли попросить воды. Постояв некоторое время молча, женщина ушла в комнату, оставив дверь открытой. Немного погодя одетый в поношенную белую рубашу худой мальчик вынес в большой глиняной кассе воду. Видно было, что ему страшно. Сказав на афганском языке: «Спасибо Аллаху за милость, за то, что ниспослал нам воду. Бисмиллахи Рахмону Рахим», – я начал жадно пить. Утолив жажду и поблагодарив: «Бесконечная слава Аллаху», – я протянул кассу Хасану. Когда мы были детьми, мама учила, что воду надо пить, благодаря Бога. Выпив оставшуюся воду и возвращая кассу мальчику, я сказал:

– Ты уважил нас. Пусть Аллах будет добр и милостив к тебе. Живи долго. Вырасти хорошим человеком. Аминь! – и положил руку на его плечо в знак благодарности, а он удивленно глянул мне в лицо, потом на погоны.

Когда же Хасан сказал, что нам необходимо наполнить водой фляги, мальчик, указав на строение, похожее на хлев, сказал, что за ним есть колодец, и ушел в дом.

Вышел он нескоро и сказал, что веревки для ведра не нашел, видно, отец ночью унес ее куда-то.

– А колодец глубокий? – спросил Хасан.

– Да, сажень 5, – ответил мальчик, раскинув руки.

– Ну, тогда не очень глубокий.

– Туда спуститься можно? – спросил я.

– Когда туда упала курица, отец спустился и выташил ее, правда, ужедохлый. Потом мы чистили колодец, – ответил мальчик.

– Идем, покажешь, – сказал я.

Было видно, что ему не понравилось наше намерение пойти к колодцу. Он постоял в нерешительности, потом предложил:

– Я вынесу вам еще воды, только не ходите к колодцу.

– Нам надо много воды. Два ведра, – сказал я, указывая на 20-литровые фляги за нашими плечами.

– Все равно, не... не настаивайте...

Но я продолжал просить провести к колодцу.

– Ладно, надену калоши. Там полно колючек, вовсе раздерут болячки на ногах, – нехотя сказал он.

Черные ноги мальчика были в ссадинах, пятки потрескались. Мне стало жаль его. Присев на корточки, я потрогал его распухшую пятку с кровотокающими трещинами.

– Мазью не смазывал? – спросил я.

– Ее нигде нет. Война же, – ответил он, взглянув на мой автомат.

Я прихватил из госпиталя тубик синтомициновой мази и маленькую баночку с мазью Вишневского для своих натертых сапогами ног, достал из рюкзака лекарство и протянул мальчику. Он упорно отказывался и согласился только тогда, когда я сказал, что Бог велит смазывать болячки лекарствами, только тогда они заживут. Нерешительно взяв мази и бинт, мальчик вошел в дом, и вернулся в калошах. По пути к колодцу упрямо твердил, что он очень глубокий, что без веревки невозможно спуститься туда и выбраться обратно.

Сняв с плеча рюкзак и взяв фляги, Хасан спустился в колодец. Нагнувшись над колодцем и наблюдая за его действиями, я советовал и поучал его. Неожиданно мальчик громко кашлянул. Не успев оглянуться, я получил сильный удар по голове.

Когда очнулся, понял, что сижу у стенки в полутемной комнате на циновке, со связанными руками. Рядом, прислонившись к стене, сидел Хасан. У него тоже были связаны ноги и руки. Одежда на нем была мокрая. Издали слышались выстрелы, а временами взрывы. Рты наши были завязаны. Тело мое ныло от боли, голова кружилась.

Охваченные сильным страхом, мы сидели, покорившись судьбе. Туго затянутая шерстяная веревка резала руки, нестерпимо горела кожа. Веревка, туго перетягивающая грудь, не давала спокойно дышать.

Снаружи послышались шаги и раздался хриплый голос:

– Где советские пленные?

– Заперты в доме, – ответил кто-то. – Что будем делать с ними?

– Нам пора отправляться в горы. Расстреляем их. Это же неверные, – сказал хриплый голос.

Тут послышался знакомый детский голос:

– Они не неверные, отец. Они мусульмане. Они говорили «Бисмилло». Читали молитву.

– Тогда не будем их расстреливать – брать грех на душу, – заключил хриплый голос.

– Один из них, видно, большой командир. На погонах его шесть звездочек: по три на каждом. Если обменять на оружие – дали бы немало, – сказал кто-то.

– Выведи их. Посмотрим! – сказал хриплый голос.

Развязав руки и ноги, нас вывели во двор, где стояли три человека с автоматами в руках. Одеты они были в рубахи и широкие штаны, с бородами, закрывавшими грудь. Один из них был такой высокий, что при лунном свете походил на дива. Увидев нас, он спросил:

– Это и есть пленные советские? Кто из них старший?

Внешность его была под стать страшному хриплому голосу. Человек с фонариком указал на меня. «Див» большими шагами, словно собираясь перешагнуть через меня, подошел ко мне. От страха я даже пригнулся. Увидев звездочки на моих погонах, он спросил:

– Советский офицер?

Тут из дома вышел мальчик, со страхом и каким-то интересом посмотрел на меня.

– Советских офицеров надо расстрелять! – сказал один из бородатых.

Мальчик, подойдя к «диву», стал умолять его:

– Отец, эти советские не неверные, они хорошие люди! Не расстреливайте их!

Видно, «див» очень любил своего сына и ласково сказал ему:

– Иди в дом, Абдулло! Мы не станем их расстреливать, – убедил сына, что нас не будут убивать, «див» обратился ко мне: – Афганский язык знаешь?

– Знаю, – ответил я.

– Мусульманин? – спросил он.

– Слава Аллаху, я мусульманин.

Взглянув на бородатых, что стояли рядом, «див» сказал:

– Видите, хоть и советский, но мусульманин. А мусульман убивать нельзя. Заберем их с собой.

Расспросили Хасана, тот чуть не плача отвечал, что он из Куляба, зовут Хасан, по национальности таджик. Когда тот спросил, мусульманин ли он, Хасан несколько раз торопливо повторил:

– Слава Аллаху! Слава Аллаху!

После чего «див» категорично заявил:

– Возьмем с собой обоих! – затем обратился к нам: – Пойдете с нами. Если попытаетесь бежать – сразу расстреляем. Сами будете виноваты! – заявил он холодно. Его вид и хриплый голос приводили в ужас.

По узкой тропе мы – 9 человек – ночью начали подниматься в горы. Впереди шли старший сын «дива» – Ахмат и двое его племянников, за ними – мы с Хасаном со связанными сзади руками, вслед за нами шли сын «дива» Садык, жена и младший сын – Абдуллох, в хвосте шел сам «див». Вскоре Абдуллох стал жаловаться на ноги, ему трудно было идти. Отец взял его на руки. Когда прошли довольно большое расстояние, я предложил:

– Вы устали, давайте я понесу?

Холодным хриплым голосом «див» ответил:

– Нет.

Смушаясь, оттого что доставляет отцу столько хлопот, Абдуллох выразил готовность идти самостоятельно. Но отец не обратил на это внимания. Ближе к рассвету мы дошли до какого-то маленького кишлака. «Див» постучал в калитку одного из крайних домов. На стук вышел белобородый человек в черной чалме.

– О, Файзуллох! Добро пожаловать! Входите! – воскликнул он.

Оказывается «дива» звали Файзуллох.

Когда мы вошли в низенький домик, нам развязали руки и, еще раз предупредив, чтобы мы не делали попыток бежать, дали молока и хлеба. После еды нам снова связали руки и заперли в темной клетушке. Днем мы слышали звук вертолета:

– Нас ищут, – сказал Хасан.

К вечеру нам дали возможность умыться и поставили перед нами еду на большом керамическом блюде. Со страхом и опаской мы поели. Руки и ноги мои ослабели, тело покрылось потом. После еды нам вновь связали руки. От усталости слипались глаза, и мы уснули. Через какое-то время нас толчками разбудили и со связанными руками мы вновь двинулись по каменистой дороге. Но на этот раз вещи погрузили на осла, на другом ехали жена Файзуллоха и Абдуллох.

Мы шли довольно долго, делая периодически привалы. Из разговоров я понял, что Файзуллох – выходец из кишлака, находящегося рядом с Пакистаном, и мы идем туда, чтобы оставить там жену и Абдуллоха. До кишлака добрались только на третий день. Файзуллох велел сыну Садыку развязать нас. Абдуллох совсем не мог ступить на ноги, они распухли и гноились. Я спросил, почему он не пользуется мазями, что я дал ему. Он ответил, что ему запретили пользоваться снадобьями неверных.

– Ты не выбросил их?

Он достал из внутреннего кармана жилета мази и протянул их мне. Я сказал Файзуллоху, что необходимо лечить ноги Абдуллоха. На что он ответил, что в соседнем кишлаке есть табиб, и завтра его приведут. Я сказал, что лечить надо срочно.

– Где мы сейчас возьмем лекарства? – удивился он.

Я сказал, что дал Абдуллоху мази, но ему запретили пользоваться ими, он покачал головой и согласился.

Вымыв с мылом в теплой воде ноги Абдуллоха, я смазал их мазью и перевязал чистыми тряпицами. Не прошло и недели, как Абдуллох стал ходить. Файзуллох оказался добрым и милосердным. Я удивлялся, как мог подобный человек оказаться в рядах убийц. Проклятая война! Во что она превращает людей! Когда у мальчика окончательно зажали ноги, Файзуллох проникся к нам доверием, даже пригласил совершить вместе с ним полуденный намаз. Файзуллох поинтересовался, где я этому научился. Я ответил, что мой отец еще до советской власти учился в медресе в Бухаре и научил меня читать Коран и писать на арабском. После этого отношение ко мне Файзуллоха в корне изменилось.

Через несколько дней нам с Хасаном дали небольшой домик возле мечети. В кишлаке была старая мельница, работавшая на дизельном моторе. Но с некоторых пор она не работала, что-то в ней сломалось. Оказалось, что Хасан у себя в кишлаке работал трактористом. Я тоже в 11 классе учился на курсах трактористов, знал детали трактора и их назначение. В институте на занятиях по военной подготовке нам объясняли назначение деталей дизеля, их взаимосвязь и учили водить БТР. Провозившись с неделю, мы починили дизель и запустили мельницу.

Летели дни, недели, месяцы. И Хасан, и я постепенно смирились, привыкли к новым местам и новым условиям. Кроме одежды, языка, некоторых обычаев и традиций, афганцы ничем не отличались от нас, были такими же простыми и искренними, как люди нашего кишлака. Относились к нам уважительно, дети и старики приходили

посидеть и побеседовать с нами, нас приглашали на свадьбы и другие мероприятия. Так как имам мечети был уже очень стар, по предложению Файзуллоха меня назначили вместо него. Хасан, работающий на мельнице, стал одним из уважаемых людей кишлака, через некоторое время его женили на здешней девушке. Файзуллох несколько раз предлагал и мне жениться, для мусульманина холостяцкая жизнь – грех. Когда я сказал, что на родине у меня есть любимая девушка и я дал ей обещание, он напомнил мне, что мусульманский обычай позволяет иметь 4 жены. Но я обещал, что ни на ком, кроме нее, не женюсь и не могу нарушить данное мной слово.

И идя лунными ночами по горным тропам, и лежа связанным в темном хлеву – я все время думал об Ирине, даже не представляя, что могу жениться на ком-то другом. Когда я сказал Файзуллоху обо всем этом, он задумался и произнес:

– Мусульманин должен сдержать обещание, – и больше никогда не касался этой темы.

Ни Файзуллоха, ни его сыновей – Садыка и Ахмата – давно не было видно в кишлаке. Файзуллох иногда наведывался в кишлак проведать жену и сына. Абдуллох каждый день приходил ко мне, я учил его читать и писать. Писал он красиво, читать тоже научился быстро, выразительно читал Коран. Я рассказывал ему про Самарканд, про исторические памятники Гур-Эмир, Шахи-Зинда. Когда я рассказывал про ташкентские институты, стадионы, трамваи, троллейбусы, он слушал, раскрыв рот от удивления. Я никогда не забуду выражение его лица, когда он сказал мне:

– А люди ваши жестокие! Не такие, как вы и Хасан-ака!

По его представлению, люди у нас совсем не похожи на других. Они непременно жестоки и бессердечны, просто звероподобны – убивают людей, разрушают все и вся. Так ему внушили, и ничего другого он не мог воспринять своим детским умом.

Здесь в далеком горном кишлаке вечерней порой, когда солнце заходило за высокие горы, меня мучила тоска по родным краям, по родным, хотелось крепко обнять их, говорить... говорить... Увижу ли я когда-нибудь свой двор, урючину у входа, Ирину, родителей и братишек своих?.. Я старался утешать себя молитвами в мечети, беседами со стариками. Так прошло пять лет. Хасан по-прежнему работал на мельнице, он был уже отцом троих детей. Файзуллоха уже давно не было в кишлаке, но однажды, когда мы с несколькими стариками беседовали в мечети после утреннего намаза, вошел Файзуллох. Мы поднялись ему навстречу. Он ответил на наше приветствие кивком головы и стал читать намаз, а потом долго молился за души усопших. Проведя ладонями по лицу, он поднялся с места, поочередно заключая каждого в объятия. Он заметно похудел, почернел, сгорбился.

Вечером пришел Абдуллох и сказал, что отец зовет меня к ним. У мальчика были заплаканные глаза. Когда я спросил, в чем дело, он ничего не ответил. Меня охватило беспокойство. В длинной просторной гостиной был накрыт дастархан. Файзуллох, опустив голову, сидел на овчине. Он поднялся навстречу, посадил нас рядом с собой. Затем попросил меня прочесть молитву за упокой душ усопших. Завершил чтение молитвы он сам, посвятив ее душам своих сыновей: Садыка и Ахмата. Меня охватил озноб, закружилась голова. Я понял тогда, отчего почернел и сгорбился Файзуллох и почему плакал Абдуллох. Файзуллох нагнулся ко мне и прошептал на ухо:

– Никому ни слова. Особенно матери. Она сразу же умрет.

Абдуллох принес чай и еду. Я не решался спросить у Файзуллоха, как это случилось. Долгое молчание нарушил он сам, перебирая четки:

– Сегодня исполнилось семь дней, – сказал он.

– Это произошло во время боя? – спросил я.

– Нет, – ответил он. – Если бы это было так, не было бы так обидно. Люди Мансура убили. Они позвали Садыка и Ахмата в гости, устроили на дороге засаду и убили. Ни я, ни мои сыновья ничего дурного Мансуру не сделали. Всею виной эта проклятая

война. Она превратила всех в зверей. Люди убивают друг друга без всякого повода. Кому она нужна, война эта?.. За кого и зачем мы воюем? Почему убиваем друг друга? Когда закончится все это?

Каждое слово Файзуллоха, говорившего, глядя в землю, дышало гневом и презрением.

Еще до того, как попал в плен, я слышал про Мансура. Он был полевым командиром одной из таджикских этнических групп и прославился своей зверской жестокостью. А Файзуллох и его сыновья принадлежали к этнической группе пушту и были людьми правдивыми и храбрыми. Я понял, что трагедия произошла из зависти.

– На все воля Аллаха, – только и смог вымолвить я, как говорил мой отец.

– Правильно говоришь! На все воля Аллаха! Спасибо за данное нам и за отнятое! Только сыновья мои рано ушли из жизни, – он тяжело вздохнул. Даже при тусклом освещении было видно, что слова его полны слез.

В мечеть на утренний намаз пришел Файзуллох. Когда после намаза люди разошлись, он пришел ко мне в комнату. Я заварил чай. Пристально глядя на меня, Файзуллох сказал:

– И вы, и Хасан оказались хорошими людьми. Люди кишлака благодарны вам. Вы благоустроили мечеть, починили дизель, благодаря чему заработала мельница. Хасан очень облегчил людям жизнь, которые вынуждены были через три перевала молоть муку. Хасан теперь стал жителем нашего кишлака. Наверняка на родину он не вернется теперь. А вы, я вижу, тоскуете по родине. Вы не сможете всю жизнь жить здесь. Если захотите уехать, я провожу вас до Джалалабада. Если же решите остаться – женитесь. Не живите холостяком, – положил он руку мне на плечо.

Я знал, что Файзуллох – человек хороший, но слов таких от него услышать не ожидал. Из глаз моих невольно брызнули слезы радости. Файзуллох, поняв мое состояние, сказал:

– Собирайтесь! Сегодня вечером отправимся в путь.

Вечером я пошел к Файзуллоху. Под тенистым деревом возле айвана был расстелен ковер, накрыт дастархан. Через некоторое время пришел и Хасан. Мы с ним не виделись целую неделю, соскучились и заключили друг друга в объятия. После того как мы поели, Файзуллох сказал Хасану, что я уезжаю и что если он изъявит желание уехать, то его он тоже готов проводить до Джалалабада. Хасан, не ожидавший подобного предложения, задумался. Наконец, тяжело вздохнув, сказал:

– Я соскучился по родине, по родителям, но уехать не смогу! На кого я оставляю Нисо, сына своего и дочерей?..

Хасан попросил меня на родине навестить его родителей, рассказать, что он жив-здоров, что женился и у него трое детей. Живет хорошо.

Крепко обняв Абдуллоха, попросился с ним. Приглядевшись, я заметил, что он вытянулся, повзрослел, стал высоким, широкоплечим, как его отец. Увидев, что глаза Абдуллоха полны слез, я и сам чуть не расплакался. Ведь если бы не он... Я буду у него в долгу всю свою жизнь.

Файзуллох проводил меня до Джалалабада. Просясь, он со слезами сказал:

– Если обидел вас чем, простите! Не поминайте лихом!

– Спасибо вам за хлеб-соль, за доброе отношение, заботу. Простите, коли есть за что!

– Аллах простит, а мне не за что гневаться на вас.

* * *

В воинской части не осталось никого, кто знал бы меня: кто погиб, кто вернулся домой. Когда я спросил про Павла Антоновича Камнева, мне, слава богу, ответили, что он здесь. Он был теперь замполитом дивизии. Но он находился в Кабуле. Меня закрыли в одиночной камере гауптвахты. На третий день караульный привел меня к двери с табличкой «Заместитель командующего дивизией по политическим

вопросам Камнев П. А.», от радости у меня сердце заколотилось. Посреди кабинета, скрестив на груди руки, стоял Павел Антонович. Увидев меня, он воскликнул:

– Кого я вижу?!. Оказывается, и мертвые оживают! – и раскрыл объятия.

Я подробно рассказал ему о своих злключениях. Про Хасана я тоже рассказал всю правду.

– Скажи, что Хасан умер. Никому ни слова, что он добровольно остался там, – предупредил он меня и велел позвать какого-то майора.

Это был следователь. Он подробно записал все, что я рассказал ему. После этого я еще два года оставался в Афганистане.

В конце 1986 года на военном самолете мы прилетели из Кабула в Термез и сели на военном аэродроме. Семь лет назад я был отправлен в Афганистан из этого же аэропорта. Несмотря на холодную погоду и пронизывающий ветер, все существо мое огнем горело. Я дышал взахлеб, был пьян от воздуха своей родины. Я чувствовал себя таким счастливым, как младенец в объятиях матери. А ветер, казалось, доносил до меня аромат волос Ирины, ее дыхание.

* * *

Сразу по возвращению из Афганистана я начал поиски Ирины. Почему-то я был уверен, что она не вышла замуж, что ждет меня. На другой день по возвращении в кишлак я пошел в дом Уринбоя. Тетя Муяссар сгорбилась и поседела, как 90-летняя старушка, несмотря на то что ей не было еще и 60-ти. Она обняла меня и долго плакала. Пришла и Зулайхо с сыном Ёдгорбеком, похожим на Уринбоя в детстве. Прижав мальчика к груди, я невольно разрыдался, еще раз подумал, до чего же страшна война, сколько горя она несет людям, и как хорошо было бы, чтобы бедствие это, разлучающее отца с сыном, детей и матерей, жен и мужей, закончилось раз и навсегда. Ёдгорбек и тетя Муяссар казались мне воплощением всех матерей и сыновей, пострадавших от афганской войны. Сердце мое разрывалось. Я не мог найти слов утешения.

Поговорив с тетей Муяссар, я спросил у Зулайхо про Ирину. Она сказала, что родители Ирины умерли, а она в 1984 году, окончив университет, вернулась в кишлак и год работала в школе, но вскоре уехала в Россию к своей сестре. Поначалу она часто писала письма, но в последнее время перестала писать. И еще Зулайхо сказала, что Ирина даже после того как услышала, что я пропал без вести, верила, что я вернусь, ждала меня и до сих пор не вышла замуж.

Родители и родственники настаивали на моей женитьбе.

– Тебе уже под 30, волосы и борода уже седые, а ты все холостяком живешь, – твердили они снова и снова.

Я пообещал жениться после окончания института и отправился в Ташкент. Основной моей целью было отыскать Ирину.

Взяв у Зулайхо ее адрес, я поехал в Ленинград. Но по этому адресу ее не оказалось, сказали, что детям Ларисы не подходил влажный климат города, и потому вся семья переехала в центральную Россию: то ли в Уфу, то ли в Краснодар. Я не потерял надежды отыскать Ирину и немного боялся этой встречи.

Когда-то в аэропорту в ожидании самолета я зашел в кафе, чтобы выпить кофе. Ко мне подошла старуха-цыганка и протянула руку, прося милостыню. У меня в кармане были афганские купюры, и я их отдал старушке. Поблагодарив, она предложила мне погадать по руке. Она долго рассматривала ладонь, потом сказала, глядя мне в глаза:

– Ты живешь в тоске по кому-то. Впереди тебя ждут большие неприятности. Ты не найдешь человека, которого ищешь, – потом взяла мою вторую руку и продолжила: – Человек этот сам тебя найдет. Но лучше бы он тебя не нашел...

Каждый раз, когда я вспоминал эти слова, дрожь пробегала по телу. Вернувшись в Ташкент, я продолжал искать Ирину. Это стало основной целью моей жизни, я не мыслил жизни без нее.

В кишлак я не наведывался давно. Отец обижался, поэтому накануне первомайских праздников я поехал к родным. После долгих споров мне пришлось пообещать, что женюсь до конца года (но я так и не исполнил своего обещания).

* * *

И только без малого через десять лет я случайно встретился с Ириной в автобусе...

– Все говорили, что ты погиб в Афгане. А я не верила. Я верила, что ты жив и вернешься. Где ты был?

Ирина, не умолкая, задавала вопросы, я же стоял напротив, застыв, как изваяние. Отчего-то перед взором моим, словно кинокадры, проходили афганские события: вертолет, севший на поляну; дом, охваченный огнем; полуобгоревший труп Уринбоя; треск автоматов; Абдуллох, повисший на руке отца с криком мольбы «Не стреляйте!»; дивоподобный Файзуллох, заключивший меня в свои объятия при прошании; прошание с Абдуллохом; как я ташу за ноги Павла Антоновича за валун, чтобы спрятать; кишлак, горные тропинки...

– Рахмон, ты пугаешь меня! Что с тобой происходит?! – от молящего голоса Ирины я пришел в себя.

Вскинув голову и открыв глаза, я увидел, что Ирина побледнела, из глаз струятся слезы.

– Ира, не пугайся. Сейчас это пройдет. После Афгана иногда, когда я волнуюсь, со мной происходит подобный ступор. А увидев тебя, я не на шутку разволновался.

Ирина плакала, прижав мою голову к себе. Я старался успокоить ее, рассказал о том, как после Афгана искал ее, где только не побывал, как мечтал хотя бы разок увидеть ее.

– Ты замужем? – спросил я, глядя ей в глаза.

Я и сам не понимал, зачем задал этот бессмысленный вопрос. Меня охватила дрожь. Ирина же стояла и улыбалась. Вытерев глаза, она ответила таким дорогим для меня голосом:

– Глупенький! Я приехала, чтобы найти тебя, а ты задаешь такой нелепый вопрос.

И она крепко обняла меня. Ее взгляд, милый смех, мягкая улыбка были такими же, как и прежде.

– Ты и вправду ждала меня? Верила, что я жив?

Ирина, видя, что я весь дрожу, крепко обняла меня и сказала сквозь слезы:

– Я знала, что ты вернешься. Я нашла тебя!

Душевная боль, годами пожиравшая меня, тоска по Ирине таяли, превращаясь в струи слез, льющихся из моих глаз. Всем существом своим я чувствовал радостное облегчение. Мне хотелось снова и снова прижимать Ирину к своей груди, целовать ее глаза, ее лицо...

– Почему мы стоим здесь? – спросила Ирина.

– Пошли! Пойдем домой! – сказал я.

– Хорошо! Теперь все будет, как ты скажешь. Я пойду с тобой куда угодно!

Я был на седьмом небе от счастья. Взявшись за руки, мы отправились в кафе «Уголок». Когда-то, получив стипендию, мы приходили сюда, чтобы вкусненько поесть.

– Что же ты хотела сказать мне тогда в горах?

– Это я скажу тебе, когда рядом никого не будет, – бросив озорной взгляд, улыбнулась Ирина, потом добавила: – А ты понесешь меня опять, если я упаду?

– Теперь не падай! Никогда не падай! Я буду носить тебя на руках, даже если ты не упадешь.

Мы прошли к столу в углу кафе и в честь нашей встречи заказали шампанское. Ирина рассказала о том, что, окончив институт, год преподавала в нашей кишлачной школе, когда как узнала о полученном моими родителями извещении, что я пропал

без вести, несколько раз ездила в военный комиссариат наводить справки, а после смерти своих родителей уехала к сестре в Ленинград и оттуда писала письма в наш комиссариат с запросами обо мне. Три дня назад она приехала в Ташкент и остановилась у Насибы в Тойтепе, а вчера вечером приехала в кишлак, пошла к Зулайхо и от нее узнала, что я только что уехал в Ташкент. Я удивлялся тому, что судьба свела нас вот таким образом. Из кафе мы вышли около 4 часов пополудни. Ирина решила поехать в Тойтепу за своими вещами. Я предложил ей поехать вместе, но она отговорила меня и обещала возвратиться завтра первым утренним рейсом. Я проводил ее до автостанции. Перед тем как подняться в автобус, Ирина на прощание подставила щеку. Мне хотелось поцеловать ее в губы, но автобус решительно засигнализировал, Ирина вздрогнула и заторопилась.

– Опаздываю по графику, садитесь быстрее, закрываю двери. Надо отправляться, – сказал водитель.

Махая рукой на прощание с улыбкой, которая так была ей к лицу, Ирина повторила:

– Вернусь первым утренним рейсом. Не жди меня, иди на работу. Я сама найду тебя.

У меня отчего-то зашемило сердце. Необъяснимое беспокойство овладело мной, и возникло какое-то тяжелое предчувствие. Приподнятое настроение, почти эйфория, вдруг исчезло, на душе стало как-то пусто и неуютно. Отчего-то я возненавидел водителя, помешавшего проститься с Ириной. Ноги и руки ослабли, мне показалось, что все вокруг окунулось вдруг в кромешную тьму. «Встретившись с любимой через столько лет, я так и не узнал, что же она хотела сказать мне на ухо, – корил я себя. Собравшись с мыслями, я подумал: – Ведь она завтра приедет. Столько времени терпел, потерплю до завтра».

Я закупил в магазине продуктов, навел полный порядок в доме к приезду Ирины и сел писать доклад к завтрашнему рабочему дню. Несмотря на усталость, спать совсем не хотелось. Я думал о завтрашней встрече с Ириной: радовался и тревожился, и необъяснимая тревога эта становилась все сильнее и сильнее. Вдруг вспомнились слова цыганки, сказанные мне в Кабульском аэропорту, я в ужасе вскочил с постели, снова лег, но уснуть не мог, потом беспокойно задремал. И мне приснилась встреча с Павлом Антоновичем Камневым в Джалалабаде и последующие после той встречи события уже после плена.

* * *

Думая, что Ирина успеет приехать до моего ухода на работу, я ждал, что вот-вот раздастся стук в дверь. Ее все не было. Тревога не покидала меня. Подумав, что Насиба не отпустила Иру спозаранку, я неохотно отправился на работу. Я объяснил Ирине, как найти место, где я работаю, дал номер телефона, так что она вполне могла найти меня. Но она не появилась и к следующему утру. Чуть свет я отправился в Тойтепу. Ирина говорила, что Насиба работает в школе в райцентре, и я легко разыскал ее. Завидев меня, она обрадовалась:

– Рахмон-ака, это вы? Здравствуйте! Слава Богу, вы живы и здоровы! Как вы нашли меня? А где Ирина? – спросила она, волнуясь. – Она не приехала с вами?

Вопрос ее ошеломил меня, я растерялся. Увидев мое состояние, Насиба встревожилась:

– Четыре дня назад она поехала в ваш кишлак, чтоб разыскать вас, и все еще не вернулась. Вы не встречались с ней? Не виделись?

Когда я рассказал, что мы с Ириной встретились, и она позавчера вечером отправилась в Тойтепу за вещами, Насиба оторопела.

Я поспешно кинулся искать Ирину. Я решил найти тот автобус, на котором она уехала. Подойдя к капитану, стоявшему на посту ГАИ, я спросил у него, не было ли каких-либо дорожных происшествий за прошедшие два дня.

– А почему вы спрашиваете? – уточнил он.

Узнав, что я ишу молодую русскую женщину, он хмуро сообщил, что позавчера вечером, не доехав до Тойтепы десяти километров, потерпел аварию автобус марки «ЛАЗ», и несколько человек погибли. По словам капитана, шофер ехал с недозволенной скоростью и на повороте не справился с управлением. Автобус, ударившись о большое дерево на обочине, перевернулся, погибли три человека и сам водитель. Одной из жертв аварии стала русская девушка. Капитан сообщил, что раненые и погибшие находятся в районной больнице. Я помчался туда, главврач вызвал патологоанатома и поручил ему показать мне трупы. Худой человек с неприятным морщинистым лицом и седыми висками, по виду большой любитель спиртного, спросил:

– Не боитесь трупов?

Я ничего не ответил, он провел меня в морг и откинул простыню с лица одного из трупов... Это была Ирина... Казалось, что она спит, прядь черных волос лежала на лице, а на губах, подобных бутону цветка, застыла нежная улыбка. Я подошел к ней поближе. Осторожно погладил волосы и поцеловал ее лицо. Почему-то перед глазами возникла наша последняя встреча, я прямо услышал:

– Я потом скажу вам кое-что на ухо...

Ирина была будто живая, казалось, она просто спит... Нагнувшись, я еще раз поцеловал ее в губы и, обняв, зарыдал. Мне казалось, что жизнь кончилась, что жить дальше бессмысленно и незачем. Врач, наблюдавший за мной, сказал сочувственно:

– Ее все равно не вернуть! Наберитесь мужества! Терпите! – и прикрыл Ирину лицо.

Выйдя во двор, то ли от жары, то ли от горя я буквально задохнулся. С трудом добравшись до скамейки, стоявшей под деревом, присел. Сидел я довольно долго. Потом, придя немного в себя, зашел к главврачу, сказал о том, что у погибшей в Узбекистане нет никого из родственников, и хлопоты о похоронах я возьму на себя. Выйдя из больницы, я пошел в школу и рассказал о случившемся Насибе. Я был вне себя, сожалея, что не погиб в Афгане.

Открыв сумку Ирины, оставленную у Насибы, мы осмотрели все бумаги и документы, но не нашли там ни адреса Ларисы, ни номера ее телефона или других близких, поэтому я не смог сообщить о гибели Ирины никому из ее родственников. На другой день я позвонил в кишлак своему однокласснику Камариддину, сообщил о трагедии и попросил его подготовить место для Ирины на русском кладбище подле могил ее родителей.

Камариддин успел оповестить всех наших одноклассников и друзей, собралось около ста человек. Похоронили Ирину по христианскому обычаю, помянули покойную в новом маленьком кафе, построенном в центре кишлака.

С тех пор каждый год в день рождения Ирины я обязательно езжу в кишлак, иду на кладбище и, приведя в порядок могилы, ее и ее родителей, долго-долго беседую с ней.

* * *

После того как я потерял Ирину, жизнь утратила для меня всякий смысл. Дни тянулись один за другим скучные, безрадостные. Казалось, все вокруг обьято беспросветной тьмой. У меня не было теперь ни цели, ни надежды, ни стремлений... Только теперь я понял, что даже ожидание чего-то для человека – счастье. Оказывается, стремление, вера, надежда, любовь – это и есть смысл нашей жизни. Самое же худшее – безнадежность.

Я проводил дни в полном одиночестве и апатии в своей однокомнатной квартире. Изредка приезжал в кишлак, повидав родителей, шел к могиле Ирины, а потом уезжал. Родители и родственники приложили немало усилий, чтоб уговорить меня жениться, но сдались. Возвращаясь с работы, я не знал куда себя девать и часто

уходил на площадку «моржей» на берег Анхора. Это место как-то благотворно действовало на меня, умиротворяло мою страдающую душу. Видно, потому, что после занятий мы часто бывали здесь с Ириной. Здесь я вспоминаю, как взявшись за руки, мы часто бродили с ней по берегу Анхора, любовались мелкими волнами прозрачной воды. Теперь, бывая здесь, я гляжу на тенистые деревья, и мне кажется, что я вижу ее вновь, а журчание воды напоминает ее голос.

Вот так, страдая по любимой, я не заметил, как прошло пять лет.

Погода в начале весны прохладная. В очередной воскресный день я оделся теплее и с удочкой направился на берег Анхора к тем деревьям, которые знали Ирину и сочувствовали, как мне кажется, моему горю. По небу плыли мелкие облака, словно гоняясь друг за другом. Ветер срывал с ветвей задержавшиеся на них капли дождя и резко бросал их в лицо. Когда стоишь под дорогими твоему сердцу знакомыми деревьями, даже капли дождя кажутся ласковыми и родными. Вот он тот Анхор! Знакомый и дорогой сердцу Анхор!

Спустившись поближе к воде, я постелил подстилку, сел и, закинув удочку, стал смотреть на поплавок. Неожиданно поплавок шевельнулся, и в это время кто-то спрыгнул с противоположного берега, послышался громкий всплеск воды. «Эх, жаль, спугнул рыбу!» – раздраженно подумал я и вновь устался на поплавок. Глянув в сторону всплеска, я увидел, что кто-то там купается. Поскольку купание здесь было обычным делом, я не стал обращать внимания, тем более что поплавок вновь зашевелился. Все мое внимание было обращено на него. Вдруг до слуха донесся истошный женский крик: «Помогите!» Глянув туда, откуда раздался крик, я увидел, как купающийся, то появляясь над водой, то исчезая, беспорядочно машет руками, взывая о помощи. Женщина тонула. Недолго думая, я стянул с себя одежду и бросился в воду. Пока доплыл до тонущей, на поверхности, как водоросли, виднелись распущенные длинные волосы. Крепко ухватив их, я поплыл к берегу. Перехватив утопленницу за руки, я вытащил ее из воды. Передо мной лежала худенькая девушка лет 23–24-х. Она не дышала, глаза закрыты, лицо посинело. Я принялся откачивать ее, трясти, осторожно массировать сердце. Этому нас перед Афганистаном на подготовительных занятиях по оказанию первой помощи учили. Постепенно она пришла в себя, губы слегка порозовели. Девушка дрожала всем телом, даже зубы стучали. Я накинул на нее свою куртку, достал из рюкзака термос с горячим чаем и, налив, поднес к ее губам. Она сделала глоток, дрожь постепенно утихла. Тогда я внимательно взглянул ей в лицо. И чуть было не закричал – передо мной сидела Ирина! Когда мы в последний раз приходили с ней сюда, вдруг полил дождь, и я, сняв куртку, надел на нее. И сейчас передо мной предстал ее образ. Это была Ирина, такая, какой она была много лет назад, Ирина, с которой я танцевал на карнавале...

Я был не в себе, опять поспешно налив чаю, протянул девушке. Она постепенно приходила в себя. Я принес с другого берега ее рюкзак и одежду. Девушка переоделась, я накинул ей на плечи свою куртку. Быстро собрав вещи, мы вышли на дорогу, я остановил такси. Она хотела было отдать мою куртку, но я, сказав: «Потом привезешь», – назвал свой адрес и пошел домой, посчитав неудобным в таком виде садиться в машину – ведь я был совсем мокрый. Холодный ветер пронизывал до самых костей, я сильно простудился. Ночью у меня поднялась температура, знобило, ломало, я не мог встать. Лекарств дома не было, пойти в аптеку не было сил... Как недостает в подобные минуты человека, который мог бы позаботиться, налить пиалушку чая или спросить: «Как ты себя чувствуешь?».

От высокой температуры я едва осознавал реальность. Мне показалось, что кто-то звонит в дверь. С трудом поднявшись с постели, я, держась за стену, еле добрал до двери. Звонили снова и снова. Кое-как открыв дверь, я увидел стоящую передо мной Ирину. Что со мной? Может, я брежу? Я брежу! Точно брежу! Что-то сказав, Ирина протянула мне довольно большой пакет. Я хотел было взять, но закружилась голова, и я опустил на пол. Что-то со стуком упало.

– Ой, что с вами? – слышался тревожный девичий голос.

Девушка с трудом пыталась поднять меня с пола.

– Приболел немного... Голова закружилась... – прошептал я, стараясь подняться, но не смог.

Девушка с большим усилием дотащила меня до кровати и уложила. Дальше я ничего не помню, потерял сознание. Пролежав неизвестно сколько, я почувствовал нестерпимый жар, внутри у меня все горело. Желая попить, я хотел приподняться, но тут чьи-то мягкие руки легли мне на голову, и кто-то сказал на ухо:

– Что вы хотите? Скажите. Не утруждайте себя, не беспокойтесь.

Это был знакомый голос. Не знаю, попил я или нет, так как опять потерял сознание. Прийдя в себя, я вновь увидел Ирину, сидящую у моей постели и держащую свою руку на моем лбу. Опять Ирина! Я закрыл глаза. То ли от жара, то ли от волнения все мое существо сотрясала жуткая дрожь, мысли путались. Я постарался взять себя в руки и вспомнить, что произошло, понять, что происходит сейчас, у моего изголовья на самом деле стояла Ирина, девушка как две капли воды похожая на нее. Даже голос... Я поспешно закрыл глаза, а открыв их через некоторое время, снова увидел рядом с собой Ирину, мою любимую, мою Ирину! Не веря глазам, я спросил:

– Кто вы?

– Я – та девушка, которую вы спасли на Анхоре, – ласково ответила она.

Почувствовав в этом нежном голосе нотки бесконечной благодарности и неиссякаемой заботливости, я снова закрыл глаза.

– Недавно приходил врач и сделал вам укол, скоро жар спадет. Вы поправитесь, – утешала меня девушка.

– Врач был? А кто его вызвал?

– Я вызывала скорую, – ответила она.

Потом осторожно приподняв мою голову с подушки, поднесла к моим губам пиалу. Я с наслаждением выпил горячего сладкого чая. Затем еще раз спросил:

– Кто вы?

– Ирина, – ответила девушка, нежно улыбаясь.

– Ирина!?. – я застыл от изумления.

Моя реакция напугала девушку и, видимо, думая, что сказала что-то неуместное, виноватым голосом она пояснила:

– В бреду вы все время звали Ирину, обращаясь к ней, прося дать воды. Вот я и подумала, пусть будет по-вашему: я буду для вас Ириной.

Я долго молчал. Мысли путались. В голову ничего путного не приходило. В висках стучало, и все мое существо было объято одним единственным желанием – я хотел, чтоб девушка эта, так похожая на мою Ирину, эта нежная, заботливая девушка никогда и нигде не исчезала, чтоб она осталась со мной в этом доме на всю жизнь.

Перевод Гавхар НОРМАТОВОЙ

Гавхар НОРМАТОВА

Родилась в 1951 г. в Бухаре. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Переводчик с узбекского, русского, турецкого, азербайджанского языков. Член СП Узбекистана.

ДЕТИ БАТУ

Судьбы ташкентцев

Владимир ФЕТИСОВ

Когда-то, в ноябре 2012 года, на сайте «Письма о Ташкенте» был опубликован мой очерк «Улицы моего детства». Встречен он был довольно благосклонно, о чем свидетельствовали комментарии читателей, но, как это всегда бывает, с течением времени комментарии иссякли, как и интерес к очерку. Вдруг совершенно неожиданно, спустя два года, появляются сразу два комментария. Один чисто технический, а второй комментарий заставил задуматься. Некто Усман интересовался Мунавар Ходжаевной – был ли у нее шрам на лбу.

В моем детстве были две Мунавар. Первая – старшая сестра моего друга детства, одноклассника и однодворника Адыла Юсупова, но она Каримовна. Вторая – Мунавар Ахмеджановна (а не Ходжаевна) Енилеева – учительница узбекского языка, по учебнику которой мы учились.

Проведя некоторые раскопки в своей памяти, припомнил: действительно, был у нее небольшой шрам на лбу, о котором она нам ничего не рассказывала, хотя очень любила делиться интересными эпизодами своей жизни. Решив, что именно эту Мунавар имел в виду Усман, я и сам заинтересовался историей появления этого шрама, вступил в переписку с автором комментария, стал искать в сети и вот что в результате узнал...

Место действия – Ташкент. Время действия – 30-е годы прошлого века. Время, выраженное ахматовскими строками:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами «черных марусь».

В 1938 году в Москве проходил процесс по делу так называемого «правотроцкистского блока», где в качестве обвиняемых были и представители партийной верхушки нашей республики – Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев и Дмитрий Манжара.

Дмитрий Иванович Манжара жил на улице Топографической, маленькой улочке между Жуковского и Гоголя. За ним пришли летом 1937 года, вопреки чекистской традиции пришли утром. Подъехал черный ЗИС-5, та самая «черная марусь», начался шмон, из окон полетели пух и перья из разодранных подушек и перин. Через некоторое время вывели самого Манжару. Многочисленные соседи, привлеченные этим зловещим зрелищем и столпившиеся на улице у ворот дома, где проживал Дмитрий Иванович,

Владимир ФЕТИСОВ. Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский политехнический институт. Работает в компании UCell. Известный очеркист, автор статей об истории края и судьбах ташкентцев.

сначала не узнали его. Он стал будто меньше ростом, украинская рубашка-вышиванка, которую он всегда носил, была разорвана и испачкана кровью, пышные украинские усы поникли на почерневшем лице. За ним шла и громко голосила жена Елена.

Больше его никто никогда не видел.

Распространился слух, что Манжара – английский шпион, при обыске якобы нашли в его доме валюту, мануфактуру и аксессуары, свидетельствующие о подрывной деятельности. Правда, в это мало кто верил, а вскоре забрали жену и сына Николая.

Впоследствии сын Дмитрия Ивановича полными пригоршнями, как пел Высоцкий, зачерпнул обиды и хлебнул горя, что не бывает горше. Тюрма, штрафбат на фронтах Второй мировой, где он доблестно сражался и вернулся в родной Ташкент, украшенный иконостасом орденов.

Многие ташкентцы, жившие в 30–40-е годы, помнят замечательного вратаря Николая Манжару, зашивавшего ворота ташкентской футбольной команды «Пишевик». А я запомнил дядю Колю веселым затейником, который блистательно изображал Чарли Чаплина под аккомпанемент аккордеона моего отца.

Николай Манжара учился в школе № 60 им. Шумилова, в той же школе учились и другие дети так называемых «врагов народа», в частности, сын Акмаля Икрамова Камил. Среди одноклассников Камил был Эрки Ходиев – Эрик, как его называли друзья.

Осенью 1937 года в класс, где учился мальчик, вошла учительница узбекского языка Мунавар Ахмеджановна. Окинув взглядом класс, она сказала:

– Дети, в нашем правительстве окопались враги народа. Это Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев, Дмитрий Манжара и другие... Вот и у нас учится Эрик, он хороший мальчик, но его папа тоже хотел, чтобы вернулись буржуи, капиталисты, баи и басмачи.

Эрки Махмудович впоследствии вспоминал, как волна ярости накрыла его, не помня себя, не думая о последствиях, он вырвал из парты откидную доску, кинулся к Мунавар Ахмеджановне и изо всей силы ударил ее этой доской. Учительница упала, Эрки убежал, целый день где-то прятался, а ночью, раздобыв керосин, хотел поджечь школу. Облил кирпичные ступени керосином, поджег, но... сгорел только керосин. Свидетелями поджога стал и один из его одноклассников Николай Ерин, и часовой, охранявший штаб Среднеазиатского военного округа, находившегося напротив школы.

Камил Икрамов в своей книге «Дело моего отца» – а именно оттуда я узнал эту историю – пишет:

«Встретил Эрки Мунавар Ахмеджановну через много лет, будучи студентом ТашМИ. Встретил на одной из центральных улиц Ташкента и узнал по тому самому шраму, виновником появления которого он был.

Добрый человек Эрки, детский хирург... А мне горько, что со мной такого взрыва не было.

Бедная Мунавар Ахмеджановна! Конечно ты пострадала зря. Но так будет всегда, если главные виновники остаются безнаказанными».

Мунавар Ахмеджановна Енилеева в 60-е годы прошлого века учила узбекскому языку и наш класс, все в той же школе № 60 им. Шумилова. К этому времени она была заслуженной учительницей Узбекской ССР и автором учебника.

«Так значит этот мальчик Эрки стал хирургом», – подумал я и бросился искать в сети информацию о нем. К сожалению, сведений о нем практически не было, буквально крупичи.

Единственное упоминание я нашел на сайте Ташкентского педиатрического института в разделе о кафедре госпитальной детской хирургии. Вот что там было написано: «Кафедра госпитальной детской хирургии Ташкентского педиатрического медицинского института была основана в 1979 году. Ее первым заведующим стал профессор Эрки Махмудович Ходиев, воспитанник и ученик многогранного хирурга с мировым именем академика А. А. Вишневого. Профессор Ходиев Э. М. возглавлял кафедру до 1991 года. Он был организатором многопрофильной детской хирургической клиники и внес большой вклад в развитие детской торакальной хирургии в нашей республике».

Какова же была судьба у этого мальчика? Каким был путь от изгоя с клеймом «сын врага народа» до хирурга, профессора, доктора наук?

От журналиста Ефрема Рябова – именно он скрывался под ником Усман – я узнал, что у Эрки была сестра Наима Махмудовна, долгие годы возглавлявшая Узсовпроф, профессор, зам. министра здравоохранения Республики, автор монографии «История развития терапии в Узбекистане». «Надо же, – подумал я, – еще одна необычная судьба». К сожалению, ни ее адреса, ни телефона Ефрем не знал. Тогда я стал расспрашивать всех подряд – сослуживцев, друзей, знакомых – и узнал, что она живет в Доме специалистов на набережной Анхора, от своего давнего друга А. Б. Суслова.

Предварительно получив согласие на визит, мы с ним отправились в гости. Нас встретила приятная женщина, весьма преклонного возраста. Благоклонно выслушав причину визита, она пригласила нас в квартиру и за чаем рассказала о драматичной судьбе своей семьи.

Родителями Наимы и Эрки были поэт Махмуд Ходиев, творивший под псевдонимом Бату, и писательница Валентина Петровна Васильева.

Юные, творчески одаренные, Бату и Валентина жадно впитывали все новое. Посещали лекции Луначарского, знаменитые «Никитинские субботы», участвовали в литературных вечерах, где проходили бурные диспуты и известные поэты читали свои стихи. Любовь к литературе и искусству сблизила их. Дружба переросла впоследствии в большое чувство, и они поженились. 3 января 1926 года на Гоголевском бульваре в Москве у них родился сын. Эрки – так назвал его отец. Эрки – значит свободный.

После окончания университета молодая семья вернулась в Узбекистан, в Самарканд, в то время столицу республики. Махмуд занял пост заместителя наркома просвещения, а Валентина стала работать в школе.

В 1928 году у них родилась дочь Наима.

Махмуда Ходиева, Бату, выдающегося узбекского поэта, стоящего в одном ряду с классиками узбекской литературы, такими как Хамза Хакимзаде Ниязи, Абдулла Кадыри, Садриддин Айни, арестовали в 1930 году. В лермонтовском возрасте 26-летний поэт был отлучен от семьи и литературного творчества.

Пришли за ним ночью. Обыск продолжался до утра, и Валентина попросила чекистов не шуметь, чтобы не разбудить детей. Уже светало, когда Бату увели. Домой он больше не вернулся.

До 1936 года еще приходили письма. Потом и вестей не стало.

*За днями дни в неведомый нам край,
Как сказочно крылатый конь, летят.
Вот кончится зима, наступит Май,
Лучи весны и след зимы сметят,
И лишь останутся воспоминанья,
Как призрачно неясные преданья.*

(Из письма Бату к жене, написанного в 1932 году.)

Мир детей жесток, и после случая с учительницей узбекского языка Эрки и Наима рано узнали, что такое несправедливость. Детей Бату травили и подвергали издевательствам ученики, не отставали от своих отпрысков и родители, требовавшие, чтобы детей «врага народа» исключили из школы. Валентина Петровна была вынуждена перевести сына и дочь в другие, разные, школы (Эрки перешел в 50-ю, а Наима – во 2-ю).

Проживали они в это время на улице Первомайской, напротив дома, где во время эвакуации будет жить «советский граф», писатель Алексей Толстой. Время было трудное, прожить на мизерную зарплату Валентины Петровны, работавшей в САГУ библиотекарем, было практически невозможно, помощь оказывали близкие: родители, братья и сестра Бату.

Через некоторое время Эрику пришлось уйти и из 50-й школы. Причина все та же – «сын врага народа»... Он переходит в ФЗУ (фабрично-заводское училище) и начинает осваивать слесарное дело... Работа в мастерских Таштрама, потом учеба

в классе с 30-ти минутным перерывом на обед. И снова практика в цехе до 17.00. Через полгода Эрик получает удостоверение слесаря по автомобилям.

Июньской ночью 1941 года пришли и за женой Бату. После многочасового обыска Валентину Петровну увели. Родственников на заседание суда не допустили. Дети увидели мать только мельком после приговора, когда ее уводили, она успела крикнуть: «Дети, держитесь, мне дали 10 лет, но это недоразумение, я скоро к вам вернусь». Валентину Петровну ждал Асиновский трудовой лагерь, затем Колымская ссылка. И только редкие письма из Ташкента согревали душу и не давали исчезнуть надежде.

Эрки, оставшись без присмотра, связался с дурной компанией – блатными с Переушки. Несколько раз участвовал в кражах, стоял на «атасе». Через некоторое время, осознав, что это путь в пропасть, он пытается разойтись со своими криминальными «друзьями», но сделать это было очень трудно.

Однажды рано утром в квартиру на Первомайской, где он жил, постучали. Это были его блатные приятели.

– Прими вещи.

– Украли?

Засмеявшись, они начали уверять, что это вещи одного из друзей, переезжающего на новое место жительства.

«Я открыл дверь, – вспоминал Эрки Махмудович, – вещи запихали в чулан и дали 200 рублей за хранение».

Утром он услышал, что ночью была ограблена костюмерная театра оперетты, а 10 января 1942 года к Эрику пришли с обыском. Украденное было найдено и последовал арест. Суд приговорил сына Бату к 4-м годам заключения.

Наказание он отбывал в Урта-ауле, неподалеку от Ташкента. И вот там случилось чудо. Тюремный фельдшер Закиров оказался другом его отца и забрал мальчика в больницу санитаром. Эрки многому научился, работая в неволе, и на всю жизнь полюбил врачевание, уже не мысля для себя другой профессии.

В 1946 году Эрки возвращается из заключения. Родной дядя, брат отца, берет его к себе на работу в больницу. В тот же год Эрки сдает экстерном экзамены за 10 классов и поступает в ТашМИ, где уже учится его сестренка Наима. В институте он встречает любовь всей своей жизни, свою сокурсницу Азу, Азу Семеновну Зарзар.

Дочь успешного юриста, владельца адвокатской конторы, Аза счастливо жила в бессарабском городе Килия. Там, где Дунай вливается в Черное море. 8 июня 1940 года семья Зарзар, как и остальные жители Бессарабии, в одночасье оказалась в другом государстве – СССР. Отец Азы был репрессирован, а члены его семьи, в том числе 14-летняя Аза, после долгих скитаний и мытарств оказались в местечке Сырдарья Узбекской ССР. После окончания школы девушка поступает в Ташкентский медицинский институт, где и встречает свою судьбу.

Свахой стала Наима, учившаяся на одном курсе с Азой. Влюбленные женятся и поселяются у тестя с тещей в сторожке 2-го правительственного стационара, где отец Азы, вернувшийся к семье после вынужденной разлуки, работал сторожем.

В 1951 году возвращается из ссылки Валентина Петровна Васильева. Незадолго до возвращения она получила письмо от сына, в котором он рассказывал о своей легкой жизни, учебе, выбранной профессии:

«Я люблю выбранную профессию, очень люблю, учусь же я на врача-педиатра. Детей я люблю, как главную радость в человеческой жизни.

Очень ненавижу смерть и борюсь с нею. Главным в медицине считаю хирургию. Она, только она одна, борется со смертью активно. Поэтому я хочу стать детским хирургом. Работаю я в хирургическом отделении. Сначала был санитаром. Медбратом и наркотизатором, место приложения моих медицинских знаний – 2-я хирургическая клиника ТашМИ...

...Я буду спасать детей, и делать это буду не один. Мамочка, у меня есть подруга, и она тоже станет врачом. Если ты разрешишь, и как говорит Ойи, благословишь наш брак, она станет моей женой. Мой отец был узбеком, ты – русская, а моя жена – молдаванка. Кто по национальности будет наш сын? А первый ребенок у нас будет обязательно сыном. Приезжай, мама, скорей! Приезжай».

На вокзале Валентину Петровну встречали всем семейством – дети, мать, свекровь, братья и сестра Бату. Но еще долго ей не разрешали проживание в Ташкенте.

В 1953 году у Эрки и Азы рождается первенец – сын Валентин.

После окончания института молодой врач Эрки Ходиев получает назначение на должность хирурга в Кибрайскую больницу. Молодой семье выделили одну комнату в доме напротив больницы, и начались врачебные будни.

Однако молодой, амбициозный врач мечтал о большем и однажды, открыв газету, увидел объявление: «...институт Хирургии имени А. В. Вишневского объявляет конкурс в аспирантуру, ординатуру...». Эрки загорелся. Собрав необходимые документы, он отправил их в Институт Хирургии АМН СССР. Однако пришел отказ – не хватало трехлетнего стажа.

Но Эрки не сдаётся, он едет в Москву и отправляется на прием к академику Вишневскому. В течении месяца он, как на работу, ходит в приемную знаменитого хирурга и просиживает там целый день. Однако лично побеседовать с академиком не удастся.

«Каждый раз утром Александр Александрович, выходя из машины, говорил:

– Ты опять здесь, ядрена мать, опять я про тебя забыл, завтра, завтра, иди в приемную, жди, – вспоминает Эрки Махмудович. – Но пришел, наконец, день, когда, поздоровавшись с Вишневским на лестнице, я услышал:

– Беги вперед и жди меня у двери, зайдешь тут же за мной, предупреди Варвару, чтобы никого не пускала, ты мне надоел, сидишь в ж.е, как геморрой.

...Я стал рассказывать:

– Я врач, закончил Ташкентский медицинский институт в 1952 году, прочел книгу «Во имя жизни» о Вашем отце и о Вас, хочу работать и учиться у вас.

Он опешил, остановился, в руках халат, одет один рукав, посмотрел серьезно на меня, на заведующего отделом кадров.

– Дурак, у меня весь мир хочет работать.

Затем он громко расхохотался. Варвара услышала шум, приоткрыла дверь. Александр Александрович поманил ее и неожиданно визгливым голосом крикнул:

– Варвара, этот мальчик-врач хочет работать у меня, как ты думаешь?

Она серьезно ответила:

– Раз хочет и уже месяц вместо отпуска обивает наши пороги, думаю, из него будет толк.

Александр Александрович тут же перестал смеяться, стал серьезным ...потребовал документы и начал расспрашивать о моих родителях. Я честно сказал, что отца, по-видимому, расстреляли в 1938 году как врага народа, а мама отсидела 10 лет на Колыме. Александр Александрович покраснел, нахмурился, в кабинете, кроме нас двоих, никого не было, ткнул меня сильно в плечо и громко сказал:

– Слушай, салага, ты, похоже, честный парень, раз решился такую вещь сказать генералу?

Мне стало плохо, прошиб холодный пот. Очнулся я, когда Александр Александрович сел в свое кресло и заорал:

– Варвара, где Карапетян, позови срочно! – подал мне ручку, листок бумаги. – Пиши, – и продиктовал заявление на имя директора института с просьбой о приеме в ординатуру. – Да раздобудь в вашем министерстве бумагу с рекомендацией. – Он взял написанное заявление, поднял на лоб очки, прочел и говорит: – Говоришь хорошо, пишешь неплохо, но запятые ставить не умеешь, – сделал паузу и продолжил: – Я сам ни хрена не умею ставить знаки препинания, почерк у меня тоже не ахти, так что беру тебя к себе без конкурса и волокиты, будешь первый узбек в Институте Хирургии имени А. В. Вишневского».

Вскоре к мужу в Москву приехала Аза Семеновна и тоже поступила в аспирантуру к Вишневскому. Думаю, это были самые счастливые годы в жизни молодых врачей – годы становления в науке, рождения детей. Они блестяще защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации в 1987 году. Оба были удостоены медали им. А. В. Вишневского.

В 1958 году Валентина Петровна Васильева была полностью реабилитирована, получила компенсацию и трехкомнатную квартиру на Чиланзаре. Проработала до конца своих дней в детском саду воспитательницей.

Отец Эрки и Наимы, выдающийся поэт и просветитель Бату, также был реабилитирован в 1958 году. Произведения поэта возвратились к читателям.

Наима Махмудовна после ухода с поста председателя Узсовпрофа предприняла попытку найти если не могилу, то хотя бы свидетельства жизни своего отца в заключении: она съездила на Соловки, запросила архивы КГБ и узнала страшную правду, о которой они с братом прежде могли только догадываться. Махмуд Ходиев был расстрелян в 1938 году по приговору трибунала, как и Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев, Дмитрий Манжара.

В мае 2004 года в Ташкенте отмечалось 100-летие Бату. На торжественном заседании выступил простой учитель, тоже прошедший через ужасы сталинских лагерей. Он рассказал удивительную историю. В тюремных застенках ему попала книга, на обложке которой торопливым почерком было написано: «Друг, если выйдешь до меня, передай моим родным, что я жив и со мной все в порядке».

Под строчками стояла подпись – Бату. Выполнить просьбу товарища по несчастью этот человек не сумел, но помнил об этом всю жизнь.

Творческий талант родителей передался их дочери. Наима Махмудовна написала биографические книги о себе и своей матери. Долгие годы плодотворно работала на высоких постах в нашей Республике. После ухода с должности председателя Узсовпрофа занималась преподавательской деятельностью. Однако судьба готовила ей новые испытания. Умирает в расцвете сил ее муж У. К. Курбанов, замечательный врач, основатель первой в Республике детской неврологической больницы, которая ныне носит его имя. В 2004 году не стало дочери Дильбар Курбановой – автора более ста научных работ, авторских изобретений, лауреата премии Госкомитета по науке и технике, которая продолжила дело отца. В 1993 году она открыла Медико-реабилитационный центр инвалидов «Умид – Умр», возглавляя его вплоть до 1998 года, когда по ее инициативе был создан новый Республиканский центр помощи детям и подросткам с ДЦП с 7 филиалами в областях республики.

В 1979 году по инициативе Эрки Махмудовича в Ташкентском педиатрическом медицинском институте была открыта кафедра госпитальной детской хирургии. Эрки Махмудович стал ее первым заведующим и проработал в этом качестве до 1991 года. Профессор Ходиев стал организатором и многопрофильной детской хирургической клиники. 15 января 1996 года после тяжелой болезни Эрки Махмудович Ходиев ушел из жизни.

Аза Семеновна Зарзар долго и плодотворно работала в системе здравоохранения нашей республики: возглавляла кафедру анестезиологии и реаниматологии в институте усовершенствования врачей, долгое время была главным специалистом республики. После ухода на пенсию в 1992 году уехала работать в Ахангаранский район, в больницу рабочего поселка Новоангренской ГРЭС в Нурабаде.

Старший сын Эрки Махмудовича и Азы Семеновны Валентин Ходиев стал анестезиологом, реаниматологом. Младший – Алексей Зарзар, взявший фамилию матери, дабы не прервался древний румынский род Зарзаров, окончил романо-германский факультет ТашГУ.

Несмотря на все испытания, выпавшие на долю детей Бату, их судьбу можно назвать счастливой. Это судьба людей, весь свой талант и щедрость души отдавших служению своему народу. И разве эта семейная история не могла бы лечь в основу фильма об истории нашей страны и людях нашего времени?¹

¹ Автор выражает благодарность Ефрему Рябову, Александру Суслову, Наиме Махмудовне Махмудовой, Азе Семеновне Зарзар за помощь, содействие и предоставленные материалы.

СОЛНЦЕ И ТЕНИ

Александра КАЗИМИРЧУК

Павел Петрович Беньков родился в 1879 году в Казани в простой семье железнодорожного служащего. Наперекор ожиданиям близких, готовивших его к духовной карьере, Беньков становится заслуженным деятелем искусств, известным художником, воспевшим Среднюю Азию, сумевшим уловить неспешную повседневность любимого им Узбекистана.

П. П. Беньков известен как художник-реалист, преподаватель, наставник и вдохновитель многих заслуженных деятелей искусств, российских и узбекских художников: З. Ковалевской, Ф. Модорова, А. Самойловских, П. Сперанского, Р. Ахмедова, Р. Елизарова, Р. Тимурова, А. Фомина, П. Чернышева, К. Чеботарева, М. Набиева, Б. Шварца, А. Платуновой, Ш. Хасановой, В. Рождественского, Ч. Ахмарова, Л. и А. Абдуллаевых, а также поэта Велимира Хлебникова и его сестры – художницы Веры Хлебниковой.

После Октябрьского переворота 1917 года привычный уклад жизни поменялся. Сложно ответить однозначно, насколько лояльно воспринял Беньков перемены, но себя и свое искусство новой власти не противопоставлял и смог вернуться к работе после 1917 года: «...вне зависимости от политических катаклизмов художник, как и положено художнику, продолжал работать». И при жизни, и после Бенькова будут упрекать в аполитичности творчества, отсутствии мотивов, продиктованных советской пропагандой и идеологией: «...очевидная “безыдейность” большей части живописного наследия художника породила даже термин “беньковщина» (Мкртычев Т. К. Беньков Павел Петрович. М.: Гос. музей Востока, 2009).

В 1921 году Павел Беньков вместе со своим близким другом из художественной школы Николаем Фешиным начинает работать преподавателем на кафедре Казанского государственного университета, получает признание и уважение коллег, но новаторские виды искусства и методики обучения принимает с трудом. Художник спорит с формалистами, не воспринимает нереалистическое искусство и призывает своих студентов: «Пишите просто: черное так черное, белое так белое»; «Вот спичка, напишите ее так, как она есть, и я пожму вам руку», – вспоминает его наставления ученик П. П. Бенькова живописец-портретист Абдулхак Абдуллаев. Павел Петрович считал, что нет необходимости «искривлять реальную действительность», нереалистичные направления во многом неискренни, не что иное, как «фокусничество и

Александра КАЗИМИРЧУК. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранцев при МГИМО МИД России. Разрабатывает проблему «Ориенталистская проза Н. Н. Каразина: особенности поэтики».

шарлатанство»¹. Говоря словами французского скульптора Родена, «Самое трудное и вместе с тем самое высокое, словом, предельная черта искусства – это рисовать, писать и выражаться просто и естественно»².

Природная прямота и открытая неприязнь к новшествам привели к тому, что положение Бенькова на кафедре осложнилось. Формалисты, как известно, пытались менять традиционные «буржуазные» техники, требуя убрать классические дисциплины в университете: «Реорганизации следовали одна за другой. За десять послереволюционных лет только свое название школа поменяла семь раз»³. В 1925 году у Бенькова случился открытый конфликт с Ассоциацией художников революционной России (АХРР), которая потребовала освободить Павла Петровича и некоторых других художников от преподавательской работы. Члены АХРР считали, что «их (имея в виду старых преподавателей и мастеров – А. К.) методы воспитания и руководства устарели»⁴; «пора сдать в архив старенького учителя рисования. Пора поработать над выдвижением художников рабочего класса»⁵. За Бенькова тогда вступились ученики и преподаватели, однако ситуация оставалась тяжелой. Остроту конфликту придавал спорный заказ на портрет вождя революции для актового зала университета.

Павел Петрович понимал ответственность этого задания, но рискнул, решив показать «не только вождя, а человека», «скромного, простого в обращении»⁶. Он изобразил его в «домашнем виде – в блузе, без галстука»⁷, традиционно не прорисовав руки (известно, что Беньков никогда не любил писать руки, это было особенной чертой его портретов⁸). Ленин комиссии не понравился: «...такая небрежность внешнего вида несовместима с представлением о вожде революции и... это даже неприлично»⁹. Бенькова осудили и попросили немедленно «переодеть» вождя. Художник воспринял критику в штыки. Дочь Бенькова, профессор, доктор наук Наталья Павловна вспоминает: «Папа был очень расстроен и не хотел продолжать работу... многих трудов стоило моей матери и нашим друзьям убедить его пересмотреть свою точку зрения»¹⁰. Беньков стал работать над портретом, переосмыслил образ вождя, обновив его. Как писал М. Горький, «на лице монгольского типа горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни»¹¹. Портрет одобрили и повесили в актовый зал Казанского университета. Сейчас эта картина утеряна. В 1929 году Беньков вступает в АХРР, а уже 1930 году навсегда покидает Казань.

Восток для Бенькова никогда не был чужим. Татарская культура, быт и обычаи плотно вошли в жизнь художника. Он рисовал портреты, знакомился с татарским фольклором, мифами и легендами, делал многочисленные наброски национальных татарских костюмов. Это пристрастие привело Бенькова в Татарский драматический театр, где он работал художником-декоратором. Считается, что, работая оформителем в театре, Беньков «содействовал развитию театрально-декорационного искусства Татарии» и внес в него «высокую живописную культуру, позволяющую разворачивать на сцене широкие панорамные пейзажи»¹².

Возможно, Узбекистан, куда переезжает Беньков, стал для него естественной средой именно потому, что не нужно было искать выразительную, красочную среду, – всё казалось живописным и немедленно просилось на холст.

Почему выбор пал на Узбекистан? Немалую роль сыграла работа в татарском драматическом театре. Свой интерес к Татарстану художник постепенно перенес на

¹ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка / Сост., автор вступ. статьи и комм. М. А. Соколова. Ташкент: Изд. литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1981. С. 61.

² Мысли Родена об искусстве в передаче Гзелля // Мастера искусства об искусстве / Под ред. Д. Аркин, В. Терновеш. М., Л., 1939. Т. 3. С. 383.

³ Мкртычев Т. К. Беньков Павел Петрович. Указ. изд. С. 20.

⁴ Донецкий М. Ископаемые // Правда Востока. 1930. № 16. 20 января.

⁵ Дело художников Казакова–Бурцева. URL: <http://jniko-07.livejournal.com/170776.html>

⁶ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 78.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Горький М. В. И. Ленин // Собр. собр. соч.: В 18 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 18. С. 272.

¹² П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 27.

Среднюю Азию, сразу полюбив «солнечный колорит старых городов, яркие краски, толпы людей, заполнявших улицы и базары», «многоцветие теплых и холодных тонов»¹.

«Приближению Бенькова к Востоку»² во многом поспособствовала семья Терегуловых. Доктор, профессор Абубакир Гиреевич Терегулов, известный в Казани врач, пригласил его после очередного конфликта с руководством театра поехать в творческую командировку в Бухару: «Это был именно тот город, где природа и свет так соответствовали мировосприятию художника»³.

Первое путешествие Павел Петрович предпринимает летом 1928 года. Исследователи отмечают по этому поводу: «То, что эта поездка пришлось на лето (летом в бухарское пекло едут только сумасшедшие), говорит о том, как необходимо было Бенькову уехать из Казани»⁴. Встреча с Бухарой коренным образом изменила жизнь Бенькова, открыв новую страницу в его творчестве. В следующем году он вновь посещает Бухару, селится в маленьком помещении в медресе Набир Диван Беги и каждый день проводит на улицах Старого города за мольбертом, а вечерами, когда необходимый солнечный свет уходит, бродит в поисках природы. Художника пьянят краски, природа, яркость солнца, колоритные типажи, и в 1930 году он окончательно переезжает в город Самарканд и перевозит туда семью.

Безыдейность Бенькова обусловила несколько опасливые оценки его творчества советскими искусствоведами, которые говорили о «посредственности», отмечали его пренебрежение модными тенденциями и чрезмерную любовь к «простоте». Впоследствии это назвали «беньковщиной». Возможно, именно решение навсегда связать свою жизнь со Средней Азией помогло художнику сохранить свою жизнь и достоинство художника. При этом Бенькову все же не удалось избежать типичных «заказных» картин, среди них «Сбор хлопка», «Окучка хлопка», «Провозглашение Узбекской ССР», «Шелкомотальная фабрика Худжум». С началом Второй мировой войны художник посвятил себя преподаванию живописи эвакуированным в Узбекистан, создавая такие патриотические картины, как «Мать героя», «Подвиги героя дошли до родного кишлака», «Подарок бойцу», «Подруги. Письмо с фронта», «Проводы девушки на фронт» и др. Именно благодаря «узбекскому» периоду он приобрел наибольшую известность.

С переездом в Среднюю Азию творчество художника расцвело, его талант заиграл новыми красками. Беньков изучает край, природу, быт людей, пытается овладеть «тонкостями цветовых гармоний, характерных для Узбекистана»⁵. Ученица Бенькова З. М. Ковалевская отмечала, что он искал в Узбекистане особый «живописный язык» и ставил «новые задачи для художника-гражданина»⁶. «Бухарские» этюды и портреты «ошеломили» Зинаиду Михайловну своим «размахом, неожиданностью, красотой мотивов», в которых «чувствовалось, что солнечный край, движение и жизнь улиц, яркие одежды прямо-таки захлестнули художника, и писалось все одним дыханием, одним порывом, правдиво и красочно»⁷.

Интересно, что, переезжая, Беньков не берет ничего из написанного в Казани, кроме двух-трех работ, в том числе «Портрет татарки» («Обреченная невеста») (1924–1928), его «он захватил, чтобы убеждать узбекских женщин позировать ему». На «Портрете...», для которого позировала Халима Ибрагимовна Терегулова (Булатова), изображена прекрасная невеста в татарском народном костюме: калфак (головной убор, вышитый жемчугом), туникообразная рубашка и цветистый камзол, в косы вплетены подвески из монет, на шее красные бусы. Несмотря на красочный наряд, грядущее торжество для нее – конец юности и свободы, она обречена навсегда попрощаться с родительским домом и стать женой нелюбимого, незнакомого человека. На ее лице печаль, скорбь и обида, в глазах стоят слезы, она с упреком смотрит на нас исподлобья, принимая свою

¹ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 91, 98.

² Там же. С. 83.

³ Мкртычев Т. К. Беньков Павел Петрович. Указ. изд. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 20.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же.

судьбу. Больше всего впечатляют глаза, они прописаны удивительно точно, «мастерски» и позволяют «заглянуть в сложный мир чувств, переживаний человека»¹.

В дальнейшем именно взгляд героев с портретов Бенькова окажется спецификой его полотен. Это и знаменитая «Девушка с дутаром» (1947), отстраненно смотрящая вдаль (одна рука лежит на инструменте, вторая покоится на колене, а ее мечтательный взгляд устремлен в никуда, рот приоткрыт). И пожилая женщина с картины «Колхозница» (1947) с усталыми, чуть затянутыми пеленой старости и печали, глазами.

Глаза персонажей произведений Бенькова вырисованы очень точно, на них художник особенно концентрируется, придавая дополнительные смыслы своим работам, говоря нам, что герои хранят секреты. В изданном Государственным музеем Востока альбоме произведений Бенькова (2009) картины «Сбор винограда» (1947) и «Колхозница» (1947) расположены на одном развороте и создают противоречивое впечатление не только о художнике, но и о его взглядах. С одной стороны мы видим счастливых, смеющихся узбечек. Они делятся тайнами друг с другом, рассказывают веселые истории, рядом старик, с легкой улыбкой в седых усах помогает им работать. А на второй картине («Колхозница») – пожилая женщина, с грустными и измученными глазами, она не улыбается, уголки рта опущены вниз, она устала от работы. Все не так оптимистично и радостно в коллективном сборе урожая винограда.

Картины Бенькова «Сбор винограда», «Заветный урожай», «Окучка хлопка (Окучивание хлопка в Узбекской ССР)» встраиваются в ряд произведений советского пропагандистского толка.

Поскольку Павла Бенькова привлекали яркие краски, цвета и глаза, он искал особенных моделей, с глубокими, часто грустными глазами, в которых отражены тяготы и печали жизни. На картине «Портрет бухарского еврея-красильщика» (1930) изображен мужчина с длинной черной с проседью бородой. Он еще не стар, но сгорбленная спина, поза, напряженный лоб и глубокие морщины выдают в нем человека, прошедшего через многое, прежде времени состарившее его. Красильщик не смотрит на нас. Одна бровь слегка приподнята, его взгляд ни на чем не сосредоточен, но понятно, что он очень озабочен своими мыслями. Его тело слегка повернуто вправо, отчего фигура на картине сдвинута вправо, слева – серый план. Некое синее пятно, возможно, ковер, на фоне которого сидел бухарский еврей. На красильщике головной убор из темного сукна с меховой опушкой, «пальца на два шириной»², или, как пишет И. Л. Яворский в «Путешествии русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.», «низкая неуклюжая баранья шапка»³.

Беньков не вел учет картинам, не создавал архива, не был педантичен в фиксации названий, дат. Художник мог называть одни и те же картины по-разному, дарить свои работы музеям, коллегам, друзьям, не оставляя информации о том, где потом искать счастливых обладателей. В связи с этим герои многих картин Бенькова остались неизвестными и об их национальной принадлежности можно догадаться лишь по костюму, позе и выражению глаз позирующего, которые так или иначе обнаруживают его статус. К примеру, можно предположить, что герой картины Бенькова «Портрет старика» (1946) – бухарский еврей (по костюму на нем и позе, которую он принял в кресле). Старик не беден, но сидит в кресле обреченно и устало смотрит мимо художника. Рука покоится на открытой книге. Главной приметой является зеленый халат. Как отмечает Татьяна Емельяненко, «таджикский или узбекский халат может содержать одну или несколько узеньких зеленых полосок, но халат, где зеленый цвет доминирует, ни узбеки, ни таджики не наденут. Бухарские евреи традиционно были красильщиками, причем специализировались, в отличие от своих мусульманских соседей, на синем цвете, который в исламе считается цветом траура и потому в повседневной жизни используется редко. Но и зеленый цвет получается с помощью синего, так что и тут без евреев обойтись не получалось. В то же время мусульманская

¹ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 20.

² Ханьков Н. Описание Бухарского ханства / Сост. Н. Ханьков. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1843. С. 72.

³ Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. СПб., 1882. Т. 1. С. 68.

мифология утверждает, что зеленое могут носить только *пари* – духи, которых лучше не обижать. Поэтому по сей день мусульмане не одеваются в зеленое, так что халаты с преобладанием зеленого и синего цветов однозначно еврейские»¹.

Будто в противовес уставшему еврей-красильщику и старику в зеленом халате на нас гордо смотрит узбек с картины «Портрет колхозника-ударника» (1939). На ней изображен седобородый старик, его лицо испещрено морщинами. Ясный взгляд блестящих глаз устремлен вверх и несколько в сторону, на плече его орудие труда (лопата или мотыга). Прямо на художника упрямым и острым взглядом смотрит герой картины «Портрет таджика» (1928). Сейчас картина находится в Бухарском государственном архитектурно-художественном музее-заповеднике. Величественно и даже презрительно на нас смотрит герой картины «Таджик с пиалой» (1928). На нем яркий красно-синий халат и синий тюрбан, он уверенно откинулся назад – ему некуда спешить, в левой руке он держит белую пиалу.

В портретах Бенькова отображен особенный национальный характер, национальная ментальность, национальный колорит. Стоит вспомнить ранние картины Бенькова татарского периода, например, «Старьевщик» (1925–1926). На портрете пожилой татарин в национальном головном уборе (тюбетейке) и ярко-зеленом халате с красной накидкой на левом плече. Справа от него новогодние атрибуты – елка и гирлянда, а в руках – и зонт, и шляпа, будто он ждет и дождя, и испепеляющего солнца одновременно. Он смотрит вверх, голубые глаза чуть замутнены, рот приоткрыт – он готов ко всему. На картине той же поры «Портрет татарина-грузчика» героя застали за работой: он еще молод, смотрит прямо на нас несколько удивленно, даже задорно, полон сил, под широкой бежевой рубахой – крепкое тело здорового мужчины.

Особый интерес представляют картины городской жизни: базары, наполнение хауза водой, работа машкопчи², улицы с минаретами, мечети, виноградники. Многими искусствоведами отмечается специфика работы Бенькова со светом и тенью. С одной стороны, «восточная живопись» художника этнографична, подробна, с другой – особый колорит, искусная игра света и тени, искристость солнечного света – блики-тени, полутона. «Произведения Бенькова как бы приглашают в город насладиться богатством южных красок, полюбоваться игрой солнечных бликов, пробившихся сквозь густую листву деревьев»³. Художник Абдулхак Абдуллаев, считает, что Беньков увлекся «цветом» именно в Узбекистане и неоднократно отмечал, что «самое главное в живописи – цвет», в «нахождении как можно большего и разнообразного цвета кроются талант, высшее дарование художника»⁴. Возможно, поэтому у Бенькова нет картин, изображающих вечерний Самарканд или вечернюю Бухару. Все картины – это раннее утро или день, когда солнце в зените. Ночь Беньков рисовал лишь однажды в Стамбуле, перед самой революцией 1917 года во время разгара гражданской войны, когда ехал из Европы через Турцию и чувствовал, что возвращается в страну, сотрясаемую катаклизмами.

Стоит отметить, что «восточная» живопись Бенькова – это отстраненный взгляд европейца, и его самаркандские и бухарские улицы, площади «словно увиденны сквозь едва уловимую дымку, которая обычно окутывает среднерусский пейзаж»⁵. Получается, что художник видел все глазами волжанина, предпочитающего рисовать «пронзительную свежесть утреннего сада весной, когда зной еще не набрал полную силу»⁶.

«Русский Тициан» приобретает известность в зрелом возрасте и именно там, где хотел спрятаться от жизненных передряг и возможного преследования. Беньков хотел уйти в тень, откуда художника настойчиво выбивает молва о его красочной живописи, преодолевающей политические границы и национальные рамки своим особым восприятием простых повседневных вещей. Таким образом, происходит своеобразное второе рождение художника, для которого Средняя Азия навсегда станет центром – центром вселенной замечательного художника Павла Петровича Бенькова.

¹ См.: Горц М. Цвет и вкус Бухары. URL: <http://booknik.ru/ideas/all/buhara>

² Машкопчи (узб.) – водонос.

³ П. П. Беньков (1879–1949): Воспоминания и переписка. Указ. изд. С. 29.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Львова Е. Павел Беньков. URL: <http://culture-art.ru>

⁶ Там же.

Татьяна ПЕРЦЕВА

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

За двадцать лет работы именно в области художественного перевода я вывела для себя некие важные правила, которые очень помогают в работе.

Правило *первое*: переводчик обязан знать родной язык лучше, чем иностранный. Понимают английский многие. Прекрасно знают русский далеко не все. Понимать мало – нужно уметь выразить. Не хвастаюсь, но это чистая правда, найденная не мной, а Улугбеком Шаматовым. Он человек дотошный: нашел диссертацию, о способах выражения эмотивности в современном романе или о чем-то в этом роде. Эмотивность – это выражение эмоций, или чувств. Примеры приводятся из «переводов Т. Перцевой». Прочитала, загордилась.

При этом необходимо помнить, что язык и стиль английских авторов отличается от языка американских, как яблоко от апельсина. И нужно быть к этому готовым.

Правило *второе*: не трусить. Правило, мной не выполняемое. Открывая любой текст и пробегая глазами первые строчки, я пугаюсь, и в голове всплывает одна и та же мысль: вот ЭТО я ни за что не переведу! Вранье. Переведу. Но пугаюсь...

Правило *третье*: НИКАКОЙ пошлости. Беда русского языка в том, что почти все слова из эротических сцен – матерные. Все соответствующие органы человека обозначены исключительно медицинскими терминами. Значит, следует искать компромисс и идти по краю, но очень аккуратно.

Я точно знаю, что один вполне приличный роман с эротическими сценами был превращен в гнусное порно, потому что переводил его мужчина, работавший ранее исключительно с порнографией, да-да, и это издается и находит свою аудиторию. Я к этому отношусь совершенно спокойно – пусть лучше порно читают, чем идут на улицу девушек насиловать... Но переводчик наш просто не врубился, что перед ним совершенное не то.

Правило *четвертое*: самое главное – понять стиль и язык автора. Перевод для меня подобен пазлу, где каждый фрагмент обязан встать на свое место,

Татьяна ПЕРЦЕВА. Переводчик. Родилась в 1945 г. в Ташкенте. Окончила романо-германский факультет ТашГУ (ныне НУУз).

иначе не получится полной картины. В стиль вникаешь где-то на пятидесятой-семидесятой странице. В этом нет ничего страшного: не сразу Москва строилась.

И наконец правило *пятое* и последнее: переводчик не должен лениться. Дело в том, что существует такая практика: если не знаешь, как перевести слово, берешь его первое значение в словаре. Нынешние переводчики так и поступают, не обращая внимания на то, что фрагмент пазла не подходит, совсем, как те умельцы, которые вбивали датчики ракеты вверх ногами. Тут, конечно, важна интуиция. Я нюхом чую, когда что-то неладно, причем иногда меня осеняет просто во сне, и это не выдумка. Просыпаюсь и исправляю. Нужно чаще смотреть в словарь и читать все значения слова. Но ведь лень... Однажды видела, как переводчик такую лихую конструкцию завернул со словом «плечо», а ведь всего-то и требовалось написать, что машина остановилась на обочине дороги. Плечо и обочина в английском – синонимы.

Когда переводишь книгу, которая уже была переведена, следует посматривать в чужой перевод именно для того, чтобы сделать свой непохожим, а то и иск могут предъявить за плагиат!

В романе Ирвина Шоу «Вечер в Византии» есть слово *flagstones*, переводчик и написал о флагах, а это... каменные плиты тротуара... В начале девяностых, когда переводили кто во что горазд, английские слова *satín* и *velvet* переводили как *сатин* и *вельвет*, не смущаясь тем, что герцогиня носит сатиновые платья. А это атлас и бархат! Вот при этом все и встает на свое место. В редакциях даже списки слов висели, которые наиболее часто путали.

Больше всего меня убивало слово *minister*, вернее, его перевод. Народ ничтоже сумняшеся переводил «министр церкви», и хоть им кол на голове теши! Когда я услышала нечто подобное от гида в Англии, терпение мое лопнуло. Я громко сообщила, что в церкви нет и быть не может министров и что в данном случае это *священник*. Знаю, что некрасиво, но, ей-богу, надоело!

Очень давно в мире переводчиков разразился скандал. Вышла книга Джеймса Джонса «Отсюда и в вечность», очень броское, нужно сказать, название. А в оригинале, чего я тогда не знала (60-е годы), стояло “From here to eternity”, то есть то же, да только значение было другим – «Отныне и вовеки».

А вот у меня сейчас военная книга, и в тексте стоит «Убежище Андерсона». Я так и написала, а потом спохватилась: Андерсона не было в книге, откуда взялся? Полезла в интернет, оказалось, что это бомбоубежище, а Андерсон – изобретатель таковых...

И в заключение: однажды в «Иностранке» появился перевод «Улисса» Джойса. Невероятно сложный текст, на каждую фразу по пять ссылок, которые еще нужно найти и узнать смысл, а до смысла докопаться труднее, чем до золота на московской улице.

Ох, как же выпались на переводчике его собратья! Только ленивый не пнул! Сами бы попробовали! Я пишу эту фразу, потому что, если ты переводчик, должен знать, чего стоил человеку этот подвиг. Плох перевод, но почему-то с тех пор никто не попробовал сделать новый...

Так что везде свой серпентарий...

Владимир КАРАСЕВ

RENDEZ-VOUS С КРАСОТОЙ

Эссе

...И ПРИЛЕТЕЛА РАДОСТНАЯ ПТИЦА!

...Удивительно, но имя художницы Инны Васильевой я впервые услышал на очень «закрытом показе» в квартире ашхабадского интеллигента (почему-то не в чести было не так давно у чиновников Туркменистана современное искусство. Потом об этой художнице, а точнее, о ее удачах и цветах, мне рассказывали в Бишкеке. В Алма-Ате и Чимкенте тамошние культурологические «снобы» с упоением поведали о расцветающих красках ташкентской художницы: «Вы видели эти сияющие краски? Только один малюсенький лепесток цветка выполнен более чем двумястами мазками кисти!...»

Возвратясь в Ташкент, я искал иллюстратора к своей завершенной книге о золоте древних кочевников Евразии и разыскал квартиру и мастерскую художницы, перейдя через дорогу наискосок от своего дома(!). Оказалось, что много лет мы жили по соседству.

Познакомившись, я задался вопросом: неужели у художника Инны Васильевой, напряженно работающей на протяжении десятилетий и создавшей сотни изумительных полотен, картины которой сейчас находятся в частных коллекциях на пространстве от одного океана до другого, напрочь отсутствует амбициозность, что вообще-то совершенно не характерно для художников? Оказалось, что именно она заменена другим – чувством необходимости, нужности, незаменимости для сына (удивительно талантливого молодого дизайнера), для мужа (являющегося примером искренней творческой гениальности), для массы друзей (интеллектуалов и творческих создателей).

Внимательно изучая ее картины, скрупулезно разбираясь в ее «творческой кухне», я понял: да это же передо мной мыслящий дух! Ничего нематериалистического в этом понимании нет.

Человек творит в какой-то очень высокой точке своего развития, в точке, которая достигается тогда, когда материя непостижимых для нас пространств, внутри которых человечество живет, сознательно способствует этому созидательному процессу. Иначе нельзя объяснить момент вдохновения, когда уже не художник творит кистью на холсте, а некая сила, мыслящий дух, и это происходит в данный конкретный миг.

Мыслящий дух при этом жертвует самим собой: в этом процессе он растворяется, его самопожертвование совершается во имя долга перед Природой. Человек, через мыслящий дух возвращает Природе старый долг. Когда-то, во времена своей молодости, Природа породила в человеке этот мыслящий дух. Теперь, наоборот, мыслящий дух ценой собственного существования возвращает Природе

Владимир КАРАСЕВ. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

новую юность, состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития...

Инна Васильева как-то безразлично отмечает факт отсутствия за многолетний период творчества персональных выставок (еще не время подводить итоги!). Но итоги-то есть. Не в музеи или хранилища художественных фондов, отдающих кладбищенским духом, а в дома, квартиры, школы, офисы отправляются ее полотна для радости, для единения человека творящего с Природой. В этом, конечно, есть высокий смысл.

Работы художницы – это тот редкий пример, когда не надо разглагольствовать о национальных особенностях и этническом самосознании, а просто жить в прекрасном мире и по мере сил своих украшать эту жизнь извечными знаками. И пусть на ее картинах красивый плод созревшего и растрескавшегося граната, рассыпавшего темно-красные зерна по дастархану, охраняет плодородие семьи. Неугомонная сорока, появившаяся из-под ее кисти, которую природа наградила удивительной гармоничной черно-белой симметрией (а черный цвет оперения все же заполнила многорадушными отливами яркого азиатского солнца), готова украсить стену гостиной дома, для того чтобы жизнь в этом доме была наполнена добрыми хлопотами и достатком.

У Инны Васильевой скромные букетики полевых цветов, как глас из бесконечности Природы, как капельки неподдельной жизни, украшают быт обязательно доброй семьи.

Как знать, состоялся ли бы художник, открывающий нам неподдельную и почти интимную красоту, если бы не ее мать, которая, достав из заветного узелка незамысловатые колечки и сняв с себя сережки, все это «неслыханное» богатство отдала машинисту паровоза, увезшего ее с детьми от войны и бомб. Может быть, именно поэтому красота на полотнах художницы особенно пронзительная, чарующая, гармоничная. В ее красках нет ничего того, чего бы не было в природе. И как тут не понять, что Природа – это и есть Гармония!

Слушая рассказ Инны Михайловны о мчавшемся сквозь войну паровозе, мне представлялось, что этот натружено пытящий «самоварный монстр» и привез талантливую девочку в Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское). И, думалось мне, этот же паровоз привез ее потом за мужем в Ташкент. Несомненным для меня было то, что именно эти воспоминания позволили Васильевой стать художником по костюмам в художественном фильме «Ленинградцы – дети мои!», созданном на студии Узбекфильм.

...Смыкаются в какой-то невообразимой мистерии жизненные коллизии. Из нашего настоящего они открывают смысл прошлого. И учат. Знание Судьбы, Суд Божий (который створяется внутри души и совести у каждого), – вот что диктует нам выбор направления созидательных путей, где мы создаем в интимной открытости творческого озарения.

Инна Васильева не является адептом *натуропатии*, хотя классическая школа живописи, раскрытая Коржевым Г. М. и Симаковым Б. Е., казалось бы, напрямую должна была привести ее к созерцательной философии. Нет. Натюрморты, пейзажи, а иногда жанровые картины приобретали свою ирреальную жизнь, которая как будто произрастала из постулатов Анри Матисса: «...*Всякое истинно творческое усилие совершается в глубинах человеческого духа. Здесь начинается работа, посредством которой художник шаг за шагом овладевает внешним миром и ассимилирует его до такой степени, что изображаемый объект становится частью его самого, художник носит его в себе и может выразить его на холсте*». Вот это и есть Истина!

Васильева сутью своей – цветущая песня жизни. Оптимизм в ее творчестве – это не слепое дитя радости, а понимание всей красоты творческого бытия. Часто,

когда по сути нечего сказать, художник ищет замысловатую (мягко говоря) форму выражения. Инне искать ничего не надо. На холст выплескивается Истина, облаченная в одеяния Красоты. Как будто душа ее сама направляет кисть, сама подбирает цветовую гамму и строит композицию.

Вот тут происходит чудо: ты вдруг начинаешь видеть мир глазами художницы и чувствовать его, восхищаясь натурой. И это не просто бездумная радость, но захватывающая дух восторженность: *«Ведь это я живу в этом мире! И все прекрасное вокруг – мое владение!»*.

На первый взгляд жанр натюрморта представляется самым неидеологизированным и неполитизированным видом живописи. Может быть, оно и так! Но то, что натюрморт самый нравственно-этический жанр – несомненно. Поэтому художник, работающий в этом жанре, как правило, один из самых высокоинтеллектуальных творческих деятелей живописного искусства. Ибо мир натюрморта – это динамичная внутренняя вселенная художника, которая по разнообразию и наполненности смысла может соперничать с самой высокой философией.

Ее картины – «Гранаты», «Два удода», «Бессонница», «День лицедейства», «Сны на пути в Лету», «Букет маков» или «Букет тюльпанов», «Домик для Айгуль» или портреты «Абазар Кардашбеков», «Портреты Медата», «Каирбай (Казахстан)» – понятны каждому, на каком бы языке вы ни говорили. Это небольшие и удивительные рассказы, истории о вас, вашей Природе, вашей душе.

Какая радость видеть потеплевшие от доброты глаза зрителей из самых разных стран мира, когда они останавливались у полотен, запечатлевших необыкновенно ярких птиц – удонов, являющихся символами счастья и семьи у народов Узбекистана. Это единственная птица в Средней Азии, которая селится только возле человеческого жилья, в домах с садом обязательно проживает своя пара удонов. Так было испокон веков. По народному поверью, если эти птицы облетают дом стороной или не садятся на дувалы – не будет в этой семье радости.

В современном мегаполисе птиц становится все меньше, но художница Инна Васильева, повинувшись предначертанию мыслящего духа, творит новую, истинную, Природу. И появляется уверенность, что к каждому из нас обязательно прилетит радостная птица.

ЭКЗЕРСИС НА ТЕМУ СВЕТА И ЦВЕТА

...Думаю о бессмертной жизни искусства. Искусство позволило человеку разумному стать истинно разумным. Еще Аристотель утверждал необходимость адекватного отображения действительности и деятельность творческого воображения, а также необходимость идеализации действительности. Вот так – не больше и не меньше! Именно в этой связи, мимесис в искусстве является приобретением знания и возбуждения чувства удовольствия от воспроизведения, созерцания и познания предмета. Это реалистическое искусство, которое сегодня «радует взор» и в то же время заставляет заглянуть куда-то вглубь подсознания художника. Благодаря этому в работах Инны Васильевой часто не находим отображение самих предметов и явлений действительности с точностью радикального академизма, а видим передачу своего восприятия мира, объектов и даже овеществление идей. Это и есть глубокий impression в ее творчестве.

Мы как-то запросто забыли о том, что в самом начале ушедшего века Ташкент и Самарканд были колыбелью «нового» художественного движения во всем Туркестане. Искусство из мастерских художников выплеснулось на площади и улицы, *«граждане становились соучастниками рождения нового человека будущего»!*

...Первые «гвардейцы» футуризма, которые являлись для последующих авангардистов истинными апостолами нового искусства, бойко декламировали: *«Черный квадрат – гибель ада, подпустим в кровь врагов – яда!»*. И как ни пытался

Иегуда Пен направить этот оптимизм «Левого искусства» в русло академизма или хотя бы его переосмысления в традиционных постулатах живописи, все его устремления потерпели фиаско. Эль Лисицын, Вера Ермолаева, Марк Шагал, Лазарь Моисеев, Казимир Малевич были захвачены все смывающим водоворотом «новой» истории.

Инна Васильева не поддается этому заразительному экстазу – выплескивать на полотно цветные сны травмированного разума. Она видит цель художника в обращении к изысканному пониманию красоты, а «ужасников» в жизни и так полно. В ее работах «Сиджакский букет» (1993), «Маки в вазе» (1996), «Купавы» (1997), «Конец сезона» (1998) чарующий импрессионизм цвета и света доведен до идеальной высоты, в них физически ощутима идея Востока.

Идеал – мощный регулятор жизни, но при всей мощности он далеко не всемогущ, а иногда направляет культуру в сторону, отличную от той, в которую движет его исторический процесс со всеми его экономическими основами. Силы идеала, пробиваясь к своему осуществлению, встречаются с сопротивлением «культурной материи», которая может заставить большой парусный корабль культуры лечь в бейдевинд.

Я очень ценю живопись различных направлений, но должен сказать, что «искусство чистой живописи», какой мне представляется живопись «Бубнового вальса», «Ослиного хвоста», «Голубого рыцаря» и пр., мало связано с национальными чертами, хотя есть некоторая связь с русским «материальным фольклором» – с искусством вышивки, вывески, глиняной игрушки и вообще игрушки, поскольку в этой живописи много игрового момента, много выдумки, вымысла, оно насквозь озорное и веселое. Не случайно это искусство требовало выставок, было так связано с шумными вернисажами. Его надо было демонстрировать на большой публике, оно должно было поражать и возбуждать толки. В русской культуре начала XX века вообще было много маскарадного и театрального, что так хорошо подмечено Анной Ахматовой в «Поэме без героя».

Например, в древнерусском идеале была какая-то удивительная свобода от всякого рода претворения в жизнь. Это не значит, что этих претворений не было. Жили и воплощались и высокие идеалы святости и нравственной чистоты. Убивало все эти претворения искусство, ставшее творением нового смысла (радикальная культура + косная власть).

Вот тут-то, как спасение, к нам и приходят тени тех, кого мы и не знали, но чувствовали или догадывались об их существовании, пусть даже в невообразимом для нас прошлом (фольклор).

Явление авангардизма в Среднеазиатском мире – это А. В. Николаев (Усто Мумин), бывший когда-то учеником Казимира Малевича; Александр Волков, один из основателей художественной узбекской школы; Урал Тансыкбаев, норотивший якобы уйти от импрессионизма в иные пейзажные (многозначительные) дали; и, конечно, Надежда Кашина, витавшая в тех небесных горизонтах живописной индизказательности, которые, по сути, прекрасно освоила и Инна Васильева.

Правда, Васильева в своих работах никогда не подражала кому бы то ни было, но, наоборот, творила свой собственный, тонкий, ранимый, интеллектуальный мир. Естественно, что этот мир вбирал в себя лучшие черты или цветовые композиции, которые формировались столетиями, но всегда в полотнах Инны Михайловны выглядели свежо и радостно.

У полета есть особенность – либо пикировать, либо взлетать еще выше. Вспомним работы «Лежащий натурщик», «Рядом с Шер-Дором» (1928 г.) Александра Волкова или «Багряную осень» (1931 г.) Урала Тансыкбаева, кто смог более чем за половину столетия приблизиться к высотам духа этих мэтров?

Н. Г. Карахан, И. М. Мазель, А. В. Шевченко, Е. Л. Коровай, М. И. Курзин,

К. Н. Редько, В. М. Юститский, А. Юсупов, Л. С. Попова, М. К. Соколов, Н. М. Григорьев, В. В. Рождественский, Л. Г. Бакулина, Н. П. Тарасов, И. В. Савицкий, Р. Р. Фальк – это золотой фонд раннего авангарда Узбекистана. Как продолжение авангардной темы я вижу живые букеты Инны Васильевой. Словно потерянные во времени, в мимолетной красоте эти цветы живут сегодня так же ярко и откровенно, как они существовали вчера, позавчера и десятилетия тому назад. Инна Михайловна буквально высвечивает на холстах идеалы этой традиционной раскрепощенности и в натюрмортах (например, «Натюрморт старого дома», 1998) и в пейзажах (например, «Ранняя весна», 1992), и в картинах «ЭКО 92» (1992), «Дом на побережье» (1989), «День лицедейств» (1990), «Никто не забыт» (как пощечина памяти каждому из нас). Вместе с Баходыром Джалалом, Медатом Кагаровым, Маратом Садыковым, Лекимом Ибрагимовым, Галией Громовой, Мадхиддином Умаровым, Хасаном Зиехановым, Файзуллой Ахмадалиевым имя Васильевой торжественно открывало XXI век нового живописного авангарда страны.

В узбекском искусстве к наступающему столетию так и не родилось хоть что-то близкое, пусть не по духу, а хотя бы по внешним атрибутам, чтоб можно было назвать существенным творческим объединением единомышленников. Есть, правда, нечто такое, что и объединением-то назвать нельзя – это «Арт трио», работы которого на манер гиперреализма, или группа «Батик», закомплексованная на возрождении уже отжившего ручного труда разрисовки скроенных тканей (Бог ведь уже давно послал в этой отрасли легкой промышленности цифровые технологии!).

Последнее десятилетие XX века знаменовалось попытками создания «приличных» объединений («Группа 23» или совсем недавний «Караван»), но «заразить новой живописью или чистым искусством» пока еще никого не удалось.

В каждой работе Васильевой – предвосхищение откровенной простоты, неброская скромность и ироничность. В ее полотнах проявляется личность высокой внутренней чистоты, та светлая печаль, которая посещает каждого из нас в моменты наивысшего духовного откровения.

МЕЛОДЕКЛАМАЦИЯ СЮЖЕТА

Так было принято в Азии испокон веков, что у каждого среднеазиатского этноса была своя символическая птица... У киргизов – кеклик (каменная куропатка), у узбеков – бедана (перепелка), у уйгуров – ласточка, как хранительница домашнего очага и уюта, у хорезмийцев – суетливый и важный удод (дикий петушок), селившийся в ухоженных садах, у туркменнов – сапсан (сокол), у каракалпаков и казахов – беркут (степной орел).

Это маленький штришок в сложном этническом портрете народов Азии. Драматургию содержания любой картины диктуют те мифы, в которых воспитан наш интеллект. Художник же, создавая полотно, подспудно пытается осветить происхождение своего этнического мифа, что способствует пониманию содержания полотна.

Васильева находит особые сюжеты, которые навеваются вдохновением, приходящим как бы ниоткуда, как бы из ничего. Художники, поэты – Пророки бытия, они-то и создают пространства мифов.

Но, вот сегодня прилетают удода и приносят на своих перьях солнечные краски. Потом в картинах Инны Васильевой птицы летят дальше – в Италию, Японию, Грецию, Швецию, Израиль и на Британские острова. Нам остается тихая, успокаивающая грусть, такая же, как на полотне «Где жить удоду?» (1987). Натюрморт «Гранаты» (2007), где целебные и возрождающие жизнь плоды помещены в корзину, больше напоминающую забытое гнездо какой-то птицы. Холст насквозь пронизан массой вопросов, ответы на которые все равно будут заполнены этой самой грустью. Так начинается рождение новой мифологемы.

Каждое полотно Инны Михайловны придает новый смысл белому свету и вечнозеленым веткам; из-за него тот самый снег, выпавший завтра, кажется нам теплым. Каждый настоящий художник сознательно или бессознательно чувствует, что его образы – тени реальности, увиденной сквозь покров и пусть ему в этом помогает магия воображения.

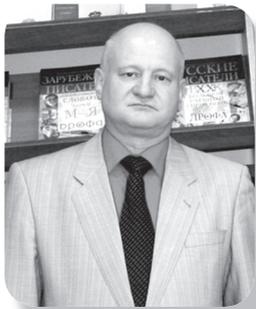
Есть в творчестве Васильевой очень на первый взгляд странная картина «А. В. и Е. В. Васильевы», которая «выбивается» из общего творческого стиля. Из гнетущего полумрака какого-то знакомого пейзажа выступают две фигуры – старика и старухи. Два идентификационных портрета одной Судьбы. И хотя они одеты во все темное (старый пиджак, неприятная фуражка, поношенный платок, кофта с большими пуговицами), их апостольские лица спокойны своей усталой мудростью. Какими-то незрячими глазами они взирают на нас с полотна. Немой вопрос не дает нам покоя. Хочется отойти от картины побыстрее, чтобы не вступать в диалог со стариками, не искать в своем сознании оправдательных ответов, но везде этот немой вопрошающий взгляд каждого из них будет тебя преследовать. Как всегда преследуют нас, живущих сейчас, вопросы из потустороннего бытия: так ли мы живем, то ли мы творим? Исполнены ли чаяния ушедших в вечность? И как бы ни тешило нас собственное благополучие, пресыщенность или удовлетворение, всегда, до скончания веков, чувство неисполненности, недосказанности, какой-то непоправимой вины перед теми, кто затерян в печальной безвозвратности, будет тревожить наше сознание в гулкой тишине одинокой ночи. А неясные силуэты, мистически высветленные лики будут вопросительно вглядываться на нашу совесть...

В бетонных монстрах-городах совершенно не остается места Природе, и несут люди в квартиры аквариумы, ташат черепах, ежей, собак и птиц, создавая подобие семейного очага. Одиночество в многомиллионном мегаполисе, как беспощадная эпидемия, заражает все большее и большее число горожан. На балконах и в тесных комнатках украшают быт затравленных проблемами людей нежно-зеленые, покорно цветущие круглый год бесхлопотные растения.

Васильева как бы помогает своими полотнами воспитать так недостающее людям, потому что представляет саму себя, свою недостижимую многим, с позволения сказать художникам, сферу бытия, когда каждая картина становится настоящим событием. Вглядитесь в ее полотна «Пейзаж с лошадью», «Аквариумные рыбки», «Рапана», «Дом, в котором...», «Сороки», «Прошлогодний букет», «Подоконник», несомненно, вы почувствуете, что это ваш мир, ваше окружение, ваши помыслы.

Подтверждение тому замечательные «Ночь, цветы», «Пейзаж прародины», «Натюрморт с рябиновой кистью», «Час совы», «Туман», «Тишина», «Тихий омут», более чем наглядно рассказывающие о том, что давно тревожит и убажывает внутреннюю романтику каждого из нас.

Эта удивительная по своей глубокой внутренней философии художница смогла искусству натюрморта придать такую трогательную искренность, какая не под силу многим нашим современникам. Красота творчества Васильевой – истинная, неподдельная и настолько высокая, что Природа, с которой мы были, есть и будем всегда едины, войдет в наш дом вместе с прекрасными полотнами Инны Васильевой, где букеты цветов как дань нашим высоким помыслам, где птицы как элемент почитания прошлых традиций дедов, где знакомые сюжеты как знак самосознания и смысла жизни...

Александр АРИСТОВ

МОЛОДЕЖНАЯ ЭСТАФЕТА

(форум национальных культур)

«Независимо от того, какой национальности проживающие в нашей стране юноши и девушки, мы всегда должны помнить, что это наша молодежь и ей принадлежит будущее», – с этих слов начал свое выступление заместитель председателя Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров РУз на «Круглом столе», прошедшем 27 января 2018 г. в Государственной консерватории Узбекистана в рамках Молодежного форума национальных культур.

Мы давно думаем, как сплотить молодежь, принимающую активное участие в жизни действующих в республике культурных центров. Ребята, конечно же, оказывают большую помощь в нашей работе. Не только участвуют во всех мероприятиях, но и сами придумывают много интересного, так что нам зачастую остается лишь помогать им в реализации того, что они задумали.

Последний пример – с большим успехом прошедший в Русском культурном центре вечер памяти Владимира Высоцкого, который подготовили и провели наши ребята из творческого объединения «Пустынный квартал». Таких примеров предостаточно.

Мы много говорим и думаем о молодежи. На различных совещаниях, семинарах и конференциях делимся мыслями о том, как бы нам противостоять влиянию на неокрепшие умы экстремистских движений, уберечь от человеконенавистнических идей национализма и терроризма, пропаганда которых поставлена на поток как в Интернете, так и на некоторых зарубежных каналах радио и телевидения.

Как найти общий язык с молодежью, наладить диалог на понятном для ребят языке? Как заинтересовать их в общественно-полезной деятельности? Мы снова и снова задаем себе эти вопросы и исчерпывающих ответов не находим.

Радио? Телевидение? К сожалению, приходится констатировать, что уровень далеко не всех передач достаточен, да они и не пользуются особой популярностью у подростков и молодежи. Может быть, потому что не получается

Александр АРИСТОВ. Родился в 1962 г. в Ташкенте. Журналист. Ген. директор совместного узбекско-азербайджанско-российского предприятия «Kituohitoyata'tinot». Председатель правления Русского культурного центра Узбекистана.

у них откровенного, позитивного разговора. Нет равноправной дискуссии с молодыми людьми. А нравоучения, да еще и на примитивном уровне, давно уже набили оскомину. Выступления ученых – историков, обществоведов, политологов – тоже воспринимаются с трудом и не всегда достигают цели. А вредоносные профессионалы-пропагандисты не теряют зря времени на полях Интернета, к которому так пристрастна наша молодежь.

Мысль об объединении молодежи из разных культурных центров давно витала в воздухе. И в РКЦ Узбекистана пришли к выводу – необходима живая объединяющая идея. Надо пробудить молодежь, включить ее в некий общий процесс, при котором сохранялась бы общая канва, а вот подходы, способы реализации и средства выражения постоянно видоизменялись. Проект, в котором юноши и девушки могли бы самовыразиться, заявить свою жизненную позицию, выразить свое мировоззрение. И в конце концов раскрыть свои способности и таланты, неважно в какой сфере: ораторском искусстве, танце, песне, художественном творчестве... А в процессе у кого-то, неожиданно для него самого, могут раскрыться ярко выраженные лидерские качества или проявиться аналитические, философские склонности...

Мы решили назвать свое молодежное движение «Молодежный форум национальных культур».

В «Круглом столе» приняли участие 12 руководителей национальных культурных центров, республиканских и действующих в Ташкенте, Ташкентской и Сырдарьинской областях, члены Президиума Правления РКЦ Уз, деятели науки, в числе которых Н. М. Петрухина, к. филол. н., доцент, зав. каф. русского языка и литературы УзГУМЯ; В. О. Левинская, д. фил. н., преподаватель Международного Вестминстерского университета в Ташкенте; Н. А. Чекулина, доцент каф. русского языка и литературы ТГПУ им. Низами; С. А. Асанова, преподаватель каф. общественных наук Ташкентского филиала Российского института нефти и газа им. Губкина; О. Б. Цагараева, главный методист Центра тестирования при ТГТУ им. И. Каримова и другие.

В работе Круглого стола приняли участие Союз молодежи Узбекистана (руководитель отдела по работе с молодёжью в учебных заведениях Ташкентского городского Кенгаша), советник Посольства РФ в РУз А. В. Суханов. Но главными хозяевами и гостями форума были представители молодого поколения.

В докладах, с которыми на «Круглом столе» выступили активисты молодежного движения РКЦ Уз «Молодая смена», поднимались такие темы, как «Сохранение мира и межнационального согласия – важнейшая задача современности» (Наталья Никишина); «Чистота национального языка – главное условие сохранения национальной идентичности» (Максим Ижвильдин); «Взаимоуважение – необходимое условие сохранения мира в обществе» (Малика Закирова и Иван Кухаренко), «Особенности межнациональных отношений в разных странах мира» (Валерия Байматова). В обсуждении этих докладов и в развернувшейся вокруг них полемике приняли участие молодежь, студенты, молодые представители национальных культурных центров и их руководители.

Как отметил председатель Правления Республиканского Украинского культурного центра «Славутич» В. Ф. Бойко, форум положил начало очень нужному и полезному делу. Вообще целесообразно создать молодежный общественный совет, помогающий решать насущные для молодого поколения вопросы.

Ирина Панкратова с участниками форума.

Вторая часть форума – концерт в большом зале консерватории. Здесь развернулось поистине феерическое действо при поддержке других национальных культурных центров и Международного инновационного общественного объединения «Одаренные дети» (руководитель – А. И. Абрамашвили).

«В этом концерте отразилось все многообразие танцевальной и песенной культуры народов, населяющих нашу республику», – отметила главный организатор мероприятия И. Ю. Панкратова.

Были представлены танцы разных народов: русский, таджикский и кавказский танцы в исполнении участников ансамбля «Merry kids». Корейский танец показал коллектив Ассоциации корейских центров Узбекистана «Чеджу до», украинский и татарский продемонстрировал ансамбль «Эдельвейс».

Отлично выступили и юные вокалисты (макомы в исполнении Ясины Омар, турецкая песня Селинай Олгун, победитель конкурса «Голос. Дети» в Москве Сабина Мустаева, исполнившая песню на польском языке «Сон о Варшаве»).

Звучали стихи о разных странах и краях в исполнении активистов молодежного движения Русского культурного центра.

В заключение в качестве эстафетной палочки Председателю Казахского культурного центра Узбекистана С. Н. Усенову был передан национальный узбекский ляган с надписью в центре «Молодежный форум национальных культур», а на самой кромке – «Русский культурный центр Узбекистана». По мере того как будут проводиться такие же молодежные мероприятия в рамках форума в национальных центрах, будут пополняться надписи на лягане. При этом формы проведения могут быть самыми разными, но в целом в этом важном проекте будут отражены многочисленные грани важной работы с молодежью, направленной на укрепление интеграционных связей, сохранение и преумножение духовно-нравственных связей, взаимоуважения и дружбы народов, населяющих нашу страну, наш «общий дом».

Успехов, форум!

Надеемся, что наш форум из столицы шагнет в другие регионы страны, станет постоянно действующим. И, таким образом, ляган приобретет неповторимую расцветку и станет настоящим артефактом.

«РОДИНА ДЕТСТВА, ХРАНИ ТЕБЯ БОГ ОТ МЕТЕЛЕЙ...»

Александра ДАВШАН

В оглавлении поэтических сборников Александра Файнберга вместо привычных заголовков иногда стоят цифры – 1941, 1942, 1943, 1952. Отчасти они узнаваемы. Это даты мировой истории и это детские годы поэта. Здесь билось время, и поэт искал в нем главное для себя. Отсюда совмещение в лирическом герое ребенка, подростка из давно прошедшего и взрослого, вглядывающегося в прошлое. Авторское кредо известно – неприкосновенность к «чуждым думам, чужой наковальне, чуждому жнивью» и пребывание в своих пределах – «любая нива, но моя».

В исторических рамках хронологически первое стихотворение «1941». Здесь маленького героя нет, он живет в ранее созданном «Детстве», в ожидании каникул, с мечтой о «леденцовом петушке». Смысловый акцент стихотворения «1941» подчеркивает патриотический подъем начала войны («Поет войну седая медь. Подковы лупят в мостовую») и соответствует первому испытанию – разлуке. Она, на года или на всегда, в подтексте сюжета. Дискурс подобной тематики достаточно разработан. Вспомним известную «Песню о солдатских сапогах» Булата Окуджавы, где «грохочут сапоги, грохочет барабан», солдат прощается «с ней», где создана ретроспектива «прошлое – вранье», выход из него «с надеждой в будущее – свет» и возвращение в военное настоящее: «И снова переулком сапоги... И женщины глядят из-под руки».

В стихотворении А. Файнберга закономерная неопределенность военной судьбы («Сомкнуло время жизнь и смерть») должна раствориться сейчас и замениться очень личным неприятельным, чтобы не исчезла уверенность «любимая да не обманет». Найденные реалии предельно просты и материальны – варежка и платок. Но как же они, как и любимая, беззащитны! У Б. Окуджавы зримо страдает героиня: «Уходит взвод в туман, туман, туман...». У А. Файнберга – лирический герой: «Варежка ее вдали, уже в тумане».

Постоянная деталь в русской любовной лирике – женский платок. В военной поэзии «синенький скромный платочек» символизирует верность, и поэтому «строчит пулеметчик за синий платочек». Платок не падать должен, а «быть на плечах дорогих». У А. Файнберга не падающий, летящий платок – заслуга не женщины, а воздушного потока от трубы геликона. Славной, славящей музыкой начато стихотворение, прошальным ее вздохом завершено.

А вот варежка и платок как личные детали продолжают жить в стихах поэта. Теперь варежка на руке подростка («Креолка и бык») и хранит записку с первым признанием «ай лав ю».

«Снегопад» – плач о потерянной любви. Обязательные для жанра плача повторы –

Александра ДАВШАН. Доктор филологических наук, видный литературовед, общественный деятель, активно исследующий актуальные проблемы русского литературоведения и взаимодействия культур и литератур в Узбекистане.

«тебя здесь нет. И все же ты повсюду» – соединяют отчаяние и надежду. Образ любимой, как ни в каком другом стихотворении, конкретизирован. Вспомнута все: «Плещется пальто; сумка мерцает пряжкой ледяною, на тонком ремешке через плечо покачиваясь в такт твоим шагам; ветер из тоннеля едва колышет волосы твои; карие глаза, летящие, как ножи; жаркое монгольское дыханье и варежка с оленем белым».

Платок – психологическая деталь в стихотворении «Я с весны уж на кладбище не был». Время, место, действия лирического героя подчиняются иным законам. В «Снегопаде» все движется любовью. Январский снег на всей земле, и в январской земле продолжается поиск. Во втором стихотворении время меняется: была весна, а наступил ноябрь. Место – это и кладбище, и порог дома. Состояние героя проходит разные фазы: бездействие (не был) – неожиданное виденье (увидел) – вернувшаяся мысль (вспомнил). Меняется символика платка – в «1941» он еще не падает, то есть жизнь возможна. Здесь он единственный и падает, как снег с неба, – жизнь кончилась. Финальное троекратное повторение одинакового словосочетания – «день рождения» – главное в стихотворении. Оно расширяет границы грустной миниатюры.

Исторический и личный – два этих пласта могли существовать параллельно и порознь, пересекаясь, дополняя, уточняя, детализируясь в образном мышлении автора, создавая его индивидуальную поэтику.

Поворот в мировой войне наметил 1943 год. Эти цифры в заголовках стихов встречаются дважды, но А. Файнберг писал не о войне:

*В какие бы мы гении ни вышли,
мы все-таки не видели войны.
Ровесники, ну кто из нас напишет
«Я знаю, никакой моей вины...»?
Там жизнь и смерть. Там перед правдой голой
все образы, все ритмы не в цене.
И потому грешить мне чем угодно,
Но только не стихами о войне.*

Сонет «Ташкент. 1943» и стихотворение «1943» о разном, и связаны они единственным общим словом. В одном случае «тыла снежная погода», в другом – «плывет по тылу медленное лето».

Тыл – изнанка войны, ее обратная сторона. О героизме в тылу написано немало, но вспоминают его реже, чем подвиги на полях сражений. Они ярче, рельефнее, эмоциональнее, и «шлем летчика» на мальчишке тоже говорит в пользу военной героики. Сюжетные детали – телогреечка, винтовка, инвалид, погибшие сыновья – результат только войны, но окружены деталями описательными и психологическими, исключительно бытовыми. В этой обыденности трагедия народа, ужас даже при полном отсутствии выстрелов. Поэтический сюжет повествует не об одном рядовом событии, а о главном и единственном, о Событии как сущности лирического мира. Для стихов о 43-м годе А. Файнберга таким Событием становится жизнь тыла. На личном уровне восприятия она есть в мемуарной прозе, созданной в Узбекистане очевидцами и ровесниками, не знавшими друг друга, но одинаково воспринимающими происходящее.

Вот их свидетельства. «В 1941–42 учебном году я учился в 8 классе самаркандской школы № 21. Из окна классной комнаты, выходящей на Ташкентскую улицу, зимой часто можно было видеть, как мимо школы движется телега, нагруженная доверху телами людей, умерших за прошедшую ночь прямо на улицах Самарканда. Умершие – это были эвакуированные из западных районов страны, занятых к тому времени немцами. В городе многие нигде не смогли устроиться, они погибали от холода и голода... Вскоре помещения школ в городе стали забирать под военные госпитали для нескончаемого потока раненых... Старогородская школа поблизости от нашего дома объединилась с другой школой, находящейся в новом городе, так что туда я уже не мог добраться. И в военные годы я вынужден был прервать учебу», – пишет

доктор филологических наук, зав. сектором русской литературы в Институте языка и литературы Академии наук Узбекистана Маъсуд Маруфович Расули (1925–1996). («Исповедь»). Издательство «Укитувчи», 2000. С. 79-80).

Из ташкентских тетрадей Георгия Эфрона: «3.1.43. За эти несколько дней моя жизнь успела перевернуться. 31-го числа был вывешен приказ о призыве граждан 1925 года рождения на действительную военную службу (с. 142). Кому я оставляю мои дневники и книги? (с. 144). 5.6.43. Есть хочется дико, но денег нет (с. 252). Мой маршрут таков: пойти в гастроном, посмотрю, есть ли там что-либо, если есть, то буду стоять в очереди, предварительно продав книгу стихов Ахматовой, т. к. денег нет ни гроша. Эх, не хочется мне продавать эту книгу, потому что там очень много замечательных стихотворений (с. 261). Все книги продал... И даже все книги Марины Ивановны. И был сыт. Продавая эти книги, я гораздо более ошушал себя преступником (с. 284)». (Георгий Эфрон. Дневники. В 2 томах, т. 2. «Вагриус», 2007).

Написанная в 1943 году ахматовская строка «А умирать поедом в Самарканд, на родину предвечных роз» – не элемент восточной экзотики, а трагическая правда. Упоминание книг Ахматовой в записях Г. Эфрона – как свет, которым завершается вольный сонет «Ташкент. 1943» А. Файнберга: «Ахматовой распахнутые двери». Предчувствие прошедшего – так мы определяем стихи поэта с датами.

Народная память, сохраняя прошлое, заселяла его героями понятными и близкими. Помимо песен, легенд, быличек, история – в том числе 1943 года – отражалась в анекдотах, юмористических сценках, карикатурах, шаржах. В их иногда наивности, иногда тяжелых оплеухах проступали доброта, сочувствие, бессилие, ярость. Героями такой литературы стали Костя-моряк и рыбачка Соня, песенка о которых впервые прозвучала в Ташкенте, где снимался фильм «Два бойца». О них стихотворение А. Файнберга «Одесса».

Место действия, конечно, Привоз, цель – продажа таранки. Действующие лица – одесситка и приезжая из Москвы. Хозяйка рыбы уже встречалась в другом стихотворении: «коль краса Одессы Рива навстречу гаркнет: «Здрасьте вам!» – мне рынок в нос ударит рыбой с морскою тиной пополам». Весь текст «Одессы» – ее монолог. Отношение, поступок, результат – вот руководство в жизни одесситки. Поэтому продать рыбу, если москвичка сказала что-то о Косте и «ему не мед от ваших слов» – ни за что: «Снимайте сумочку с весов... Не фасоньте. Не надо. Спрячьте кошелек». Однако остаться безразличной к размолвке с покупательницей никогда не было целью на Привозе. Что надо объяснить приезжей? Костю и Соню. О любви не говорится – это всем известно из песни: «Наш Костя, кажется, влюбился, кричали грузчики в порту». Из этой же песни эпиграф к стихотворению. О настоящих одесситах – только слогом житейской мудрости: «Он так берёт рыбачку Соньку! Дай Бог, чтоб муж Вас так берёт». Одно слово «берёт» объяснит все: и верность до гроба, когда о прошлом, и доброе пожелание приезжей в настоящем. Но москвичка должна узнать цену этого слова:

*Там в сорок третьем на минутку
Они сожгли его в трубе.
Так Сонька злилась не на шутку.
Она стреляла в генерала,
да так, что через пополам.*

Где «там» и кто «они» – понятно. Это общая боль. Реакция приезжей – стыд за свое незнание или забывчивость – отражена словами одесситки: «Каких еще Вам нужно драм». После них наступает время успокоить и ободрить молодую женщину: «Они в раю. Я Вам ручаюсь». Но потрясение не проходит, и одесситка возвращает покупательницу в действительность рынка, объединяя разные города – свою Одессу и ее Москву – общим артефактом. Ведь сказать «куранты», значит, иносказательно назвать Кремль. Но куранты в первом значении – часы, а они есть в Одессе. Стоять,

как куранты, можно и здесь, и там. Теперь понимание наступает, и следует поступок: «Вы что хотели? Ах, таранку?! Так ставьте сумку на весы». Так сорок третий, коснувшийся и фронта, и тыла, и Одессы, и Ташкента, и Москвы, «смертью смерть поправ», объединил всех.

Военные годы без указания дат, которых нельзя не знать, в композиционной основе лирической поэмы «Изабелла». Испанские дети в Москве – середина тридцатых. В руинах польская земля – 1939-й. Рождение сына за ночь до войны – 21 июня 1941 года. Граница, Брест – 22 июня 1941 года. Гетто, печь, где смертная зола, – с 1942 года и дальше. Таков комментарий А. Файнберга ко Второй мировой войне.

Безмятежно и светло начинается стихотворение «1952»:

*У апреля зеленые тени.
И открыто окно поутру.
Чья-то песенка там, за сиренью,
Чей-то легонький шарф на ветру.
Ночью град прогулялся по крышам.
Мне двенадцать. Ни бед, ни утрат.
Где-то горлинка горлинку кличет.
Где-то мама с отцом говорят.*

Возможно, сегодняшнему читателю цифры ничего не скажут – никаких вроде событий в мировой истории не происходило. Достижения в восстановлении послевоенной жизни в огромной стране-победительнице скрывали очередные нарастающие репрессии. До «холодного лета 53-го года» было еще далеко. Стихотворение «1952» окружено тематически близкими, стилистически повторяющимися образами и мотивами в стихах «Детство. Фрагмент», «Школа», «Мартын-балалай».

Казалось, мир лирического героя-подростка ограничен локальными проблемами, но именно через них происходит развитие его души. В ранние годы ребенок мог только присутствовать. Теперь он, не сразу, конечно, наблюдая, действует. Драка с ябедой, тупицей, лгуном – не просто школьные возрастные разборки, а тающее доверие справедливости, пока на уровне школы, несмотря на серп и молот у парадного входа.

Переход от детской защищенности незнанием к еще самому себе не ясной реакции на происходящее, увиденное, услышанное впервые – лейтмотив в стихах о детстве. Все запретное помешается в одну строфу без всякой оценки:

*Там я тайно курю сигарету...
Слышен крик из квартиры соседа.
Дверь распахнута. Обыск идет.*

Казалось бы, фрагмент о детстве написан про то же: «Девятое. День Победы. Радуга. Синее небо. Я собираю льдинки. Подкидываю. Смеюсь». Но исчезло пространство запрета. Теперь все окружающее оказалось в нем: «У моего соседа обыскан и дом, и сад... Машина с огромной будкой стоит у ворот соседа... Выносят из дома фикусы... В будку бросают картины...»

Мальчишеская устремленность к технике и просто к машине приводит к еще детской обыкновенной просьбе: «Дядя шофер, прокатите. Немного. До перекрестка». Я по дверце стучу. Дядя шофер смеется: «Когда-нибудь прокачу».

В детском мире А. Файнберга детали спокойно-описательные. Неявный параллелизм усиливает принципиальную несовместимость: «Начальник стругает пруттик. Горит золотая фикса... Наша училка по русскому – это соседа жена. Заплаканная и грустная стоит у ворот одна». Все дано глазами подростка. Ему еще не приходит в голову: если одно и то же повторяется, то событие исключением быть не может.

Именно в этих «взрослеющих» стихах зарождается интерес к звуку и к слову. Обычно, что мама с отцом говорят. Но вот горлинка горлинку кличет – на птичьи сигналы, достаточно распространенные, надо обратить внимание. Крик в первое

мгновение всегдастораживает. Песенный мотивчик может вертеться в голове даже независимо от нашего желания. Но Клавдия Шульженко напоминает: «не надо письма наши старые читать». А Леонид Утесов не забудет: «Есть море, в котором я плыл и тонул, и на берег выташен, к счастью. Есть воздух, который я в детстве вдохнул и вдоволь не мог надышаться...» Все это, естественно, в подтексте, но для расширения восприятия и существует контекст.

Слово персонифицируется. У арестованного соседа, помимо важных для подростка заслуг – «Он был на войне командиром», – оказывается еще одна, не характерная – «знает стихи наизусть».

Непосредственное погружение в атмосферу поэзии происходит так же неожиданно на школьном вечере. Вместо «Письма Татьяны» прочитан «Андрей Шень». Реалистическая точность описания, психологизм деталей, сложный поэтический синтаксис, передающий меняющуюся интонацию, создают живую картину:

*Ах, Пушкин!
В нашу школу?
Вы?
В каком краю? В какой стране?
О чем она?
Андрей Шень?!*

Пушкинская элегия – прорыв в запрещенное. Пушкинские строки в стихотворении не цитируются. Однако лирический сюжет реакцией слушателей-школьников раскрывает, что слова «подозрение», «преступление», «оплачьте», «гроза пройдет», «свиток верный» отгаданы. Иначе как понять: «И вдруг среди зала, в тишине – С ума сойти? – Андрей Шень». Ведь он в последний раз обращается к друзьям – и наступит смерть. Услышав слова произнесенными, слушатели не могли не откликнуться. А. Файнберг ухватил этот миг и «Школой» начал свой сборник «Мгновение».

Много позже будет написан «Автопортрет». Биография поэта – в его стихах. «Но если поэт в искусстве, его нет в жизни. И обратно», – такова позиция теоретика литературы, исследователя строгого и признанного М. Бахтина.

Образ мальчика – идеальный образ поэта. «Мальчик пишет стихи. Он поэт. Он не может иначе... Чтобы по боку мир, да и все, что творится на свете – мимо... Так... невзначай... И с открытым лицом перед смертью. Мальчик пишет стихи, никого, как всегда, не кляня».

Явное противопоставление в современной позиции: «Я давно уже так не умею... Я смотрю на него и немею». «Я» в стихотворении – это голос лирического героя, осознавшего, что жизнь прошла и плакать бесполезно, потерявшего искренность творческого дара и поэтому ничем более не связанного с поэзией. Стихотворение – и о смысле жизни, и о смысле творчества. Возможно, самое горькое в лирике А. Файнберга.

Вот так рос поэт в сороковых годах двадцатого века. Его родина детства – вся земля с ее красотой и тревогами, мир тех лет. Его черты, как и детские мечты, еще много раз встретятся в поэзии А. Файнберга, но совсем-совсем по-другому...

Аскарый МАДРАИМОВ

ТЮРКСКИЙ МИР В «МЕМУАРАХ» АХМАДА ЗАКИ ВАЛИДОВА

Ахмад Заки Валидов – выдающийся башкирский востоковед, автор свыше четырехсот статей и монографий, среди которых особо выделяются его «Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру» (впервые опубликовано в 1969 году в Стамбуле).

«Воспоминания» или «Мемуары» А. З. Валидова – это своеобразная энциклопедия культурной и политической жизни обширного региона, который автор определяет как тюркский мир. В этой книге рассказывается не только о революционной эпохе России (1917–1922 гг.), но даётся много сведений о необычайной судьбе самого автора, формировании его мировоззрения.

Вопросы взаимоотношения культуры башкирского народа с узбекской (туркестанской) культурой занимают особое место в «Мемуарах», в частности, интерес к творчеству Алишера Навои.

В «Воспоминаниях» нет отдельной главы о Навои, но внимание к личности и творчеству Алишера Навои проходит красной нитью через всю историю жизни А. З. Валидова. Автор через собственное восприятие и высказывания других персонажей передает отношение к творчеству и жизни Алишера Навои башкирской интеллигенции.

Так, в советской тюрьме в Оренбурге (1918 год) и в турецкой тюрьме в Стамбуле (1944 год) А. Валидов повторял наизусть стихи, услышанные от матери еще в детстве, среди которых были газели Навои. «Откуда она их взяла, не знаю; в нашей библиотеке этих стихов не было. Память матери хранила отрывки из произведений Фаридулдина Аттара, Джалаладдина Руми, Алишера Навои, Ахмада Ясави, Суфи Аллаяра...»

Одним из ближайших друзей А. З. Валидова был Ибрагим Каскынбай. О нем он писал: «Ибрагим Каскынбай ...был сыном Шамседдина Каскынбая. Шамседдин Каскынбай, как и мулла Вали ...оба они замечательно владели чагатайской (классической узбекской – М. А.) литературой, особенно досконально изучили труды Ахмада Ясави, Алишера Навои и Суфи Аллаяра... У них были арабские и персидские книги.

Ибрагим учился в медресе моего отца ...и лучше других был знаком с персидской культурой и культурой Бухары (т. е. узбекской – М. А.) ...выучил наизусть

Аскарый МАДРАИМОВ. Родился в 1976 г. в Ташкенте. Окончил факультет истории ТГПУ им. Низами. Преподавал в Ташкентском химико-технологическом институте. Докторант ТашГИВ. Автор более двадцати научных работ и участник многих международных и республиканских научно-практических конференций.

множество строк Алишера Навои, ... также философские стихи из очень популярной и почитаемой во времена Темуридов книги “Нузхат ал-арвах”.

«Алишер Навои говорил: “С заходом солнца, когда пожелтел закат, укрась, раскрась праздник разноцветным вином. / Не забывай Всевышнего, но и не оставляй вина, / Ибо завтра ты увидишь, что Бог Истинный и прощающий”.

...Медовку, напиток, не запрещенный исламом, пили даже некоторые имамы. Такое поведение нашего имама соотносилось со взглядами и убеждениями Алишера Навои...»¹

«“Диван” (“Собрание стихов”) Алишера Навои было у отца и у Каскынбаевых, а напечатанная в типографии «Хамса» («Пятерица» или «Пять поэм») – в ауле Сайран и у Бикбулатахазрета».

Даже в минуты своей душевной слабости А. З. Валидов вспоминал стихи Алишера Навои. Например, его ученик Усман увидел его в состоянии сильного опьянения, а А. З. Валидов стихами Алишера Навои объяснил свое состояние: «Годами я слушал шейха, но слова эти не принесли удовольствия моему сердцу и радости моей душе; Но один глоток напитка, который протянул мне неверный, продающий вино, заставил петь мою душу и вызвал волнение в сердце»².

А. З. Валидов писал: «Я сидел у окна и Усман обратил внимание на то, что я повторяю и повторяю строки Алишера Навои: «Эй, мы покинули друга, обидели его, надо ехать по степям, искать другого. Но... что пользы от поисков? Кого мы найдем? Лучше вернуться к старому другу и постараться вновь завоевать его сердце».

Во время второй научной поездки в Туркестан А. З. Валидов вспоминает, что приобрел в Карши большой труд Зайниддина Махмуда Васифи, автора XVI века, который описал культурную и общественную жизнь Герата в Эпоху Темуридов³. По мнению А. З. Валидова, этот труд является важным источником, особенно для тех, кто изучает творчество и историю Алишера Навои и его окружение.

А. З. Валидов в 1941 году для «Энциклопедии ислама» на турецком языке написал статью «Алишер», отдельные статьи «Вопрос об Алишере Навои: Ответ другу Риза Нуру», «Великий тюркский поэт Алишер Навои». Кроме того, у ученого есть книга «Алишер Навои: Жизнь и творчество», которая еще не опубликована. В свое время книга была сдана в набор, однако издание было отменено после событий 1944 г. И больше не возобновлялось. Первый том (276 с. машинописи) готов к публикации. Второй том представляет собой рукописный текст и иллюстрации»⁴.

Изучение «Воспоминаний», а также других произведений А. З. Валидова показывает, что Алишер Навои является одной из самых почитаемых личностей, многократно цитируемым поэтом, близким по духу не только автору, но и всему башкирскому народу. Поэтому А. З. Валидов, будучи в родном городе великого поэта в Герате (территория нынешнего Афганистана), отыскал место его погребения и неоднократно отмечал, что жители помнят своего великого земляка «как шахи гарибан», т. е. покровителя бедняков.

Глубокое изучение богатого наследия крупного башкирского ученого А. З. Валидова о великом узбекском поэте Алишере Навои указывает на тесные культурные взаимоотношения между узбекским и башкирским народами в прошлом.

¹ Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. / Перевод с турецкого В. Б. Феоновой. – Москва: 1977, с. 38.

² Там же, с. 69.

³ Там же, с. 99.

⁴ Материалы к библиографии Ахмет-Заки Валиди Тогана / Составитель Р. М. Булгаков. – Уфа: 1996, с. 38–39.

Азатгул ТАШМАТОВА

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

*Главное назначение искусства –
служить своему народу,
быть ему полезным,
воспитывать его, духовно
обогащать, совершенствовать.*

В эпоху независимости происходит возвращение исконных народных традиций, духовно ценным и ярким примером тому является республиканский фестиваль многоголосных ансамблей, оркестров и оркестров национальных инструментов («Наврүз садолари»).

Когда фестиваль проводился впервые (2008 г.), в нем участвовало чуть более ста человек, сегодня число его участников возросло почти в десять раз.

Фестиваль «Наврүз садолари» проводился девять раз ежегодно. С 2015 года (с 8 фестиваля) он вышел на международный уровень, в нем принимают участие ансамбли и оркестры из Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана. Организаторами фестиваля являются Министерство народного образования РУз, Министерство культуры РУз, Международный благотворительный фонд «Соғлом авлод учун», Швейцарское бюро по сотрудничеству Посольства Швейцарии в РУз, Информационный центр ООН, Общественное движение молодежи «Камолот» (с 2017 года), Государственный камерный оркестр узбекских национальных инструментов «Соғдиана», кафедра исполнительства на народных инструментах Государственной консерватории Узбекистана, Союз композиторов Узбекистана. Спонсором фестиваля стало Творческое объединение «Тасвирий ойна».

Яркое событие последнего фестиваля – выставка узбекских народных инструментов, которая продемонстрировала неисчерпаемое богатство и эстетическую ценность исконно традиционных народных инструментов, свидетельствующих о возросшем уровне научного конструирования и производства экспериментальных инструментов силами опытных мастеров научно-производственной экспериментальной лаборатории «Миллий чолгу» при Государственной консерватории Узбекистана.

Торжественному открытию фестиваля предшествовала пресс-конференция, в которой приняли участие организаторы и участники, представители СМИ, Гостелерадиокомпаний. На пресс-конференции шел заинтересованный разговор о целях и задачах фестиваля, о достижениях и проблемах народного инструментального

Азатгул ТАШМАТОВА. Кандидат искусствоведения, профессор ГКУз. Родилась в 1959 г. Окончила Ташкентскую консерваторию. Директор НПЭЛ «Миллий чолгу». Автор монографий, учебно-методических пособий и научных статей.

исполнительского искусства. Координатор фестиваля заслуженный деятель искусств Узбекистана, профессор Ф. Р. Абдурахимова обобщила итоги предыдущих фестивалей «Навруз садолари» и подчеркнула его воспитательную и образовательную роль. В 2015 году в I-м Международном фестивале приняли участие 42 коллектива, более 700 юных музыкантов-исполнителей и певцов. Отрадно то, что на этот фестиваль приехали коллективы из всех областей, республики Каракалпакстан, а также из Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана.

Победители первого этапа фестиваля были отобраны для участия в Международном фестивале, ставшем праздником культуры и искусства международного значения.

Перед началом фестиваля как бы с приветствием для гостей выступил Государственный камерный оркестр национальных инструментов «Согдиана». Увертюра «Янгра дойра» композитора А. Мансурова сразу создала в зале праздничную атмосферу. Прозвучали детские произведения, а также песни М. Махмудова «Тулпор», С. Юдакова «Бахт қўшиғи», В. Шаинского «Чебурашка», «Маленький лев и черепаха», «Чунга-чанга», «Вместе весело шагать по просторам», «песня Крокодила Гены», «Антошка», в конце прозвучала песня «Пусть всегда будет солнце» А. Островского, которую пели не только дети на сцене, но и сидящие в зале.

Во II-м Международном фестивале, в 2016 году, приняли участие учащиеся академических лицеев и музыкальных колледжей, а также студенты высших учебных заведений, профессиональные коллективы и студенты консерватории.

В 2017 году в десятом Республиканском и III-м Международном фестивале участвовали только дошкольники и учащиеся детских школ музыки и искусства.

Фестиваль открылся выступлением ансамбля узбекских народных инструментов «Болажон» детского сада № 43 города Андижана под руководством Назихи Муминовой. В исполнении малышей прозвучали произведения «Мой Навруз» Н. Нарходжаева, «Мои цыплята» М. Хусейнли и «Цыплята» А. Филиппенко.

В исполнении ансамбля «Ширинтойлар» детского сада № 2 Джалакудукского района Андижанской области под руководством Собиржона Яркенова артистично были исполнены «Мой Навруз» Н. Нарходжаева, «Мои цыплята» М. Хусейнли, белорусская народная песня «Савка и Гришка», чешская народная песня «Жучка и кот».

Лауреат фестиваля детского творчества «Янги авлод» ансамбль «Асалои» детского сада № 360 Учтепинского района города Ташкента под руководством Нилуфар Реджаметовой живо исполнил произведения «Мой Навруз» Н. Нарходжаева, «Мои цыплята» М. Хусейнли и узбекскую детскую шуточную песню «Дождик-дождик».

Наряду с ансамблями и оркестрами Республики Узбекистан на фестивале выступил ансамбль народных инструментов города Ходжента (Таджикистан, руководители Замира Джураева и Дильшод Хамракулов), исполнивший «Кылпыллама» на основе узбекской народной мелодии В. Сапарова (солист О. Мамаджанов-Кашгарский, рубаб), «Надежда» Э. Салихова и «Сайри лола» О. Назарова и Я. Сабзанова.

Затем выступил ансамбль народных инструментов города Бишкека (Кыргызстан, руководитель Жусуп Айсаяев). Данный коллектив исполнил обязательную программу и произведение киргизского композитора А. Оганбаева «Машботой», продемонстрировав мелизмы и национальные приемы исполнительства.

Выступление ансамбля кобызистов «Жез киик» РСМШИ имени А. Жубанова (Алматы, Казахстан, руководитель Турехан Карибаев) очаровал слушателей высоким мастерством исполнительства. Интересно была сыграна обязательная программа, затем прозвучало произведение казахского композитора Курмангазы – «Кызыл кайын серпер». Слаженный ансамбль, красивый и полноценный звук, высокая техника исполнительства правой и левой руки.

Ансамбль домбристов «Асылмура» РКСМШИ имени А. Жубанова (Алматы, Казахстан, руководитель Махсутхан Ташимов) очаровал зрителей удачными и

своеобразными приемами исполнительства, мастерством и техникой звукоизвлечения правой руки, виртуозностью.

Оркестр РКСМШИ имени А. Жубанова (Алматы, Казахстан, руководитель Нуркен Аширов) исполнил «Концертную пьесу» О. Абдуллаева (солист – Алия Абдугалиева), узбекскую народную мелодию «Рок кашкарча» в обработке Б. Гиенко и «Мухамбет» Н. Тлендиева (обязательная программа для оркестровых коллективов). Разнообразие тембровых красок, мастерство исполнения, точная передача характера музыки, своевременное выполнение, динамика и штриховая техника заворожали слушательскую аудиторию.

Среди коллективов артистизмом исполнения отличились оркестры города Ташкента: РСМАЛ имени Р. Глиэра под руководством Джасура Уткурова и РСШИИ под руководством Кахрамона Базарова. Хорошее впечатление произвели областные коллективы – оркестр «Наво» ДШМИ № 3 города Андижана, оркестр «Шодиена» ДШМИ № 17 Бувайдинского района Ферганской области под руководством Гайратджона Сулейманова, оркестр ДШМИ № 1 города Гулистана Сырдарьинской области.

В первый день в рамках фестиваля после прослушивания различных ансамблей состоялся круглый стол «Инструментальное исполнительство: проблемы и решения» для руководителей коллективов, нацеленный на помощь в решении проблем сольного, ансамблевого и оркестрового исполнительства. Дети в это время слушали органную музыку. Во второй день проводились мастер-классы по шести инструментальным направлениям, а также по дирижированию и инструментовке, состоялся концерт оркестра народных инструментов РСМАЛ им. Р. Глиэра города Ташкента, где исполнялись узбекские народные мелодии, произведения композиторов Узбекистана, русская и зарубежная классическая музыка.

Завершился фестиваль вручением дипломов I, II, III степени лауреатам фестиваля, поощрением участников в различных номинациях.

Лауреатами I премии стали:

ансамбль струнных инструментов ДШМИ № 21 Риштанского района Ферганской области (руководитель Ю. Сулейманов);

ансамбль «Шодлик» СМШИ № 7 им. Т. Садыкова при отделе Народного образования Андижанской области (руководитель Г. Тухтасинова);

ансамбль кобызистов «Жез киик» РКСМШИ им. А. Жубанова г. Алматы, Республика Казахстан (руководитель Т. Карибаев);

оркестр «Наво» ДШМИ № 3 г. Андижана (руководитель Ш. Муминова);

оркестр РКСМШИ им. А. Жубанова г. Алматы, Республика Казахстан (руководитель Н. Аширов);

оркестр РСМАЛ им. Р. Глиэра г. Ташкента (руководитель – Ж. Уткуров).

Фестиваль «Навруз садолари» – свидетельство огромного внимания, уделяемого молодежи в нашей стране. Статус международного придает фестивалю большую весомость, повышает авторитет узбекской музыкальной культуры в мировом сообществе, открывает новые перспективы в развитии музыкального искусства.

Фестивали способствуют духовному развитию каждого ребенка, ансамбля и оркестра, а точнее, исполнительского искусства в целом. Во время фестиваля участники обмениваются опытом, секретами звукоизвлечения, набираются опыта, совершенствуют мастерство исполнения.

Проведение в республике Международного фестиваля многоголосных ансамблей и оркестров народных инструментов «Навруз садолари» имеет неоценимое значение для повышения интеллектуального уровня общества, распространения музыкальной грамотности и совершенствования исполнительского искусства.

Музыка не требует перевода и доступна слушателям всего земного шара, она сближает народы, способствует дружбе между народами, обогащает и духовно совершенствует личность.